Б29100

Ниндзя
Воуй

1953

947
P76

29100

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

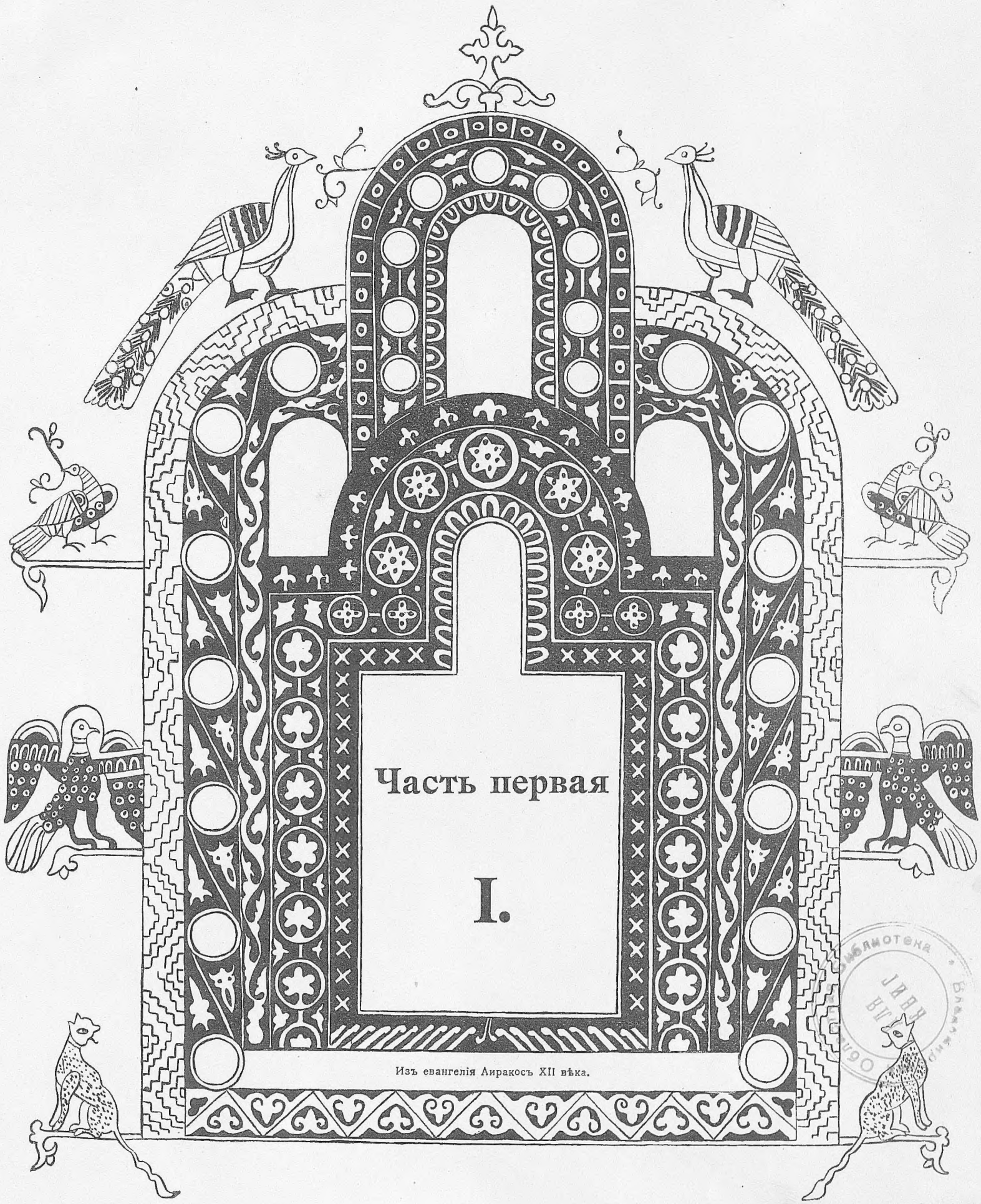
Иванч. прол. издат. Зак. 32

БЫТОВАЯ
РОССІЯ

Посвящается
памяти
Ивана Егоровича
Забѣлина.

Владимирская Уездная Центральная Библиотека
Владимирская Областная Библиотека
ДЛЯ КНИГ

ТИПОГРАФІЯ
„Русскаго Товарищества".
Москва, Мыльниковъ пер., с. д. Телеф. 18-35.

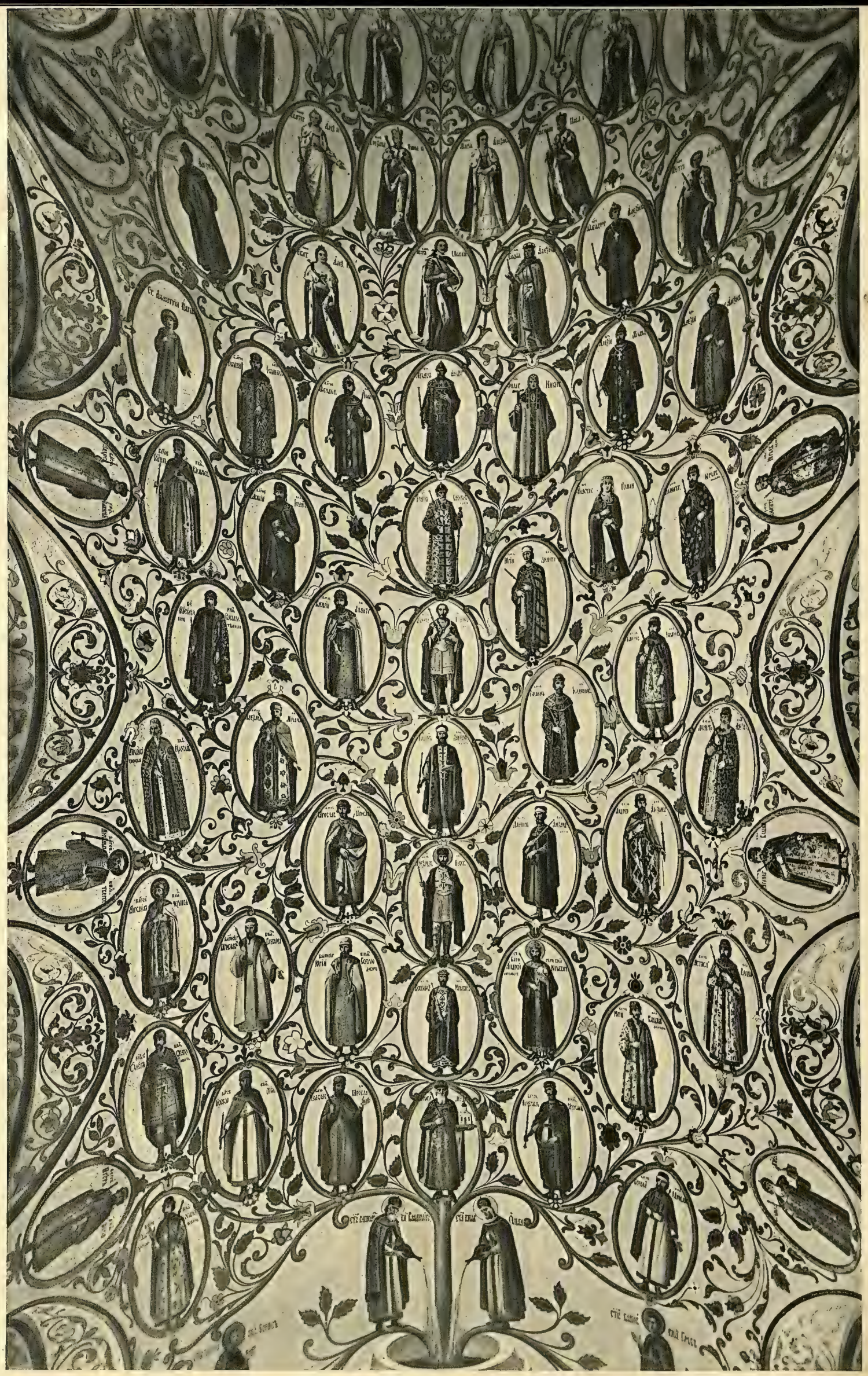


Часть первая

I.

Изъ евангелія Аиракосъ XII вѣка.

Библиотека



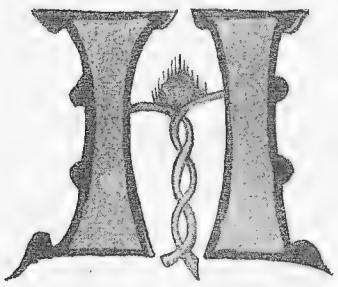
РОДОСЛОВНОЕ ДЕРЕВО РУССКИХЪ КНЯЗЕЙ, ЦАРЕЙ И ИМПЕРАТОРОВЪ.

Библіотека Народнаго
Университета
№
Владимірскаго Губернскаго
Земства

Заставка изъ харатейнаго Евангелія XII в.

Геологическое прошлое и географическое настоящее Москвы.

Проф. *Д. Н. Анучина.*



сторія мѣстности, занятой въ настоящее время Москвой и ея окрестностями, можетъ быть раздѣлена на три періода, а именно, идя отъ послѣдующаго къ предыдущему, на 1) періодъ историческій, 2) періодъ доисторическій и 3) періодъ геологическій. Историческій періодъ для Москвы начинается съ 1147 года, когда въ лѣтописи записанъ фактъ приглашенія суздальскимъ княземъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ его союзника сѣверскаго князя Святослава Ольговича къ себѣ «въ Москову», въ свою пограничную вотчину-усадьбу, гдѣ по случаю пріѣзда дорогого гостя устроенъ былъ «обѣдъ силенъ». Доисторическій періодъ, охватываетъ время, предшествовавшее историческому и включающее въ себя всѣ вѣка, въ теченіе которыхъ человѣкъ, русскій или инородецъ, жилъ уже на территоріи нынѣшней Москвы и ея окрестностей, при тѣхъ же, какъ и теперь, или при болѣе или менѣе отличавшихся отъ современныхъ географическихъ условіяхъ. Наконецъ, геологическимъ періодомъ можетъ быть названо все время, предшествовавшее появленію человѣка и охватывающее многіе милліоны лѣтъ, протекшіе со времени образованія земной коры и возникновенія моря или суши на мѣстѣ нынѣшней Московской губерніи. Это подраздѣленіе на три періода, конечно, болѣе или менѣе условно, и границы между ними не могутъ быть вполнѣ опредѣленными и рѣзкими. Даже начало историческаго періода, хотя оно и связано съ

1147-мъ годомъ,—когда впервые упоминается о «Московѣ», — не можетъ быть признано рѣзкою гранью. Упоминаніе это совершенно случайно, и поселеніе на рѣкѣ Московѣ существовало, вѣроятно, много ранѣе того момента, который отмѣченъ лѣтописцемъ; съ другой стороны, основаніе здѣсь города Москвы записано въ лѣтописи (тверской) позже, подъ 1156 годомъ, а настоящая историческая его жизнь началась еще позднѣе. Впрочемъ, колебанія грани между этими двумя періодами не могутъ быть значительными, тогда какъ граница между доисторическимъ и геологическимъ періодами можетъ захватывать цѣлые вѣка. Человѣкъ могъ заходить на территорію нынѣшней Московской губерніи сперва только временно, какъ кочевникъ-охотникъ, изъ своихъ болѣе южныхъ поселеній; затѣмъ онъ могъ основаться здѣсь мѣстами болѣе прочно, но снова уходить при измѣненіи въ неблагопріятную сторону климатическихъ или другихъ окружающихъ условій. До-историческій періодъ могъ начаться здѣсь еще въ эпоху, когда на территоріи Россіи заканчивались тѣ геологическія и климатическія измѣненія, въ результатѣ коихъ создавались современныя географическія условія. Поэтому доисторическій періодъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ непосредственное продолженіе геологическаго, какъ послѣдняя страница въ геологической лѣтописи данной страны.

Что касается геологическаго періода, то начало его теряется въ глубинѣ тѣхъ десятковъ и сотенъ милліоновъ лѣтъ, которые насчитываетъ древность нашей планеты [1]). Какъ извѣстно, геологи подраздѣляютъ исторію земли на эры, а эры на періоды, руководясь послѣдовательностью отложеній (пластовъ) въ земной корѣ и тѣми животными и растительными остатками, которые въ этихъ пластахъ заключаются. Въ теченіе милліоновъ лѣтъ земная кора подвергалась мощнымъ преобразованіямъ: бывшее дно моря постепенно выступало на поверхность, и отложенные на этомъ днѣ слои песчаниковъ, глинъ, известняковъ съ включенными въ нихъ остатками и отпечатками животныхъ и растеній образовывали поверхность суши. Слои эти захватывались нерѣдко и горообразовательными силами, собирались дѣйствіемъ послѣднихъ въ складки и выдвигались вверхъ, вслѣдствіе чего возникали горные хребты и системы. Въ другихъ областяхъ, наоборотъ, море, повышая постепенно свой уровень, разрушало берега, подтачивало и смывало возвышенности, заливало низменности и распространялось такимъ образомъ насчетъ суши; многія части бывшихъ континентовъ лежатъ теперь на днѣ океановъ и морей. Отложенія, образовавшіяся на морскомъ днѣ, представляютъ, по отношенію къ включеннымъ въ нихъ остаткамъ растеній и животныхъ, поучительныя кладбища или, пожалуй, музеи, сохранившіе свидѣтелей давно угасшей жизни, на основаніи изученія которыхъ можно возсоздавать себѣ до нѣкоторой степени исторію этой жизни. Въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ могли сохраняться остатки наземныхъ растеній и животныхъ, жившихъ вдали отъ

---

[1]) Знаменитый физикъ лордъ Кельвинъ опредѣлялъ древность земли въ предѣлахъ отъ 50 до 400 милл. лѣтъ, но считалъ болѣе вѣроятнымъ время около 100 милл. лѣтъ. Однако, геологи и біологи считаютъ этотъ промежутокъ времени слишкомъ малымъ, да и физики (напр. Св. Арреніусъ) начинаютъ теперь склоняться къ удлиненію этого періода до 400—1000 милліоновъ лѣтъ.

морского берега. Подъ вліяніемъ воздуха и воды, тепла и свѣта органическіе остатки скоро истлѣваютъ и исчезаютъ; они могутъ сохраниться только при условіи, если попадутъ въ какое-нибудь озеро, рѣку, болото и будутъ скоро погребены въ отлагающихся тамъ пескахъ, глинахъ, известнякахъ, торфѣ или, если они будутъ занесены тучами переносимой вѣтромъ пыли, окажутся погребенными подъ толщами вулканическаго пепла, будутъ покрыты отложеніями известковаго капельника въ пещерахъ и т. п. Во всякомъ случаѣ, сохраненіе органическихъ остатковъ можетъ происходить только при благопріятныхъ тому условіяхъ, при отсутствіи же послѣднихъ всякіе слѣды жившихъ нѣкогда организмовъ должны исчезать. Неудивительно поэтому, что изъ всѣхъ существовавшихъ въ разные эры и періоды растительныхъ и животныхъ формъ сохранилась только малая часть и что извѣстная намъ геологическая лѣтопись является весьма неполною и отрывочною. Во многихъ областяхъ земной поверхности не сохранилось никакихъ слѣдовъ жизни земли за цѣлые обширные періоды и нигдѣ не видимъ мы непрерывной послѣдовательности слоевъ отъ древнѣйшихъ до современныхъ. Вездѣ сохранились только слои немногихъ періодовъ, способные дать понятіе только объ извѣстныхъ моментахъ въ геологической исторіи данной мѣстности; объ остальныхъ же предшествовавшихъ, промежуточныхъ и послѣдовавшихъ эпохахъ мы можемъ дѣлать заключеніе только по аналогіи, основываясь на данныхъ изъ другихъ мѣстностей.

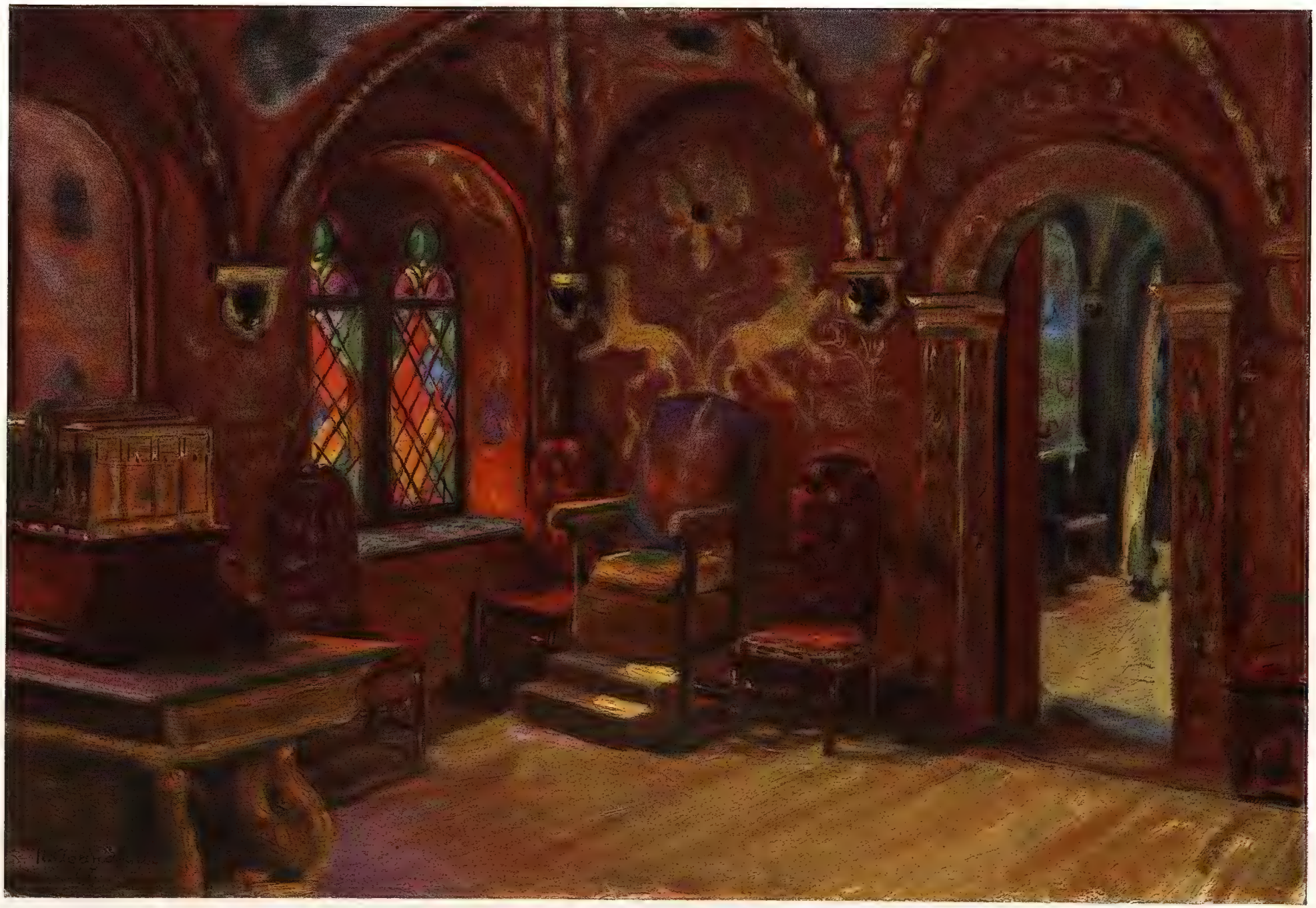
Геологическая исторія Московской области начинается тоже съ одного изъ послѣдующихъ періодовъ второй по времени, т. наз. палеозойской эры. Что представляла изъ себя поверхность данной области въ первую архейскую эру и въ болѣе древніе періоды палеозойской, въ кэмбрійскій, силурійскій, девонскій, первую половину каменноугольнаго—остается неизвѣстнымъ, хотя надо полагать, что въ эти отдаленные періоды здѣсь уже существовала суша. Возможно, однако, что въ теченіе нѣкоторыхъ періодовъ, напр., въ теченіе девона, сюда проникало и море, но отложенія этого моря находятся, повидимому, на большой глубинѣ подъ мощными толщами послѣдующихъ наслоеній (слѣды этихъ отложеній были найдены при буреніи артезіанскихъ колодцевъ). Древнѣйшая извѣстная горная порода, залегающая подъ поверхностными отложеніями, представлена на территоріи Московской губерніи известнякомъ верхняго отдѣла каменноугольнаго періода. Этотъ известнякъ, обнажающійся отчасти у самой Москвы, за Дорогомиловской и за Трехгорной заставами, а равно выступающій у с. Мячкова, при впаденіи р. Пахры въ р. Москву, и въ другихъ мѣстахъ, напр., подъ г. Подольскомъ на р. Пахрѣ, подъ Коломной у с. Протопопова и т. д., представляетъ собою отложеніе на днѣ каменноугольнаго моря, покрывавшаго въ то время значительныя пространства восточной половины Евр. Россіи. Море это, варіируя въ размѣрахъ, существовало очень долго; оно вдавалось заливами въ свои западные берега, при чемъ мѣстами, напр., въ предѣлахъ нынѣшняго Донецкаго края, заливы эти были сравнительно мелкіе и окаймлялись низкими болотистыми берегами, покрытыми своеобразной растительностью. Остатки этой растительности, отложившіеся въ болотахъ и мелководныхъ заливахъ, послужили матеріаломъ для образованія

толщъ каменнаго угля, встрѣчающихся во многихъ мѣстностяхъ Россіи. Но въ предѣлахъ Московской губерніи море каменноугольнаго періода было открытымъ и болѣе глубокимъ, вслѣдствіе чего и отлагавшіеся на его днѣ осадки состояли, главнымъ образомъ, изъ известковыхъ панцырей жившихъ въ этомъ морѣ животныхъ. Эти остатки, слеживаясь и цементируясь, и образовали въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ тѣ толщи известняковъ, которыми теперь и пользуется человѣкъ для строительныхъ цѣлей, тамъ, гдѣ они лежатъ ближе къ поверхности и оказываются болѣе доступными для разработки. Главная масса каменноугольнаго известняка состоитъ изъ мелкихъ спирально свернутыхъ раковинокъ простѣйшихъ животныхъ, корненожекъ, именно т. наз. «фузулинъ». Въ настоящее время дно глубокихъ океановъ также оказывается покрытымъ на обширныхъ пространствахъ известковымъ иломъ, состоящимъ, главнымъ образомъ, изъ остатковъ раковинокъ корне-

Профиль Москвы.

ножекъ, только формы этихъ корненожекъ уже другія, относящіяся, по преимуществу, къ роду «глобигеринъ». Кромѣ этихъ миніатюрныхъ раковинокъ, напоминающихъ зерна ржи, въ каменноугольномъ известнякѣ встрѣчаются еще остатки коралловъ, иглокожихъ (морскихъ лилій, морскихъ ежей), раковины плеченогихъ моллюсковъ (Productus, Spirifer), зубы акулъ и т. д. Мѣстами известняки замѣщены мергелями и пестрыми глинами той же системы. Къ концу каменноугольнаго періода море отступило къ востоку, и въ слѣдующій пермскій періодъ оно сохранилось только въ области Приуралья, тогда какъ территорія Московской губерніи снова стала сушей. На этой сушѣ должна была распространиться растительность, появиться наземныя животныя, но отъ нихъ не найдено пока никакихъ остатковъ, и объ органическихъ формахъ этого періода мы можемъ судить только по аналогіи. Извѣстны мѣстности, гдѣ, по счастливой случайности, сохранились остатки наземныхъ формъ, жившихъ въ извѣстныя эпохи пермскаго періода. Такая мѣстность имѣется и въ Россіи, на Сѣверной Двинѣ, выше ст. Котласъ, между нею и д. Мокречихой, гдѣ въ правомъ высокомъ берегу рѣки, среди пластовъ полосатыхъ мергелей, проф. Амалицкій нашелъ пять линзъ

KLISCHEES UND DRUCK VON F. BRUCKMANN A.-G., MÜNCHEN



ТРОННЫЙ ЗАЛЪ ВЪ ТЕРЕМАХЪ.

Библ... Народного
Университета
№
Владимірскаго Губернскаго
Земства

(или чечевицъ) песковъ и песчаниковъ, заключающихъ въ себѣ остатки растеній (папоротниковъ), раковинъ и позвоночныхъ животныхъ (гадовъ и амфибій), характерныхъ для верхнепермскаго періода. Эти песчаныя линзы представляютъ собою поперечныя сѣченія русла рѣки, протекавшей здѣсь когда то многочисленными извилинами и впослѣдствіи занесенной песчаными отложеніями. Когда же эту мѣстность, уже въ современную геологически эпоху, прорѣзала Сѣв. Двина, въ ея крутомъ берегу обозначились извилины бывшей рѣки въ видѣ занесенныхъ пескомъ линзъ (имѣющихъ до 30—40 саженъ въ длину и до 6 саженъ въ высоту). Въ этихъ то линзахъ и оказались конкреціи песчаника, сцементированнаго известью и кремнеземомъ, содержащія въ себѣ кости гадовъ и амфибій. Найдены были цѣлые скелеты гадовъ, повидимому, унесенныхъ водою при какомъ-нибудь разливѣ, въ томъ числѣ—гигантскія формы до 2—2 $^1/_2$ саженъ длиной, бывшія, судя по зубамъ, отчасти травоядными (Parciasaurus), отчасти хищными (Deuterosaurus). Проф. Амалицкій вывезъ въ Варшаву болѣе 1000 пудовъ такихъ конкрецій, изъ которыхъ потомъ было извлечено нѣсколько полныхъ скелетовъ громадныхъ пресмыкающихся, часть которыхъ украшаетъ теперь геологическій музей И. Академіи Наукъ. Подобные остатки въ отложеніяхъ того же періода были найдены и въ другихъ странахъ, въ южной Африкѣ и Индіи, фактъ, указывающій на материковую связь, существовавшую въ то время между этими странами и сѣв. Россіей. Очевидно, и на территоріи Московской губерніи въ то время жили такія же формы, тѣ же папоротники, моллюски, амфибіи и такіе же громадные гады, отчасти напоминающіе позднѣйшія формы того же класса, жившія въ теченіе слѣдующей т. наз. мезозойской эры.

Эту мезозойскую эру геологи подраздѣляютъ на три періода, изъ коихъ отъ древнѣйшаго, тріасоваго, въ Моск. губерніи не сохранилось никакихъ слѣдовъ. Не найдено и отложеній древнѣйшихъ эпохъ слѣдующаго юрскаго періода, и только относительно верхняго его отдѣла извѣстно, что онъ представленъ на территоріи губерніи значительными толщами морскихъ отложеній. Площадь этого верхнеюрскаго моря не оставалась одинаковой; въ различныя эпохи море измѣняло и свои размѣры, и связь съ другими морями, соотвѣтственно чему измѣнялись и водившіяся въ немъ животныя. На основаніи остатковъ послѣднихъ, отложенія верхнеюрскаго моря могутъ быть подраздѣлены въ предѣлахъ нынѣшней Моск. губерніи на рядъ ярусовъ и зонъ, характеризуемыхъ въ особенности типичными для нихъ формами раковинъ головоногихъ моллюсковъ, т. наз. аммонитовъ и белемнитовъ («чортовыхъ пальцевъ»). Вообще же море это было мелкое, прибрежное, усѣянное островами; его, по преимуществу, глинистыя, отчасти также песчанистыя отложенія указываютъ на образованіе ихъ въ недалекомъ разстояніи отъ суши изъ продуктовъ разрушенія береговъ. Въ окрестностяхъ Москвы, напр., у с. Мячкова, на лѣвомъ берегу Москвы-рѣки, можно видѣть черныя глины юрскаго періода залегающими непосредственно на толщѣ каменноугольнаго известняка, поверхность котораго представляется неровной, то повышающейся въ видѣ холмовъ, то понижающейся въ видѣ долинъ или овраговъ. Повидимому, это результаты работы текучихъ водъ, размывав-

шихъ поверхность суши въ теченіе слѣдовавшихъ за каменноугольнымъ періодовъ (см. рис. 1). Различныя зоны верхнеюрскихъ отложеній встрѣчаются и подъ самой Москвой, напр., по берегамъ Москвы-рѣки у Дорогомиловскаго кладбища, у Прѣсненской заставы, близъ Андреевской богадѣльни, у Студенаго оврага, также у с. Хорошова, Троицкаго и др. Большей частью отложенія эти представлены черными песчанистыми глинами, иногда зеленоватыми, бурыми или бѣлыми песками, а близъ с. Котельниковъ и Лыткарина выступаютъ твердые юрскіе песчаники, разрабатываемые въ качествѣ строительнаго матеріала.

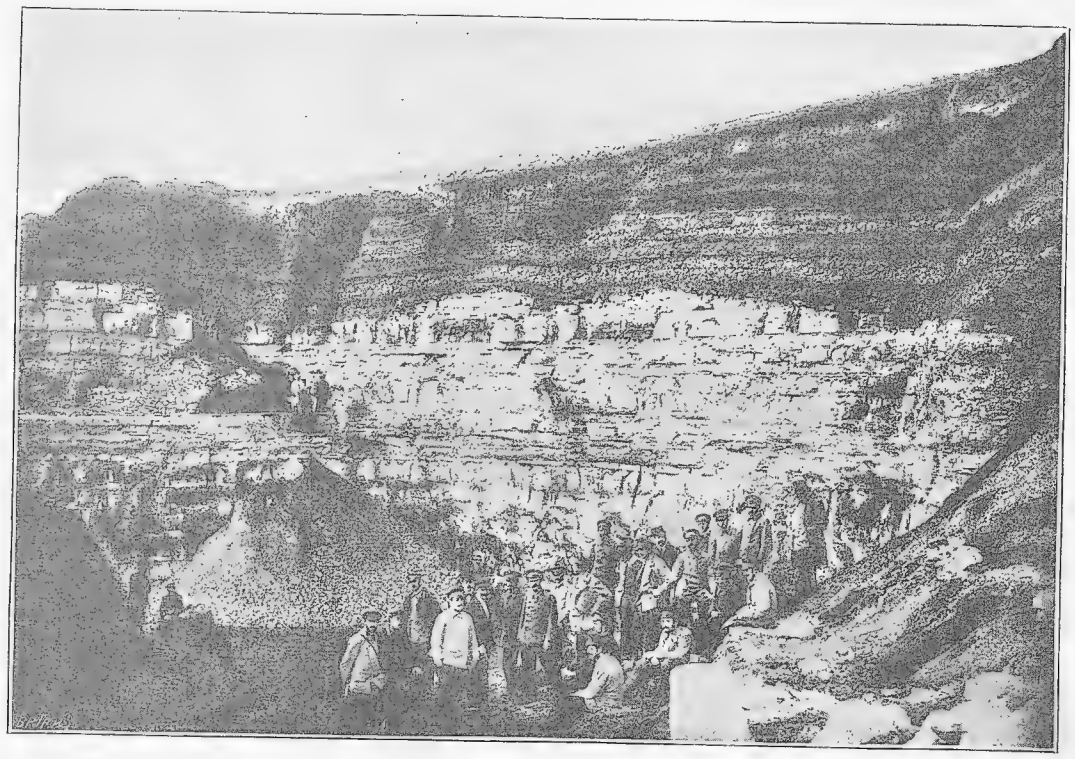


Рис. 1. Каменоломня у с. Мячкова. Видно залеганіе черныхъ юрскихъ глинъ на неровной поверхности каменноугольнаго известняка. На первомъ планѣ студенческая геологическая экскурсія подъ руководствомъ проф. А. П. Павлова.

Юрскій періодъ смѣнился мѣловымъ, въ теченіе котораго море то отступало отъ предѣловъ Московской губерніи, то снова заливало ея поверхность. Такъ, въ началѣ этого періода море еще продолжало существовать, но затѣмъ на мѣстѣ его выступила суша (т. наз. аптскій ярусъ), оставившая по себѣ слѣды въ отпечаткахъ растеній (папоротниковъ, хвойныхъ, цикадовыхъ) на поверхности песчаника (въ Татаровѣ). Эту сушу позже снова залило море, мѣнявшее въ различныя эпохи площадь своего распространенія и временами совершенно оставлявшее предѣлы губерній. Отложенія этого моря, развитыя особенно въ Дмитровскомъ и Клинскомъ уѣздахъ, представлены разнообразными песками, иногда съ фосфоритами, также глинами и особой породой—желтовато-бѣлой опокой. Въ концѣ мѣлового періода море окончательно покинуло территорію средней Россіи, и въ дальнѣйшіе періоды геологической исторіи земли морскія волны уже не размывали поверхности Моск. губерніи.

За мѣловымъ періодомъ слѣдовала третичная эра, въ теченіе которой происходила выработка множества новыхъ формъ растеній и животныхъ, въ томъ числѣ высшихъ позвоночныхъ. Море въ это время отступило въ южную Россію, гдѣ и продолжало существовать, постепенно измѣняясь въ своемъ протяженіи, солености и фаунѣ до современнаго (въ геологическомъ смыслѣ) періода. Средняя же Россія, въ томъ числѣ и территорія Моск. губерніи, оставалась сушею, и на ней должны были происходить обычные процессы разрушенія и сноса поверхностныхъ наслоеній. Процессы эти, несомнѣнно, должны были отчасти смыть и уничтожить многія отложенія мѣлового и даже юрскаго періода, которые, равно какъ отчасти и каменноугольные известняки, а тѣмъ болѣе отложенія третичной эры, подверглись затѣмъ еще большему разрушенію въ послѣтретичный періодъ, когда наша страна испытала воздѣйствіе воды въ твердой формѣ, т.-е. въ формѣ льда, покрывшаго въ это время большую часть ея поверхности на подобіе нынѣшней Гренландіи.

Третичная эра отличалась сравнительно теплымъ и умѣреннымъ климатомъ. Даже во второй ея половинѣ, въ міоценовый и пліоценовый періоды, на территоріи нынѣшней Франціи, Англіи, южной Германіи существовала почти тропическая растительность, водились обезьяны и другія животныя жаркаго пояса. Даже на далекомъ сѣверѣ, въ Гренландіи и на Шпицбергенѣ, нынѣ безлѣсныхъ вслѣдствіе суроваго климата, въ то время росли лѣса. Очевидно, и въ предѣлахъ нынѣшней Моск. губерніи растительность и животный міръ должны были имѣть тогда отпечатокъ жаркаго климата. Но къ концу третичной эры, въ концѣ пліоценоваго періода, климатъ сѣвернаго полушарія сталъ измѣняться въ сторону большого холода. Вслѣдствіе этого на горахъ Европы стало накопляться болѣе снѣга, горные ледники стали увеличиваться и постепенно сползать все ниже и ниже по долинамъ. Даже на менѣе высокихъ горахъ, гдѣ теперь нѣтъ постоянныхъ снѣговъ, тогда они были и давали начало глетчерамъ. Мало-по-малу не только Альпы, Пиринеи, Кавказъ, Скандинавскія горы, но и Карпаты, горы средней Германіи, Финляндія, Шотландія одѣлись мощнымъ ледниковымъ покровомъ. Особенно сильное развитіе получили глетчеры Скандинавіи, которые слились въ одинъ обширный ледникъ съ ледниками Финляндіи. Такъ какъ въ то время Балтійское и Нѣмецкое моря еще не существовали, то ледяной покровъ могъ свободно расползаться по прилегающимъ равнинамъ и захватывать постепенно территоріи нынѣшней Россіи, сѣв. Германіи, Даніи, Англіи. Въ эпоху наибольшаго оледенѣнія скандинавофинскій ледникъ простирался до средне-германскихъ горъ, а на территоріи Евр. Россіи доходилъ до Тульской губ. и спускался громадными языками въ долины Днѣпра и Дона, достигая, повидимому, даже нижней Волги. Подобное и еще большее развитіе имѣлъ тогда ледниковый покровъ и на поверхности Сѣв. Америки, на территоріи нынѣшней Канады и Соедин. Штатовъ.

Какою причиною было вызвано такое измѣненіе климата, наука еще недостаточно разъяснила; высказывались разныя, болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы для объясненія этого явленія. Одни ученые предполагали космическія причины (измѣненіе въ положеніи земли относительно солнца,

въ наклонѣ земной оси), другіе думали объяснить бывшимъ тогда инымъ распредѣленіемъ суши и моря, третьи выставляли основной причиной уменьшеніе содержащагося въ воздухѣ количества углекислоты (вслѣдствіе ослабленія тогда на землѣ вулканической дѣятельности) и т. д. Какъ бы то ни было, подобныя климатическія измѣненія бывали, повидимому, и въ болѣе древнія геологическія эпохи, среди отложеній которыхъ встрѣчаются кое-гдѣ (напр., въ южной Африкѣ) наносы, сходные съ ледниковыми. Эти ледниковыя отложенія характеризуются своеобразными признаками, отличающими ихъ какъ отъ морскихъ и прѣсноводныхъ, такъ и отъ другихъ наземныхъ. Ледъ глетчеровъ, то оттаивая, то замерзая на поверхности, соотвѣтственно суточнымъ и годовымъ колебаніямъ температуры воздуха, и подвергаясь сжатію въ своей толщѣ, пріобрѣтаетъ пластичности и медленно сползаетъ по склонамъ долинъ, а затѣмъ при большей массѣ можетъ расползаться и по равнинѣ. Въ снѣговой области горъ, напр., Кавказа или Альпъ, можно наблюдать, что поверхность ледниковъ бываетъ обыкновенно завалена, особенно по краямъ, глыбами и обломками, свалившимися съ окружающихъ скалъ. Чѣмъ ниже спускается ледникъ, тѣмъ больше накопляется на его поверхности камней и прочихъ продуктовъ разрушенія, которые отчасти проваливаются въ трещины ледника и тащатся по его дну, большей же частью сносятся въ концѣ концовъ къ тому уровню, на которомъ ледникъ останавливается и таетъ. Эти скопленія камней и горнаго щебня называются въ Швейцаріи моренами—названіе, которое было усвоено и наукой. Ледники образуютъ боковыя, срединную (если два ледника соединяются вмѣстѣ), основную (или поддонную) и конечную морены; послѣдняя бываетъ часто громадною, такъ какъ въ ней скопляется большая часть вынесеннаго ледникомъ въ теченіе тысячелѣтій обломочнаго матеріала. Если, съ измѣненіемъ климатическихъ условій, ледникъ уменьшится въ размѣрахъ и отступитъ взадъ, т.-е. будетъ оканчиваться выше по долинѣ, то отложенныя имъ ранѣе морены останутся въ видѣ болѣе или менѣе значительныхъ холмовъ или хребтовъ, сложенныхъ изъ вынесенныхъ ледникомъ камней (валуновъ), и болѣе мелкихъ продуктовъ разрушенія. При этомъ, изслѣдуя сложеніе моренъ, легко убѣдиться, что въ нихъ не замѣчается слоистости и отбора матеріала по величинѣ. Глыбы и камни сохраняютъ обыкновенно свою первоначальную форму, хотя и могутъ быть болѣе или менѣе обточены водой, и распредѣляются безъ всякаго опредѣленнаго порядка. Въ долинахъ Альпъ и Кавказа находится не мало такихъ древнихъ моренъ, часто имѣющихъ видъ хребтовъ или холмистыхъ грядъ и возвышающихся на значительномъ разстояніи отъ концовъ современныхъ ледниковъ. Но остатки подобныхъ же моренъ встрѣчаются и въ горахъ средней Германіи, гдѣ теперь никакихъ ледниковъ нѣтъ, а равно и на равнинахъ Евр. Россіи и сѣв. Германіи, бывшихъ въ ледниковый періодъ тоже одѣтыми ледниковымъ покровомъ.

Слѣды ледниковаго періода представляются наиболѣе рѣзко выраженными въ областяхъ, ближайшихъ къ центрамъ оледенѣнія, гдѣ ледники отличались наибольшей мощностью и сохранялись всего дольше. Въ Россіи такимъ центромъ была гранитная область Финляндіи и Олонецкаго края,

MEZZOTINTOGRAVÜRE BRUCKMANN, MÜNCHEN

Парадная спальня въ Кремлевскомъ дворцѣ.

Андреевскій залъ въ Кремлевскомъ дворцѣ.

Библіотека Народнаго
Университета
№
Владимірскаго Кіевскаго
Рейсъ

гдѣ мы видимъ не только массы валуновъ и вытянутыя въ разныхъ направленіяхъ морены, но и выглаженныя, округленныя ледникомъ скалы (т. наз. «бараньи лбы») и покрывающіе мѣстами эти скалы шрамы и борозды (произведенные вмерзшими въ двигавшійся ледъ камнями). Чѣмъ далѣе отъ центра, тѣмъ слѣды бывшаго оледенѣнія оказываются менѣе рѣзкими: въ Новгородской, Тверской губерніяхъ мы видимъ, напр., еще широкое распространеніе моренныхъ и валунныхъ отложеній. Громадныя глыбы финляндскихъ и олонецкихъ гранитовъ, діоритовъ, кварцитовъ и другихъ породъ разбросаны здѣсь по лѣсамъ и полямъ, въ ложахъ рѣкъ и на моренныхъ холмахъ, а въ низинахъ между послѣдними разсѣяны озера, являющіяся тоже характерными спутниками моренного ландшафта. Но далѣе отъ центра и на окраинахъ бывшаго ледниковаго покрова,

Рис. 2. Моренная гряда въ окрестностяхъ Москвы.

тамъ, гдѣ онъ заканчивался или оставался меньшее число вѣковъ, слѣды покрывавшаго страну оледенѣнія можетъ иногда распознать только опытный глазъ геолога, способный отличить моренныя отложенія отъ другихъ и опредѣлить принадлежность встрѣчающихся въ нихъ (или въ рѣчной галькѣ) мелкихъ камешковъ къ горнымъ породамъ далекаго сѣвера.

Московская губернія занимаетъ среднее положеніе по отношенію къ покрывающимъ ее ледниковымъ наносамъ. Здѣсь уже нѣтъ такихъ высокихъ моренныхъ холмовъ, такихъ мощныхъ скопленій каменныхъ глыбъ и валуновъ, такого обилія озеръ, какъ во многихъ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ финско-олонецкому центру; тѣмъ не менѣе, валунныя отложенія здѣсь еще широко распространены. Они представлены отчасти еще сохранившимися моренами, образующими гряды холмовъ, которыя сложены большей частью изъ песчанистыхъ глинъ или суглинковъ, буро-краснаго или красновато-желтаго цвѣта, заключающихъ въ себѣ много валуновъ или булыжнику, собираемаго населеніемъ въ качествѣ матеріала для мостовыхъ (см. рис. 2). Иногда подъ красною или бурою глиной залегаетъ черная, тоже заключающая

29100

въ себѣ валуны сѣвернаго происхожденія, а отчасти и мѣстнаго, выпаханные и увлеченные двигавшимся ледникомъ изъ залегавшихъ подъ нимъ мѣловыхъ, юрскихъ и даже каменноугольныхъ отложеній, въ томъ числѣ обломки известняковъ, сростки фосфоритовъ, ископаемые белемниты, раковины, кораллы. Въ другихъ мѣстахъ моренныя отложенія уже оказываются размытыми талыми водами древнихъ ледниковъ и позднѣйшими потоками, которые унесли мелкія частицы и оставили только скопленія валуновъ или образовали наносы гравія и песку (см. рис. 3). Кое-гдѣ, на обнаженіяхъ твердыхъ породъ, напр., на юрскомъ песчаникѣ (близъ Лыткарина), удавалось находить и характерныя борозды, оставленныя двигав-

Рис. 3. Морена на Воробьевыхъ горахъ.

шейся по поверхности этой породы толщей льда, которая чертила такіе шрамы торчавшими изъ-подъ нея камнями.

Ледниковый періодъ имѣлъ большое значеніе въ геологической исторіи сѣвернаго полушарія. Во-первыхъ, онъ значительно видоизмѣнилъ рельефъ поверхности въ тѣхъ областяхъ, которыя были захвачены оледенѣніемъ; рельефъ былъ отчасти пониженъ и сглаженъ тамъ, откуда исходили ледяные потоки, у насъ именно въ Финляндіи и Олонецкомъ краѣ, откуда была унесена ледникомъ масса продуктовъ разрушенія, покрывшихъ въ видѣ камней, гравія, песку и глины обширную площадь Евр. Россіи. Съ другой стороны, рельефъ былъ отчасти повышенъ на пространствѣ русской равнины, гдѣ ледникъ оставилъ послѣ себя множество моренныхъ холмовъ и грядъ и отложилъ болѣе или менѣе значительныя толщи валунныхъ наносовъ. Бывшему ледниковому покрову обязана сѣверная половина Евр. Россіи нѣкоторымъ разнообразіемъ своей поверхности, чередованіемъ холмистыхъ

грядъ съ пониженіями, занятыми озерами и болотами. Но еще большее вліяніе оказалъ ледниковый періодъ на измѣненіе органической природы, на характеръ растительности и животнаго міра. По мѣрѣ охлажденія климата и распространенія ледниковаго покрова прежній, третичный, органическій міръ обрекался на гибель. Растительныя формы вымирали, животныя тоже, или отступали въ болѣе южныя страны. Въ концѣ концовъ Россія (и сѣверная и средняя Европа вообще) утратила свой прежній органическій міръ, развившійся въ условіяхъ теплаго климата. Третичные лѣса сохранились только въ немногихъ мѣстностяхъ на тепломъ и влажномъ югѣ, напр., у насъ на Кавказѣ, въ южной части Черноморскаго побережья. Въ болѣе сѣверныхъ широтахъ растительность совершенно измѣнила свой обликъ; изъ прежнихъ формъ развились новыя, приспособленныя къ болѣе умѣренному и холодному климату, и эти новыя формы, послѣ отступанія и исчезновенія ледника, распространились по оставленной имъ площади. Точно также исчезли и третичныя формы животныхъ, давъ начало новымъ, приспособленнымъ не только къ умѣренному, но отчасти и къ полярному климату, и заселившимъ впослѣдствіи всю территорію Россіи до береговъ и острововъ Ледовитаго океана. Впрочемъ, не всѣ изъ этихъ, приспособившихся къ условіямъ ледниковаго періода, формъ дожили до современной эпохи—нѣкоторыя изъ нихъ, какъ сейчасъ увидимъ, уже давно вымерли, другія (какъ овцебыкъ, песецъ) сохранились только на далекомъ полярномъ сѣверѣ.

Ледниковый періодъ далъ такимъ образомъ мощный импульсъ къ преобразованію флоры и фауны сѣвернаго полушарія; ему обязаны были своимъ появленіемъ многія своеобразныя формы организмовъ. Въ ряду такихъ животныхъ формъ, кромѣ существующихъ еще и теперь, особенно заслуживаютъ вниманія формы вымершія, какъ мамонтъ, покрытый шерстью носорогъ, первобытные зубръ и быкъ, громадный олень (Megaceros), ископаемая лошадь и др. Мамонтъ былъ слонъ, отличавшійся отъ его древнѣйшихъ и позднѣйшихъ родичей волосянымъ покровомъ, который на шеѣ отличался большею длиною и составлялъ родъ гривы. Мамонтъ появился въ Европѣ еще въ продолженіе ледниковаго періода и, по мѣрѣ отступанія скандинаво-финскаго ледника и распространенія растительности на бывшей его территоріи, слѣдовалъ за нимъ къ сѣверу. Всего долѣе онъ прожилъ, повидимому, въ Сибири, гдѣ на сѣверѣ Енисейской губ. и Якутской области находимы были цѣлые трупы этого ископаемаго слона, съ кожей, волосами, даже мясомъ и внутренностями, сохранившіеся въ тамошней вѣчно мерзлой землѣ и въ залегающихъ тамъ еще мѣстами толщахъ ископаемаго «каменнаго» льда. Въ Московской губерніи дѣлались неоднократныя находки костей мамонта, ископаемыхъ носорога, быка, лося, лошади, бобра. Извѣстно и нѣсколько случаевъ находокъ цѣлыхъ мамонтовыхъ скелетовъ. Одинъ такой скелетъ былъ найденъ лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ около с. Троицкаго, немного ниже Серебрянаго оврага, въ озерномъ отложеніи, залегающемъ на валунныхъ пескахъ; находка эта была описана въ свое время московскимъ профессоромъ Рулье. Сравнительно недавно, другой скелетъ мамонта былъ найденъ въ самой Москвѣ, на Калужской площади, профессоромъ А. П. Пав-

ловымъ. Здѣсь, при проложеніи трубъ, наткнулись въ землѣ (пескѣ) на большія кости, очевидно, слоновыя, что дало поводъ къ толкованіямъ, будто здѣсь зарытъ былъ слонъ, присланный въ подарокъ персидскимъ шахомъ царю Алексѣю Михайловичу. Получивъ надлежащее разрѣшеніе, проф. Павловъ произвелъ здѣсь раскопки и откопалъ черепъ, позвонки (въ томъ числѣ и хвостовые), ребра и кости конечностей (даже съ мелкими костями запястья и предплюсна). Внимательное разсмотрѣніе стѣнъ ямы указало на нетронутую діагональную слоеватость песка, свидѣтельствующую объ отложеніи его текучей водой, во времена, несомнѣнно, много болѣе древнія, чѣмъ эпоха Алексѣя Михайловича. Очевидно, это былъ мамонтъ, трупъ котораго былъ увлеченъ текшей здѣсь рѣкой и занесенъ пескомъ во время какого-нибудь наводненія.

Ледниковый періодъ продолжался, несомнѣнно, многія тысячелѣтія, въ теченіе которыхъ ледниковый покровъ постепенно распространялся къ югу и востоку, а затѣмъ постепенно таялъ и отступалъ къ сѣверо-западу. Это распространеніе и отступаніе шло, по всей вѣроятности, со многими остановками и колебаніями. Въ извѣстныхъ широтахъ ледникъ могъ оставаться долго стаціонарнымъ и накоплять большія морены, затѣмъ онъ могъ подвигаться на десятки и сотни верстъ далѣе и снова останавливаться на долгое время. Такія же, болѣе или менѣе продолжительныя остановки могли быть и при отступаніи ледника. По аналогіи съ современными горными ледниками можно даже предполагать, что эти наступанія и отступанія древняго ледниковаго покрова повторялись неоднократно, т. е. отступавшій ледникъ могъ снова начинать поступательное движеніе, а затѣмъ снова сокращаться и отступать еще далѣе къ сѣверо-западу. Если такія колебанія происходили въ значительныхъ размѣрахъ, если, напр., ледникъ отступалъ на сотни верстъ и оставался въ такихъ сокращенныхъ размѣрахъ тысячелѣтія, а потомъ снова выдвигался на большія разстоянія, то можно было бы говорить о нѣсколькихъ эпохахъ оледенѣнія, о нѣсколькихъ ледниковыхъ періодахъ. Оставленная ледникомъ территорія должна была подвергаться обработкѣ водными и воздушными дѣятелями; она размывалась текучими водами, на ней отлагались озерные и рѣчные осадки, различные участки ея могли заноситься пескомъ и пылью, ею должна была овладѣть растительность, сперва скудная, травянистая, затѣмъ болѣе обильная и древесная, а за растительностью должны были появиться и животныя. Когда затѣмъ происходило новое наступаніе ледника, органическая жизнь должна была снова гибнуть и отступать къ югу; двигавшіяся толщи льда вспахивали и увлекали съ собою рыхлыя отложенія, но мѣстами онѣ переходили черезъ нихъ и покрывали ихъ новыми валунными наносами. Въ такомъ случаѣ между нижними и верхними моренными отложеніями должны были сохраняться кое-гдѣ промежуточныя, «межледниковыя». Дѣйствительно, во многихъ мѣстахъ Западной Европы найдены были такія отложенія, заключающія въ себѣ остатки растительности и животныхъ болѣе умѣреннаго климата. Это дало поводъ геологамъ къ установленію, въ параллель къ нѣсколькимъ ледниковымъ періодамъ, соотвѣтственныхъ межледниковыхъ эпохъ, когда холодный климатъ смѣнялся

ВИДЪ МОСКВЫ СЪ ПТИЧЬЯГО ПОЛЕТА.

MEZZOTINTOGRAVÜRE BRUCKMANN, MÜNCHEN

болѣе теплымъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ (въ Приальпійской области Англіи нашли возможнымъ различить до 4, даже до 6 ледниковыхъ эпохъ съ соотвѣтственными межледниковыми, но не всѣ ученые согласны съ такимъ толкованіемъ перемежающихся отложеній. Въ сѣверной Германіи, во всякомъ случаѣ, большинство спеціалистовъ принимаетъ только два ледниковыхъ періода (нѣкоторые даже только одинъ); въ Европ. Россіи вопросъ этотъ пока недостаточно еще выясненъ, и во многихъ мѣстностяхъ никакихъ слѣдовъ повторныхъ оледенѣній у насъ констатировать нельзя. Кое-гдѣ, однако, въ западной и средней Россіи удалось установить и у насъ присутствіе межледниковыхъ отложеній.

Рис. 4. Берегъ Москвы-рѣки у с. Троицкаго. Между толщами валунныхъ песковъ видны межледниковыя озерныя отложенія, въ которыхъ лѣтъ 80 тому назадъ былъ найденъ скелетъ мамонта.

Въ средней Россіи такія отложенія были открыты въ Калужской и Московской губерніяхъ. Указанная выше находка скелета мамонта въ крутомъ берегу Москвы-рѣки близъ с. Троицкаго была сдѣлана именно въ такомъ межледниковомъ озерномъ отложеніи, ниже и выше котораго залегаютъ валунные пески (см. рис. 4). Въ этомъ промежуточномъ отложеніи попадаются остатки хвойныхъ и лиственныхъ деревьевъ, насѣкомыхъ, моллюсковъ, рыбъ, указывающіе на умѣренный климатъ, который, повидимому, установился здѣсь въ эпоху между отступленіемъ ледника и новымъ распространеніемъ его по прежней территоріи.

Слѣды бывшихъ озеръ и окружавшихъ ихъ лѣсовъ даютъ основаніе говорить объ озерно-лѣсной эпохѣ, слѣдовавшей за первымъ распространеніемъ ледяного покрова по территоріи Россіи. Въ виду же того, что такія же озерныя отложенія съ растительными остатками (между прочимъ, граба, лёсса и др. болѣе южныхъ формъ) были констатированы и въ

другихъ мѣстностяхъ средн. Россіи, гдѣ слѣдовъ двойного оледенѣнія не обнаружено, и гдѣ можно, слѣд., говорить только объ одной послѣледниковой эпохѣ,—необходимо признать, что и вообще послѣ окончанія ледниковаго періода у насъ началось постепенное развитіе озерно-лѣсной фазы въ соотвѣтствіи съ наступленіемъ болѣе теплаго, хотя также еще достаточно влажнаго климата. Но на территорріи Евр. Россіи имѣются данныя, свидѣтельствующія, что озерно-лѣсная эпоха смѣнилась у насъ постепенно другой, болѣе сухой, пустынно-степной. Главнымъ доказательствомъ тому является распространеніе т. наз. лёсса или желтозема, мелкозернистаго, мучнистаго, болѣе или менѣе известковистаго, желтоватаго суглинка, который образуетъ подпочву (подъ черноземомъ) въ нашей степной полосѣ, окаймляющей область древняго оледенѣнія, а сѣвернѣе покрываетъ мѣстами и валунныя отложенія, залегая по высокимъ берегамъ Днѣпра, Вислы, Оки и Волги, по склонамъ многихъ рѣчныхъ долинъ и по нѣкоторымъ водораздѣламъ. Происхожденіе лёсса приписывается многими изслѣдователями дѣятельности вѣтра, переносившаго и отлагавшаго тучи глинистой пыли; другими словами, въ породѣ этой видятъ наземное образованіе, отложившееся безъ участія воды, на сушѣ, въ пользу чего говоритъ нахожденіе иногда въ пескѣ раковинъ наземныхъ слизняковъ и отсутствіе явственной слоистости. Если же это такъ, то образованіе лёсса могло происходить только въ эпоху сухого климата и въ странѣ пустынной, бѣдной растительностью. За это говоритъ и фактъ нахожденія подобной же породы въ Германіи, отложившейся тамъ тоже въ послѣледниковую эпоху и заключающей въ себѣ мѣстами остатки степныхъ животныхъ, напр., сусликовъ, байбаковъ, тушканчиковъ, нынѣ характерныхъ для южнорусскихъ и прикаспійскихъ степей. Нѣкоторые изслѣдователи сомнѣваются, впрочемъ, въ наземномъ образованіи лёсса и объясняютъ происхожденіе его, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ его разновидностей, воднымъ путемъ. Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни смотрѣть на механизмъ образованія лёсса, отложеніе его толщъ, бѣдныхъ перегноемъ и окрашенныхъ въ желтый цвѣтъ, могло происходить только при условіяхъ сухого пустыннаго климата и степного вывѣтриванія.

О такомъ климатѣ говорятъ и открытые кое-гдѣ на пространствѣ Евр. Россіи остатки ископаемыхъ послѣледниковыхъ пустынь (напр., въ Волынской губерніи) съ типичными барханами (песками), пирамидальными (обточенными вѣтромъ) валунами и другими характерными признаками пустыннаго вывѣтриванія и развѣванія, въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ современныя климатическія условія не могли бы вызвать подобныхъ явленій. О томъ же свидѣтельствуютъ и слѣды «доисторическихъ степей», занимавшихъ нѣкогда болѣе или менѣе широкій поясъ вдоль окраины современной лѣсной полосы и на которую только впослѣдствіи распространился съ сѣвера лѣсъ, по мѣрѣ измѣненія климата въ сторону большей влажности.

Такимъ образомъ представляется, повидимому, несомнѣннымъ, что по окончаніи ледниковаго періода средняя Россія пережила нѣсколько климатическихъ эпохъ, сперва влажную, озерно-лѣсную, затѣмъ сухую, пустынно-степную, наконецъ, снова болѣе влажную, когда началось усилен-

ное распространеніе лѣса; послѣдняя эпоха уже сливается съ началомъ историческаго періода. Нѣкоторые изслѣдователи принимаютъ подобную же смѣну эпохъ и для межледниковаго періода; основываясь особенно на открытіи въ Калужской губерніи, по Окѣ, у Лихвина, двухъ валунныхъ отложеній и между ними озерныхъ глинъ и мергеля, переходящихъ кверху въ толщу (3 — 4 саж.) лёсса. Подобные же лёссовидныя отложенія были найдены подъ валунными наносами кое-гдѣ и подъ Москвой, что позволяетъ предположить и для межледниковаго періода подобную же послѣдовательность эпохъ, озерно-лѣсной и степной. Но если вопросъ о межледниковыхъ эпохахъ остается еще пока недостаточно разъясненнымъ, то относительно послѣледниковаго времени фактъ существованія сухой степной эпохи, промежуточной между болѣе влажными, озерно-лѣсными, является, повидимому, безспорнымъ.

Всѣ указанныя эпохи, пережитыя средней Россіей и въ частности территоріей нынѣшней Московской губерніи, должны были имѣть извѣстное вліяніе на ея поверхность и оставить на ней болѣе или менѣе замѣтные слѣды. Современный рельефъ поверхности, распредѣленіе на ней рѣкъ, озеръ, болотъ, характеръ подпочвъ и почвъ, растительность и животный міръ—обусловливаются геологической исторіей страны, въ особенности ея ближайшими къ современной эпохами, начиная съ ледниковаго періода. Что же представляетъ изъ себя поверхность Московской губерніи въ настоящее время?

Составляя часть великой русской равнины, она не является ровной степью, а имѣетъ видъ холмистой страны, съ различіями въ уровнѣ между отдѣльными пунктами, доходящими до нѣсколькихъ десятковъ саженъ [1]). Болѣе рѣзкія превышенія замѣчаются на высокихъ берегахъ рѣкъ, гдѣ мѣстами крутой подъемъ доходитъ до 15 и болѣе саженъ. На открытыхъ мѣстахъ можно видѣть, что горизонтъ окаймляется возвышенными грядами, представляющими иногда типичные признаки удлиненныхъ моренныхъ холмовъ. Въ общемъ, сѣверныя и западныя части губерніи болѣе возвышены, чѣмъ восточныя и юго-восточныя, соотвѣтственно чему и большинство рѣкъ губерніи направляется на востокъ и юго-востокъ, хотя на сѣверѣ имѣется также неширокій скатъ, по которому стекаютъ рѣки, относящіяся къ бассейну Волги. Сама Волга касается губерніи только на протяженіи около 10 верстъ по сѣверной границѣ; другая большая рѣка, Ока, ограничиваетъ губернію съ юга на протяженіи около 130 верстъ. Кромѣ нѣсколькихъ притоковъ Оки на югѣ (Нара, Лопасня, Кашира) и Волги на сѣверѣ (Шоша съ Ломой, Сестра съ Яхромой), губернія прорѣзывается главнымъ образомъ сѣтью рѣкъ, относящихся къ бассейнамъ Клязьмы и Москвы-рѣки, впадающихъ въ Оку. Несмотря на малую величину и водность этихъ рѣкъ, онѣ играли нѣкогда немаловажную роль въ качествѣ путей сообщенія, связывавшихъ (при помощи волоковъ) бассейнъ Днѣпра съ Владиміро-Суздальской областью и культурные центры юга и запада (Кіевъ, Смоленскъ, Новгородъ) съ культурнымъ центромъ средняго По-

[1]) Высшіе пункты губерніи доходятъ до 148 саженъ надъ уровнемъ моря (Балтійскаго), низшіе—не превышаютъ 60 саженъ.

волжья (Болгарами). Мѣстами на поверхности губерніи сохранились еще озера (Тростянское, Сенежъ, Глубокое и др.), но въ общемъ площадь ихъ въ совокупности не превышаетъ 30 кв. верстъ. Въ далекомъ прошломъ озеръ, впрочемъ, было здѣсь, вѣроятно, больше, на что указываютъ многія болота (отчасти съ «окнами») и осушенныя котловины. Почвы губерніи образованы суглинками и супесями, переходящими мѣстами, напр., по лѣвую сторону Москвы-рѣки, въ пески, а по правую—въ глины. Въ образованіи поверхностныхъ отложеній (подпочвы и почвы) принимали здѣсь участіе какъ бывшій ледникъ, оставившій послѣ себя разнообразныя валунныя отложенія, такъ и водные потоки, отложившіе въ разное время пески, глины и суглинки въ долинахъ. На мѣстѣ бывшихъ озеръ и болотъ образовались торфяники, по пологимъ склонамъ отложились делювіальные суглинки, снесенные съ водораздѣловъ и склоновъ дождевыми и снѣговыми ручейками, кое-гдѣ поверхность покрылась разнесенными вѣтромъ песками. Въ общемъ губернія входитъ цѣликомъ въ составъ лѣсной зоны; она представляетъ уголокъ той обширной тайги, которая охватываетъ почти весь сѣверъ Россіи, за исключеніемъ его приморской окраины.

Въ настоящее время лѣса занимаютъ около трети площади губерніи, но несомнѣнно, что еще какихъ-нибудь 100—200 лѣтъ тому назадъ ихъ было больше, а въ началѣ исторической эпохи они покрывали большую часть пространства. Даже центръ тогдашняго населенія на Московѣ—рѣкѣ и склоны кремлевскаго холма были покрыты лѣсами, какъ то доказываютъ сохранившіяся еще названія: Спасъ на Бору и Боровицкія Ворота въ Кремлѣ, Дебрь (или Дербь, Никола Дербенскій около Мясницкой), замоскворѣцкія церкви: Іоанна Предтечи и Черниговскихъ чудотворцевъ подъ Боромъ, Дербь на Полянкѣ (церковь Григорія Неокесарійскаго, что въ Дербицахъ). Самое названіе «Кремль» И. Е. Забѣлинъ сближаетъ съ «Кремь», что въ сѣверномъ областномъ языкѣ обозначаетъ «боръ», растущій среди моховыхъ болотъ, которыя и у Кремля оставили свое имя въ улицѣ «Моховая» [1]). Преобладающая порода лѣса въ губерніи, какъ и въ сѣверной тайгѣ,—ель, только на древнихъ боровыхъ пескахъ растетъ сосна. Мѣстами встрѣчаются береза и осина, развивающіяся по преимуществу въ частяхъ тайги, истребленныхъ пожаромъ или руками человѣка. Попадается спорадически и дубъ, который въ прежнее время, въ историческую еще эпоху, былъ, несомнѣнно, болѣе распространенъ [2]); вмѣстѣ съ дубомъ кое-гдѣ встрѣчаются липа и кленъ. На юго-западѣ, въ Верейскомъ уѣздѣ, попадаются уже вязъ, ясень и другія лиственныя деревья, распространившіяся сюда, вѣроятно, изъ лиственныхъ лѣсовъ Смоленской и Калужской губерній. Съ юга, изъ области Тульскихъ степей по долинѣ Оки, проникли въ бассейнъ рѣки Москвы и нѣкоторыя черноземныя формы растеній.

Животный міръ губерніи тоже таёжный; онъ теперь значительно порѣдѣлъ, и многія формы млекопитающихъ уже истреблены человѣкомъ. Такъ,

[1]) Можно указать еще на Московскія урочища: Подъ Сосенки, Елохово, Подъ-Вязки, Березки, Ольховцы, Марьина роща и др., указывающія на прежнее развитіе здѣсь древесной растительности.

[2]) Иванъ Калита въ 1339—40 гг. обнесъ Москву *дубовыми* стѣнами. Остатки ихъ были найдены при постройкѣ Новаго дворца, въ видѣ большихъ дубовыхъ стволовъ, толщиной въ отрубѣ почти въ аршинъ.

Воробьевъ.—Троицкая башня.

Ап. Васнецовъ.—Старая Москва.

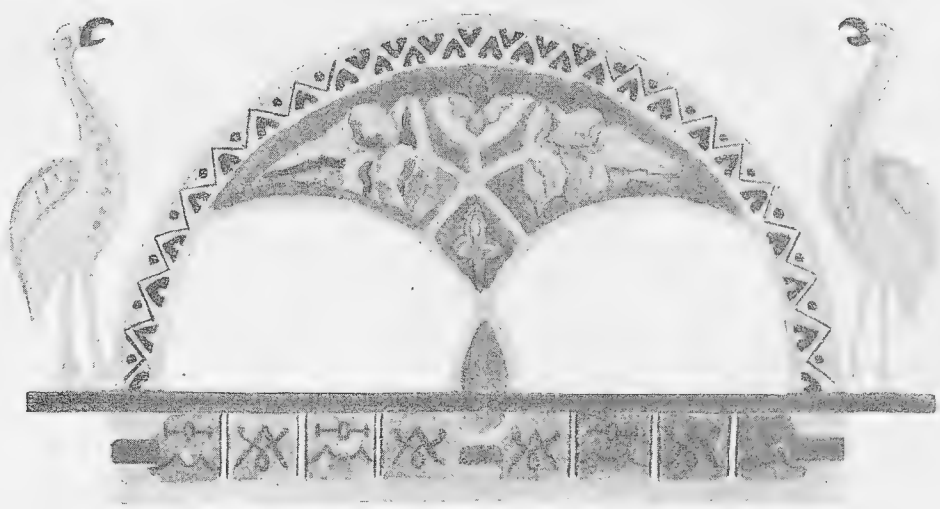
MEZZOTINTOGRAVÜRE BRUCKMANN-MÜNCHEN

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ

Библіотека Народнаго
Университета
№
Владимір... ...нскаго
Зем...

напр., въ центрѣ губерніи уже перевелись медвѣди, рыси, глухари, водящіеся еще на сѣверѣ въ лѣсахъ Дмитровскаго уѣзда. Исчезли дикіе быки (зубръ и туръ) и лошади, можетъ быть, еще во времена доисторическія, а за историческую эпоху были истреблены россомаха, соболь, выдра, бобръ, кабанъ, благородный олень, козуля.

До сихъ поръ водятся лось, заходитъ иногда изъ Владимірской губ. сѣверный олень, и очень обыкновенны волки, лисицы, барсуки, горностаи, хорьки, ласки, норки, ежи, кроты, землеройки, бѣлки, зайцы, полевки, лѣсныя и полевыя мыши. Порѣдѣло съ теченіемъ времени и пернатое населеніе, въ общемъ сходное по водящимся видамъ съ фауной птицъ сосѣднихъ лѣсныхъ губерній.

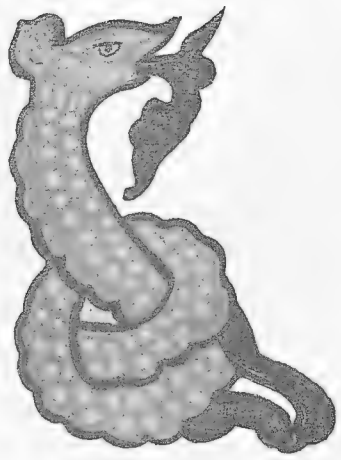


Изъ Библіи XII в.

Изъ Суздальскаго Псалтыря XVI в.

Доисторическое прошлое Москвы.

Проф. *Д. Н. Анучина.*



Сдѣлавъ бѣглый обзоръ геологическихъ судебъ Московской губерніи до современной эпохи, мы должны теперь вернуться нѣсколько назадъ, къ эпохамъ, предшествовавшимъ историческому періоду, и поставить вопросъ, когда здѣсь появился человѣкъ и на какихъ стадіяхъ быта и культуры онъ тогда находился.

Вопросъ—когда появился человѣкъ — сливается съ вопросомъ, когда онъ могъ здѣсь появиться, а этотъ послѣдній вопросъ стоитъ въ связи съ вопросомъ о древнѣйшей эпохѣ существованія человѣка на землѣ вообще. За послѣднія пятьдесятъ лѣтъ въ Западной Европѣ было сдѣлано много находокъ, свидѣтельствующихъ, что человѣкъ еще засталъ въ ней ледниковый періодъ, засталъ жившихъ еще тогда мамонта (и даже предшествовавшій ему видъ слоновъ, Elephas antiquus), ископаемыхъ носороговъ (Rh. Fichorhinus, Rh. Merkii, Rh. etruscus), пещернаго медвѣдя и др., и охотился за сѣвернымъ оленемъ, дикой лошадью, зубромъ въ южной Франціи, Бельгіи, Швейцаріи, южной Германіи, Австріи. Имѣются данныя, доказывающія, что человѣкъ существовалъ въ зап. Европѣ и въ теченіе послѣдней межледниковой эпохи и даже ранѣе, и что его древность должна быть опредѣляема нѣсколькими десятками тысячъ лѣтъ. Но за послѣдніе годы все болѣе и болѣе утверждается представленіе, что древность человѣка должна быть отнесена еще далѣе въ глубь тысячелѣтій, что первыми слѣдами его должны считаться тѣ грубо-оббитые кремни, которые встрѣчаются иногда въ большомъ числѣ въ нѣкоторыхъ третичныхъ отложеніяхъ Бельгіи, Франціи,

Англіи и т. д. Несмотря на крайнюю примитивность и безформенность такихъ кремней, они выказываютъ слѣды намѣренной искусственной оббивки, какую не могли бы произвести природные агенты, температура, текучія воды, морскія волны и т. п. Разсуждая a priori, мы должны признать, что древнѣйшій человѣкъ, въ которомъ только зарождалось разумное сознаніе, долженъ былъ начать пользованіе орудіями путемъ утилизаціи случайно попадавшихся ему подъ руку предметовъ—сучьевъ, камней, роговъ и т. д., выбирая болѣе подходящіе по величинѣ, ёмкости, удобству держанія, остротѣ краевъ и проч., и не обращая вниманія на ихъ форму. Только на слѣдующей стадіи развитія человѣкъ могъ дойти до приспособленія этихъ естественныхъ орудій, путемъ ихъ разлома, раскола, отбивки ненужнаго, пріостренія тупого, насколько это требовалось примѣненіемъ орудія, но также еще безъ заботы объ ихъ опредѣленной формѣ. Человѣку нужно было только нѣчто въ родѣ орудія, лезвея, выемки, выступа—для опредѣленныхъ дѣйствій — разрѣза, прокола, скобленія, удара, и нужны были только мало-мальски подходящіе размѣры и очертанія для удобства держанія предмета въ рукѣ. Когда лезвее кремня притуплялось, нужно было его подострить отбивкой нѣсколькихъ осколковъ съ краевъ, когда выемка въ немъ была мала, ее расширяли тѣмъ же способомъ и т. д. Такого рода искусственно приспособленнымъ кремнямъ было дано въ послѣднее время названіе *эолитовъ*, а самая эпоха, когда человѣкъ пользовался исключительно подобными безформенными орудіями—была названа *эолитической*. Если эолиты дѣйствительно были результатомъ искусственной обдѣлки, то появленіе человѣка въ Европѣ придется отнести къ срединѣ третичной эры, за многія сотни тысячъ лѣтъ до нашего времени. Поборники теоріи эолитовъ ссылаются на то, что приспособленные такимъ же образомъ кремни встрѣчаются и въ позднѣйшихъ отложеніяхъ рядомъ съ несомнѣнными орудіями опредѣленныхъ формъ, а также, что вымершіе нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ первобытные обитатели острова Тасманіи (близъ Австраліи) пользовались, какъ доказано теперь, исключительно подобными же эолитами. Но многіе изслѣдователи еще не считаютъ возможнымъ согласиться съ этими доказательствами и сомнѣваются въ подобной отдаленной древности человѣка. Во всякомъ случаѣ вопросъ объ эолитахъ остается еще спорнымъ, хотя a priori нельзя не согласиться, что древнѣйшія орудія человѣка должны были быть весьма примитивными.

Большинство изслѣдователей довольствуется пока только двумя отдѣлами каменнаго вѣка, *палеолитическимъ и неолитическимъ*, и относитъ начало перваго изъ нихъ въ Зап. Европѣ къ періоду, сливающемуся съ ледниковымъ, и именно къ послѣдней межледниковой эпохѣ, къ послѣдней ледниковой и ко времени, непосредственно слѣдовавшему за окончаніемъ ледниковаго періода.

Слѣды древнѣйшихъ фазъ палеолитическаго періода, относимыхъ французскими изслѣдователями къ такъ наз. эпохамъ Шелль и Сентъ-Ашёйль, ограничиваются только оббитыми каменными орудіями извѣстныхъ формъ, находимыми болѣе въ открытыхъ отложеніяхъ (древнихъ рѣчныхъ наносахъ, лёссѣ) и рѣдко въ закрытыхъ (въ отложеніяхъ на днѣ пещеръ);

Библіотека Нар. Университета № Владимірскаго Губернскаго Земства.

относительной ихъ древности даютъ указаніе кости ископаемыхъ животныхъ, находимыя иногда въ тѣхъ же отложеніяхъ (какъ думаютъ нѣкоторые—межледниковой эпохи). Нѣсколько большее разнообразіе представляютъ остатки слѣдующей эпохи палеолитическаго періода (эпоха Monstier франц. изслѣдователей), находимые кое-гдѣ въ пещерахъ, гдѣ рядомъ съ кремневыми оббитыми орудіями попадаются и кости употреблявшихся въ пищу человѣкомъ животныхъ, и даже были найдены недавно (во Франціи) остатки самого человѣка (эпоху эту нѣкоторые отождествляютъ съ эпохой послѣдняго оледенѣнія). Болѣе богатые матеріалы для сужденія о бытѣ палеолитическаго человѣка мы имѣемъ въ остаткахъ позднѣйшихъ палеолитическихъ эпохъ (такъ наз. Солютрэ и Маделенъ, относящихся ко времени, слѣдовавшему непосредственно за ледниковымъ періодомъ; эти эпохи, называемыя также «вѣкомъ сѣвернаго оленя» представлены множествомъ находокъ, особенно въ пещерахъ Франціи, Бельгіи и Швейцаріи). Находки эти состоятъ изъ орудій, отчасти оббитыхъ изъ кремня, отчасти вырѣзанныхъ изъ кости и оленьяго рога и служившихъ для охоты и домашняго употребленія; рядомъ съ ними находятъ расколотыя кости служившихъ въ пищу животныхъ, раковины, продырявленные звѣриные зубы и каменныя пластинки, служившіе для украшенія, куски красной охры, употреблявшейся, вѣроятно, для окраски тѣла, статуэтки изъ мамонтовой кости, свидѣтельствующія о художественныхъ наклонностяхъ тогдашняго человѣка, слѣды угля и золы отъ очаговъ и т. д. Изученіе этихъ остатковъ дало возможность составить довольно опредѣленное представленіе какъ объ окружавшихъ тогдашняго человѣка условіяхъ жизни, такъ и объ его бытѣ, промышленности, техникѣ, искусствѣ и отчасти — изъ найденныхъ остатковъ скелета—и объ его физическомъ типѣ.

Палеолитическій періодъ смѣнился *неолитическимъ*, относящимся уже геологически къ современной эпохѣ. Къ этому времени уже исчезли мамонтъ, носорогъ, пещерный медвѣдь и другія ископаемыя формы, а равно оставили западную Европу и сѣверный олень, овцебыкъ, сайга и другія животныя нынѣшняго далекаго сѣвера и пустынно-степного востока. Средняя Европа покрылась обширными лѣсами, которые засталъ и историческій періодъ. Въ началѣ неолитическаго періода лѣса, впрочемъ, носили еще болѣе сѣверный отпечатокъ. Въ Даніи, по крайней мѣрѣ, въ эпоху такъ назыв. кьёккенмёддинговъ («кухонныхъ остатковъ»,—кучъ изъ раковинъ и костей, оставленныхъ тогдашними охотниками-рыбаками по морскимъ берегамъ), преобладающими древесными породами были хвойныя (сосна и ель), тогда какъ позже наибольшее распространеніе получилъ дубъ, а теперь Данія покрыта преимущественно буковыми лѣсами. Но къ концу неолитическаго періода установились уже природныя условія исторической эпохи. Въ это время произошла, повидимому, смѣна и въ человѣческомъ населеніи Европы. Появились съ юга новыя племена, принесшія съ собой усовершенствованные способы въ обдѣлкѣ орудій, въ приготовленіи ихъ въ разныхъ формахъ, изъ разныхъ породъ камня, путемъ обтачиванія и шлифовки пескомъ и водой. Внесено было также искусство приготовленія глиняной посуды, появились одомашненныя жи-

А. ВАСНЕЦОВЪ. ПОСТРОЙКА МОСКОВСКИХЪ СТѢНЪ.

MEZZOTINTOGRAVÜRE BRUCKMANN, MÜNCHEN

вотныя и культурныя растенія. Еще рядъ столѣтій, и въ Европу стало проникать знакомство съ металлами, сперва съ мѣдью и бронзой, затѣмъ съ желѣзомъ, и каменный вѣкъ уступилъ мѣсто металлическому—сперва мѣдному и бронзовому, затѣмъ желѣзному.

Этотъ постепенный прогрессъ въ культурѣ не охватывалъ, конечно, разомъ все населеніе Европы; въ общемъ онъ распространялся, повидимому, съ юга, изъ Средиземной области. Въ Средней Европѣ еще господствовалъ палеолитическій вѣкъ, когда въ южной (въ Италіи, Испаніи) уже наступилъ неолитическій; тамъ продолжалась еще неолитическая эпоха, когда здѣсь распространилась уже бронзовая промышленность. Въ концѣ второго тысячелѣтія до нашей эры въ Греціи уже процвѣтала микенская культура, тогда какъ Западная Европа жила еще въ бронзовомъ вѣкѣ, а Восточная Европа даже въ каменномъ (неолитическомъ). По мнѣнію такихъ извѣстныхъ археологовъ, какъ Монтеліусъ и Ар. Ивенсъ, начало неолитическаго періода въ Передней Азіи и на о-вахъ Эгейскаго моря можетъ быть относимо къ эпохѣ, на многія тысячелѣтія (10—15) болѣе ранней, чѣмъ въ Западной Европѣ.

Несомнѣнно, что развитіе культуры въ Западной Европѣ должно было начаться много раньше, чѣмъ въ восточныхъ ея частяхъ. Въ то время какъ Скандинавія, большая часть Евр. Россіи, вся сѣверн. половина Германіи и большая часть Англіи были покрыты громаднымъ сѣвернымъ ледникомъ, Франція оставалась внѣ его предѣловъ; на ней существовала обильная растительность, водились массы крупныхъ травоядныхъ животныхъ, и человѣкъ могъ находить себѣ здѣсь вполнѣ обезпеченное существованіе. Неудивительно, что здѣсь и въ другихъ южныхъ частяхъ средней Европы мы встрѣчаемъ многочисленные слѣды палеолитическаго человѣка, тогда какъ ихъ не сохранилось вовсе на сѣверѣ, въ Скандинавіи, большей части Англіи, въ сѣверной половинѣ Германіи.

Въ Евр. Россіи слѣды палеолитическаго человѣка были найдены пока только въ южныхъ ея частяхъ. Къ наиболѣе извѣстнымъ находкамъ относятся сдѣланныя въ пещерахъ южной Польши (Кѣлецкой губ., на границѣ съ Австріей); подъ Кіевомъ, въ высокомъ берегу Днѣпра;—въ Воронежской губ., на Дону, въ с. Костенкахъ; на рѣкѣ Удаѣ въ Полтавской губ. Далѣе къ сѣверу онѣ неизвѣстны или сомнительны, и въ Московской губерніи въ частности, ни въ послѣледниковыхъ, ни въ межледниковыхъ отложеніяхъ не найдено пока никакихъ слѣдовъ палеолитическаго человѣка. Повидимому, человѣкъ появился здѣсь только въ позднѣйшій, неолитическій періодъ, когда онъ заселилъ всю сѣверную половину Россіи, оставивъ по себѣ многочисленныя каменныя издѣлія на обширномъ пространствѣ отъ Финляндіи и Западнаго края—до Урала и отъ бассейновъ Днѣпра, Оки, Дона и Волги до С. Двины и Бѣлаго моря. Въ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ дѣло съ отдѣльными находками каменныхъ топоровъ, долотъ, молотковъ, наконечниковъ копій, стрѣлъ, скребковъ и другихъ орудій, отчасти оббитыхъ изъ кремня, отчасти отшлифованныхъ, вытесанныхъ изъ песчаниковъ, глинистыхъ сланцевъ, діоритовъ и другихъ горныхъ породъ. Находки эти дѣлаются случайно на песчаныхъ бе-

регахъ рѣкъ и озеръ, на дюнахъ, на поляхъ, въ лѣсахъ и т. д. Мѣстами рядомъ съ каменными встрѣчаются и костяныя орудія, черепки горшковъ, кости животныхъ (употреблявшихся въ пищу), остатки лодокъ и т. д. Интересныя находки такого рода были сдѣланы при открытіи новаго Сяськаго канала, на южномъ побережьи Ладожскаго озера, въ слояхъ торфа подъ пескомъ, и описаны проф. Иностранцевымъ. Тамъ найдено было и много звѣриныхъ, птичьихъ и рыбьихъ костей, а также и кости (черепа) самого человѣка, что позволило получить понятіе объ окружавшей тогдашняго человѣка фаунѣ, а отчасти и объ его бытѣ и типѣ. Человѣкъ жилъ тогда, очевидно, охотой и рыболовствомъ и изъ домашнихъ животныхъ имѣлъ только двѣ породы собакъ. Еще болѣе интересныя находки были сдѣланы близъ города Мурома (во Владимирской губ.), на лѣвомъ берегу Оки близъ Волосова, на дюнѣ, омываемой рѣчкой Велетьмой (бывшимъ ложемъ Оки), гдѣ были найдены слѣды долговременнаго поселенія. Тамъ оказался довольно толстый (до 1,3 метра) черный культурный слой, изъ котораго извлечено было много костей животныхъ (лося, дикаго быка, сѣвернаго оленя, кабана, бобра, медвѣдя, выдры и др.), скелетъ домашней собаки, массы оббитыхъ и значительное число обточенныхъ каменныхъ орудій, костяныя шила, стрѣлки, гарпуны, рыболовные крючки, множество черепковъ глиняной посуды, продырявленные звѣриные зубы и каменныя пластинки, служившія для украшенія, наконецъ, оббитыя изъ кремня и вырѣзанныя изъ кости изображенія животныхъ и человѣка, свидѣтельствующія о нѣкоторыхъ художественныхъ наклонностяхъ тогдашняго Волосовскаго обитателя. Ничего подобнаго остаткамъ этой неолитической стоянки въ Московской губерніи пока не найдено. Находки каменнаго вѣка ограничиваются здѣсь лишь немногими кремневыми стрѣлками и топориками, нѣсколькими шлифованными долотами и молотками, случайно попадавшимися на береговыхъ дюнахъ или при земляныхъ и полевыхъ работахъ.

Нѣкоторые изъ топоровъ-молотовъ (ладьеобразной формы) со сквозными отверстіями для насадки рукоятки относятся несомнѣнно уже къ позднѣйшей стадіи неолитической эпохи. Вообще неолитическая культура представлена здѣсь довольно бѣдно,—много бѣднѣе, чѣмъ во многихъ другихъ губерніяхъ средней и сѣверной Россіи. Зависитъ ли это отъ случая, отъ меньшихъ стараній къ нахожденію подобныхъ остатковъ древности или отъ меньшей заселенности губерніи въ ту отдаленную эпоху, сказать трудно, но фактъ тотъ, что въ нашихъ музеяхъ, хранящихъ въсебѣ сотни каменныхъ орудій изъ Олонецкой, Казанской, Тульской, Смоленской и другихъ средне-русскихъ губерній, Московская губернія представлена только немногими единичными экземплярами издѣлій неолитическаго вѣка.

Къ какому времени можетъ быть отнесено господство неолитической культуры въ средней Россіи? Начало этой культуры въ западной Европѣ Софусъ Мюллеръ относитъ ко времени приблизительно за 3000 лѣтъ до нашей эры; ранѣе тамъ царилъ палеолитическій вѣкъ. Но мы видѣли, что на западѣ Европы развитіе культуры шло много скорѣе, чѣмъ на востокѣ. Возможно, что средняя Россія за три—двѣ тысячи лѣтъ до нашей эры совершенно не была заселена человѣкомъ, который распространился сюда

значительно позднѣе. Съ другой стороны, несомнѣнно, что каменный вѣкъ продолжалъ сохраняться здѣсь и въ то время, когда на западѣ давно уже распространилась металлическая промышленность. Такъ, первая (древнѣйшая) желѣзная эпоха относится на Критѣ, въ Греціи, части Италіи къ X—VIII вѣкамъ до Р. Х., въ сѣверной Италіи и въ Австріи (Галльштатъ) къ VIII—IV вѣкамъ; въ это время въ Венгріи, Седьмиградьи, части Швейцаріи, въ сѣверной Франціи, Бельгіи, Англіи, Голландіи, сѣверной Германіи, южной Скандинавіи—господствовала позднѣйшая бронзовая эпоха, а въ большей части Россіи продолжался еще каменный вѣкъ. Затѣмъ для южной Европы наступила историческая эпоха, въ средней и западной Европѣ въ это время (съ IV—I столѣтіе) продолжалась кельтская эпоха (позднѣйшая желѣзная, т. наз. La Tène), въ южной Россіи—обозначилась такъ наз. скиѳская, а сѣверная половина Россіи продолжала жить еще въ каменномъ вѣкѣ. И только уже съ наступленіемъ нашей эры, когда по Европѣ стала распространяться римская культура, и лишь въ Ирландіи и Шотландіи сохранялась еще кельтская, — въ сѣверной и восточной Европѣ началось вліяніе культуры «урало-алтайской», которая принесла съ собой и металлическую промышленность.

На западѣ металлическій вѣкъ начался эпохой мѣди и бронзы, распространенію которыхъ содѣйствовали особенно культурные народы восточнаго Средиземья—финикіяне и греки. Типичный бронзовый вѣкъ на западѣ характеризуется орудіями (топорами-цельтами, мечами, наконечниками копій, серпами и т. д.), указывающими опредѣленностью ихъ формъ, искусствомъ отливки, орнаментаціей—на фабричное ихъ производство и на распространеніе изъ извѣстныхъ культурныхъ центровъ. Но территоріей распространенія такихъ издѣлій была только южная и западная Европа; въ предѣлахъ Россіи это культурное теченіе проявлялось слабо и началось поздно; оно шло отчасти съ юга—съ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, изъ возникшихъ тамъ въ VIII — VII вѣкахъ греческихъ колоній (можетъ быть, еще съ Кавказа), отчасти съ запада—изъ Скандинавіи и средней Европы: въ томъ и другомъ направленіи оно не было, повидимому, широкимъ и интенсивнымъ и встрѣтилось уже съ нѣкоторымъ знакомствомъ съ мѣдью и даже съ желѣзомъ въ тѣхъ же странахъ [1]). Большая часть средней и сѣверной Россіи оставалась въ сторонѣ отъ этого вліянія, и вообще слѣды мѣднаго и бронзоваго вѣка у насъ скудны и не указываютъ на существованіе особой эпохи, характеризуемой широкимъ распространеніемъ соотвѣтственныхъ металловъ. Если мѣдныя и бронзовыя орудія все-таки сюда проникали, то главнымъ образомъ, надо полагать, съ Востока, изъ Приуралья, гдѣ въ Пермской, Вятской, Уфимской, Казанской губерніяхъ, несомнѣнно, они были предметами значительнаго производства (ихъ найдено тамъ довольно много, между прочимъ, въ нѣкоторыхъ городищахъ и могильникахъ). Распространяясь отсюда, эти ору-

---

[1]) Въ южной Россіи было найдено довольно много древнихъ могилъ съ костями въ скорченномъ положеніи и съ лежащими при нихъ каменными орудіями, а иногда и съ примитивными мѣдными, въ родѣ кованныхъ (не литыхъ) наконечниковъ копій. Въ такъ наз. скиѳскихъ могилахъ IV вѣка до Р. Х. уже встрѣчаются желѣзныя орудія.

дія проникали на западъ—до Финляндіи, гдѣ встрѣчались съ бронзовыми орудіями западнаго происхожденія; нѣкоторое число цельтовъ, наконечниковъ копій и т. п. было найдено во Владимірской и другихъ среднихъ и сѣверно-русскихъ губерніяхъ, въ томъ числѣ и Московской (извѣстна находка мѣднаго цельта и стрѣлъ вмѣстѣ съ каменнымъ молоткомъ близъ дер. Загорья, у р. Сестры въ Клинскомъ уѣздѣ). Однако, въ общемъ находки эти такъ скудны, что на основаніи ихъ невозможно установить въ исторіи нашей доисторической культуры особую мѣдную или бронзовую эпоху. Повидимому, каменный вѣкъ у насъ длился очень долго и затѣмъ перешелъ прямо въ желѣзный подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, той же «чудской», «урало-алтайской» культуры, распространявшейся съ востока.

Древнѣйшіе, болѣе обильные слѣды доисторическаго быта мы встрѣчаемъ на территоріи Московской губерніи въ городищахъ. Такъ называютъ земляныя сооруженія, расположенныя обыкновенно на возвышенныхъ мѣстахъ, по берегамъ рѣкъ, большей частью на стрѣлкѣ или на мысу, образованномъ впадающимъ въ рѣку притокомъ или оврагомъ. Такіе возвышенные мысы представляли удобства обороны въ случаѣ нападенія: со стороны рѣки, ея притока или оврага—нападеніе затруднялось крутымъ склономъ, который иногда оказывался и на сторонѣ, обращенной къ полю или лѣсу; кромѣ того, естественныя затрудненія усложнялись иногда еще искусственно—проведеніемъ рвовъ и насыпаніемъ валовъ со всѣхъ или нѣкоторыхъ сторонъ и постановкой на валу огражденія (частокола и т. п.). Такого рода холмы служили мѣстами укрѣпленныхъ поселеній, т.-е. первоначальными городами, а позднѣе, съ размноженіемъ населенія, укрѣпленными центрами городовъ — ихъ акрополями или кремлями. Но не всегда городища служили мѣстами поселеній: иногда это были мѣста религіозныхъ собраній и жертвоприношеній. И теперь еще на многихъ холмахъ и возвышенностяхъ стоятъ церкви, а ранѣе въ до-христіанкую эпоху ихъ мѣсто занимали языческія мольбища. Повидимому, уже съ отдаленной древности съ возвышенными пунктами соединялось представленіе о наибольшей пригодности ихъ для сношенія съ духами и богами, можетъ быть, именно вслѣдствіе ихъ возвышеннаго положенія, ихъ большей близости къ небу. Городищъ такого священнаго характера имѣется много въ Приуральѣ; на нихъ находятъ уголь и золу, массы костей жертвенныхъ животныхъ, а также разныя орудія (костяныя, каменныя, металлическія), и особенно изображенія (вотивныя) животныхъ и человѣка (слѣды шаманскаго культа). Въ Гляденовскомъ городищѣ (Пермской губерніи) были найдены въ слояхъ земли и золы массы подобныхъ мѣдныхъ изображеній—звѣрей, птицъ, змѣй, — отчасти миѳическаго или символическаго характера. На одномъ городищѣ, въ Среднемъ Уралѣ (Караульной горѣ) нашлись десятки отлитыхъ изъ мѣди птицъ съ распущенными крыльями (парящихъ), отчасти воткнутыхъ (въ стоячемъ положеніи) въ землю и какъ бы выражающихъ сношенія съ небесными духами чрезъ посредство такихъ крылатыхъ вѣстниковъ. Число городищъ въ Вятко-Камскомъ краѣ вообще довольно значительно, при чемъ одни изъ нихъ служили, очевидно, мѣстами поселенія, другіе—жертвоприношеній. Впрочемъ, городища далеко не составляютъ особенности только

Таблица I.

Рис. 7. Черепки глиняныхъ горшковъ изъ Дьякова городища. Вверху, въ срединѣ, три съ сѣтчатымъ орнаментомъ; другіе—съ ногтевымъ, ямочнымъ и др. (Въ $^2/_3$ натур величины).

Рис. 8. Черепокъ съ орнаментомъ изъ прямыхъ и волнистыхъ линій (и отчасти съ ногтевымъ). Подобные встрѣчаются и въ курганахъ. (Въ натуральн. величину).

Рис. 9. Костяныя острія и шилья изъ Дьякова городища (Въ $^2/_3$ натур. величины).

Рис. 10. Костяныя шилья и иголки. (Въ натур. величину).

Таблица II.

Рис. 11. Различныя орудія изъ кости. Вверху, въ срединѣ, костяная пряжка, ниже ея раковинка и бусы; на право—гарпунъ съ зубцомъ внизу—обломанное орудіе, служившее, м. б., для вязанія сѣтей. (Въ $^2/_3$ натур. вел.).

Рис. 12. Костяныя стрѣлки и др. орудія; ниже обдѣланная часть оленьяго рога; въ самомъ низу оббитый кремневый топоръ. (Изъ Дьякова городища; въ $^2/_3$ нат. величины).

Библіотека Народнаго
Университета
№
Владимірскаго Губернскаго
Земства

Таблица III.

Рис. 13. Глиняные горшочки. Внизу посрединѣ глиняная погремушка. (Въ $^2/_3$ натур. велич.).

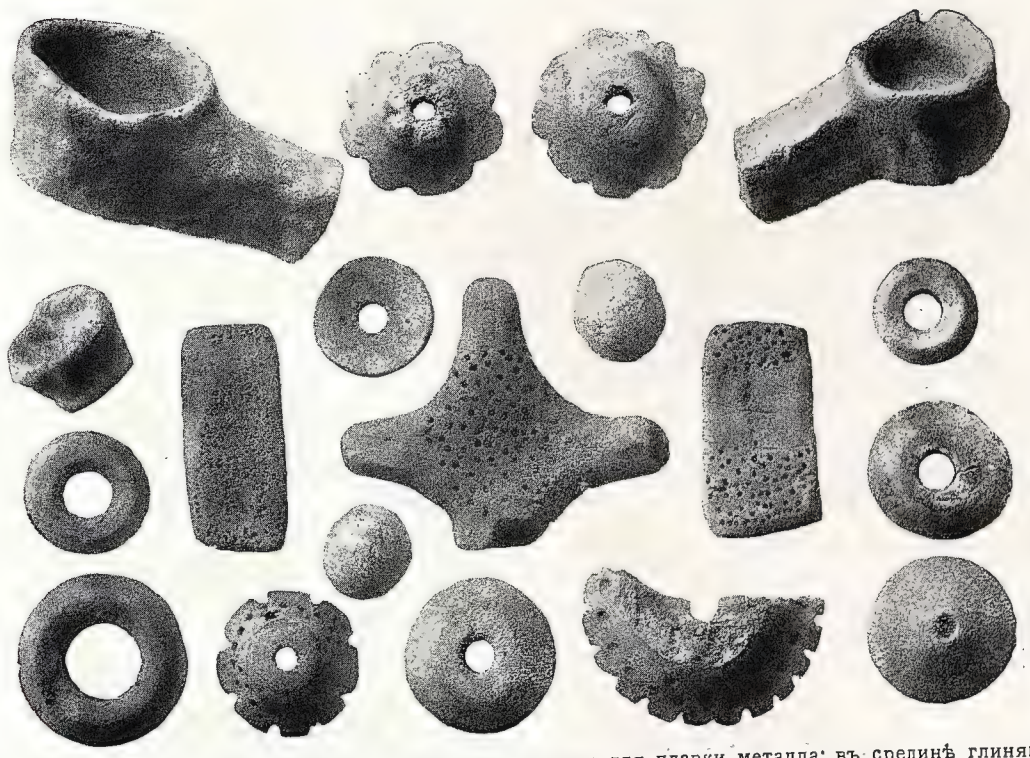


Рис. 14. Вверху въ углахъ глиняные льячки съ кручками для плавки металла; въ срединѣ глиняныя плитки съ наколами; изъ нихъ одна въ видѣ креста, отчасти обломанная, воспроизводитъ, повидимому, фигуру человѣка; глиняные шарики и кружки (пряслицы), а также зубчатые кружки неизвѣстнаго назначенія изъ Дьякова городища. (Въ $^2/_3$ нат. вел.).

этого края; мы встрѣчаемъ ихъ, можно сказать, повсюду въ Россіи, особенно въ лѣсной области, до Западнаго края включительно. Не мало сохранилось ихъ и въ Московской губерніи, хотя далеко не всѣ они приведены въ извѣстность, еще меньшее ихъ число обстоятельно описано, и только очень немногіе изъ нихъ были предметомъ изслѣдованія и раскопокъ.

Наиболѣе извѣстнымъ и изслѣдованнымъ изъ подмосковныхъ городищъ является так. наз. Дьяково городище (иначе Чортово), расположенное верст. въ 8 къ югу отъ Москвы, по Москвѣ-рѣкѣ, у села Дьякова (недалеко отъ с. Коломенскаго), на вершинѣ высокаго холма, возвышающагося до 24 саж. надъ уровнемъ рѣки (см. рис. 5 и 6). Холмъ этотъ образованъ въ значительной степени валунными отложеніями (мѣстные жители добываютъ изъ него немало булыжнику), но верхніе его слои, до 2-хъ саженъ толщиной, состоятъ изъ насыпанной земли, изъ глины, бѣлаго песку, угля

Рис. 5. Дьяково городище на вершинѣ высокаго холма близъ Москвы. Направо долина Москвы-рѣки; на заднемъ планѣ село Коломенское.

съ золой, чернозема. По краямъ городища, занимающаго площадь до 500 кв. саж., есть слѣды вала, насыпаннаго на культурномъ слоѣ (слѣд., уже въ позднѣйшей стадіи существованія городища), изъ чистой глины, но теперь большею частью осѣвшаго и оползшаго. Изслѣдованія Дьякова городища были начаты уже около 35 лѣтъ тому назадъ проф. Д. Я. Самоквасовымъ и Ю. Д. Филимоновымъ; затѣмъ, въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ, они были продолжены В. И. Сизовымъ. Тѣмъ не менѣе, ими далеко не исчерпано содержаніе этого обширнаго городища. Сизову удалось констатировать, что въ культурныхъ слояхъ его могутъ быть различены болѣе древніе, залегающіе на глинистомъ основномъ грунтѣ холма, и позднѣйшіе. Въ нижнихъ слояхъ были найдены глиняные черепки (см. таб. I, рис. 7) красновато-бураго цвѣта съ примитивнымъ сѣтчатымъ орнаментомъ (полученнымъ отъ прижиманія сѣтки (?) къ стѣнамъ горшка), плоскія желѣзныя стрѣлки съ черешкомъ для насадки на древко (напоминающія своей

формой кремневыя), кое-какія костяныя издѣлія, кости животныхъ. Филимоновъ находилъ въ этихъ нижнихъ слояхъ костяныя шилья и иглы, точильные камни, шиферныя плитки и т. д. Въ верхнихъ слояхъ (идущихъ до 3—4 арш. въ глубину) были найдены глиняные черепки лучшаго состава и съ болѣе разнообразнымъ орнаментомъ (ногтевымъ, ямочнымъ, шнуровымъ и проч.), въ томъ числѣ одинъ черепокъ съ волнистымъ орнаментомъ (табл. I, рис. 8), много различныхъ костяныхъ остріевъ, шильевъ, иголъ, костяныхъ стрѣлокъ, костяныхъ рукоятей отъ желѣзныхъ ножей и мечей, обдѣланныхъ кусковъ оленьихъ роговъ, костяная пряжка и т. д. (табл. I, рис. 9 и 10; табл. II, рис. 11 и 12). Многія костяныя орудія служили, вѣроятно, для произведенія орнамента на горшкахъ, приготовлявшихся, повидимому, въ большомъ количествѣ на городищѣ. Другія орудія представляли, очевидно, гарпуны (стрѣлы съ зубцами), иныя служили для вязанія рыболовныхъ сѣтей или

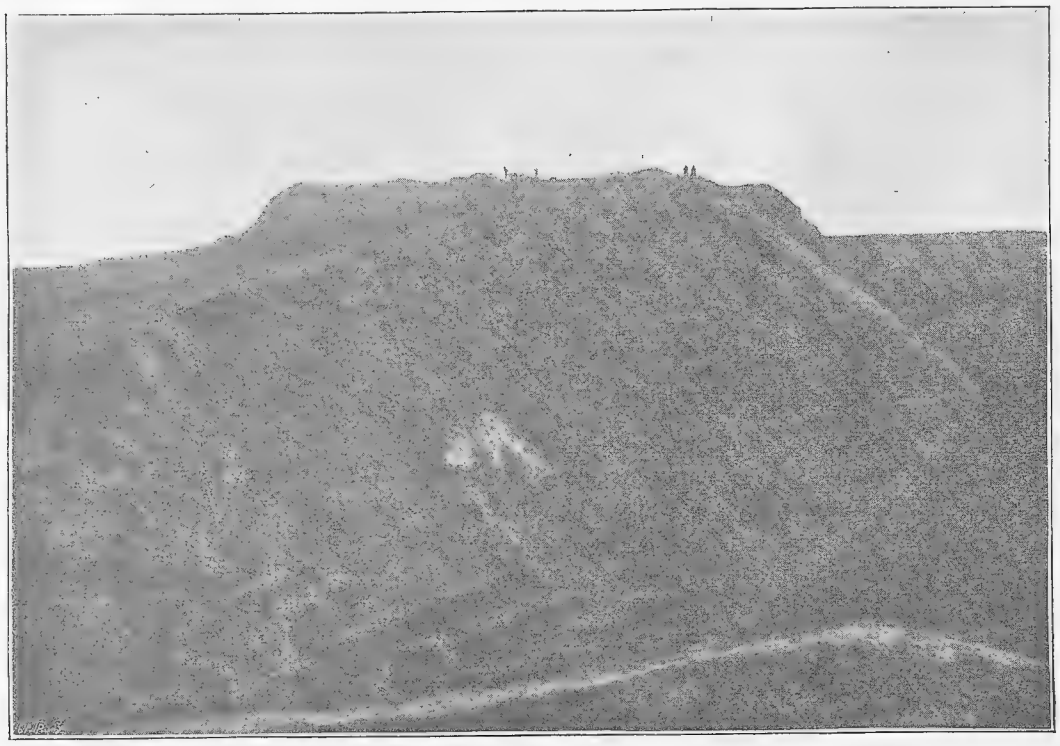


Рис. 6. Дьяково городище съ другой стороны. (Снято во время производства на немъ раскопки).

для ткацкаго станка, наконецъ, другія имѣли какое-то неизвѣстное назначеніе. Весьма любопытна рѣзанная изъ кости фигура какого-то звѣря, напоминающая подобныя же издѣлія изъ Вятскаго края; опредѣлить природу этого звѣря довольно трудно: можно видѣть въ немъ и лошадь, и миѳическаго «ящера» (столь часто встрѣчающагося среди Пермскихъ «чудскихъ» мѣдныхъ изображеній) (см. рис. 14).

Ранѣе Филимоновымъ найдена была костяная рукоятка, украшенная тоже изображеніемъ головы какого-то звѣря (кабана?), съ ушами, въ которыя вдѣты маленькія бронзовыя колечки. Въ числѣ предметовъ изъ камня, кромѣ точильныхъ брусковъ, шиферныхъ плитокъ, круглыхъ голышей (служившихъ можетъ быть пращами), найденъ былъ одинъ оббитый кремневый топоръ и нѣчто въ родѣ шлифованнаго долота. Довольно разнооб-

Таблица IV.

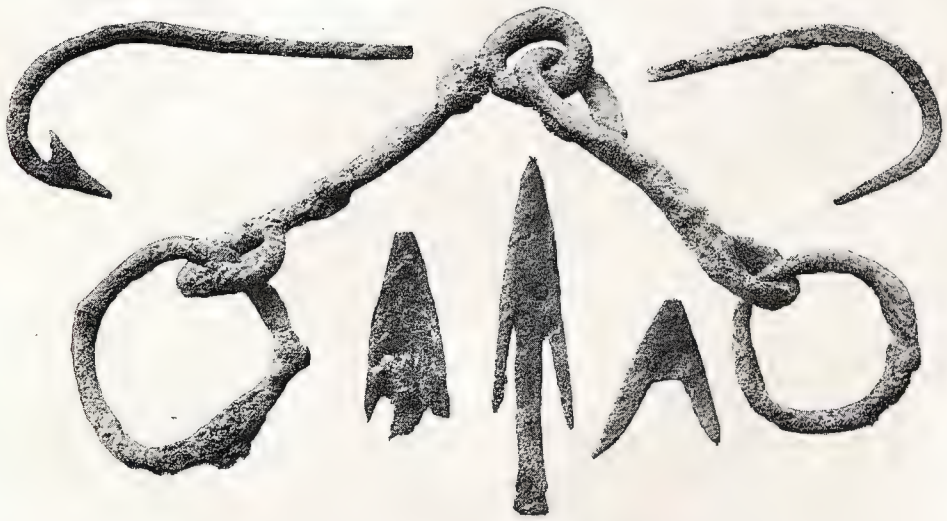


Рис. 16. Желѣзныя вещи изъ Дьякова городища: три плоскихъ стрѣлки (найдены въ нижнемъ слоѣ), удила и два рыболовныхъ крючка (въ $^2/_3$ нат. вел.).

Рис. 17. Желѣзныя вещи изъ Дьякова городища: стрѣлка, ножи, кривые ножи (серпы) и др.; внизу направо желѣзный цельтъ (въ $^2/_3$ нат. вел.).

разны издѣлія изъ глины. Кромѣ черепковъ отъ горшковъ, найдено было много маленькихъ сосудиковъ, отчасти въ родѣ горшечковъ и вазочекъ, отчасти съ ручками, формы такъ наз. льячковъ (тиглей), служившихъ для плавки металла. Затѣмъ встрѣчаются глиняные шарики, отчасти сквозные или съ ямочками (ихъ считали то бусами, то игрушками, то служившими для полировки горшковъ); глиняныя погремушки (цилиндрическія, полыя внутри и заключающія въ себѣ какія то зерна); глиняныя плитки съ точечными наколами и такія же, крестообразной формы, грубо воспроизводящія, повидимому, человѣческую фигуру (въ коллекціи, собранной Филимоновымъ, одна такая фигура имѣетъ явственно обозначенныя заднія части и ноги); глиняныя пряслицы (отъ веретенъ) и подобныя же имъ издѣлія со сквознымъ отверзтіемъ въ серединѣ, но имѣющія конически-зубчатую форму и служившія, повидимому, для какой то другой цѣли (см. табл. III, рис. 13 и 14).

Изъ металлическихъ издѣлій были найдены какъ бронзовыя (мѣдныя), такъ и желѣзныя (см. табл. IV, рис. 16 и 17). Въ числѣ бронзовыхъ встрѣчены шейныя гривны, браслеты, кольца, пряжки, бронзовыя пластинки или лен-

Рис. 15. Рѣзанное изъ кости изображеніе звѣря—изъ Дьякова городища. (Въ нат. величину).

точки съ ушками на концахъ, такъ наз. шумящія подвѣски (съ висящими колокольцами),—сходныя съ соотвѣтственными издѣліями изъ нѣкоторыхъ древнихъ могильниковъ (напр., Курманскаго на Окѣ), а отчасти и изъ мерянскихъ кургановъ. Любопытна литая бронзовая подковообразная пряжка съ нѣсколькими ямками посрединѣ и на концахъ, для вставки эмали, напоминающая издѣлія такъ наз. «готскаго» типа. Найдена была также одна формочка или матрица для отливки бронзовой привѣски. Изъ желѣзныхъ вещей были найдены рыболовные крючки, удила, стрѣлки, ножи, въ томъ числѣ кривые, въ родѣ серповъ (былъ найденъ и одинъ серпъ обычной формы) и одинъ желѣзный топоръ или цельтъ, напоминающій по своей формѣ—каменный. Слѣдуетъ упомянуть еще о стеклянныхъ позолоченныхъ бусахъ, служившихъ, очевидно, для украшенія. Что касается находимыхъ на городищѣ костей, то онѣ принадлежатъ отчасти дикимъ, отчасти домашнимъ животнымъ. Изъ дикихъ—можно было опредѣлить кости и зубы—медвѣдя, кабана, бобра, лося, оленя, мелкихъ хищниковъ; изъ домашнихъ—быка, свиньи, лошади. Такимъ образомъ населеніе, посѣщавшее городище, не было только охотничьимъ, но имѣло и домашнихъ животныхъ. Кромѣ того, оно

занималось и земледѣліемъ; на это указываетъ не только находка серповъ, но и ручного жернова, а также большого запаса какихъ то частью обугленныхъ и перегнившихъ зеренъ. Къ сожалѣнію, отсутствіе монетъ затрудняетъ точное опредѣленіе древности культурныхъ слоевъ городища. Въ другихъ городищахъ подобнаго типа (въ бассейнѣ Оки) найдено было, впрочемъ, нѣсколько арабскихъ монетъ (диргемовъ) IX—X вѣковъ. Съ другой стороны, нѣкоторыя пряжки (особенно съ эмалью) и гривны указываютъ на значительную древность, доходящую, можетъ быть, до VI—V вѣковъ. Вопросъ въ томъ, какому народу можно приписать культурные слои Дьякова городища, мы разсмотримъ нѣсколько далѣе.

Дьяково городище настолько характерно по своему содержанію, что извѣстный изслѣдователь русскихъ древностей А. А. Спицынъ считаетъ его типичнымъ, полагая, что къ той же категоріи могутъ быть отнесены многія другія городища, находящіяся въ бассейнахъ Оки, Клязьмы, верхней

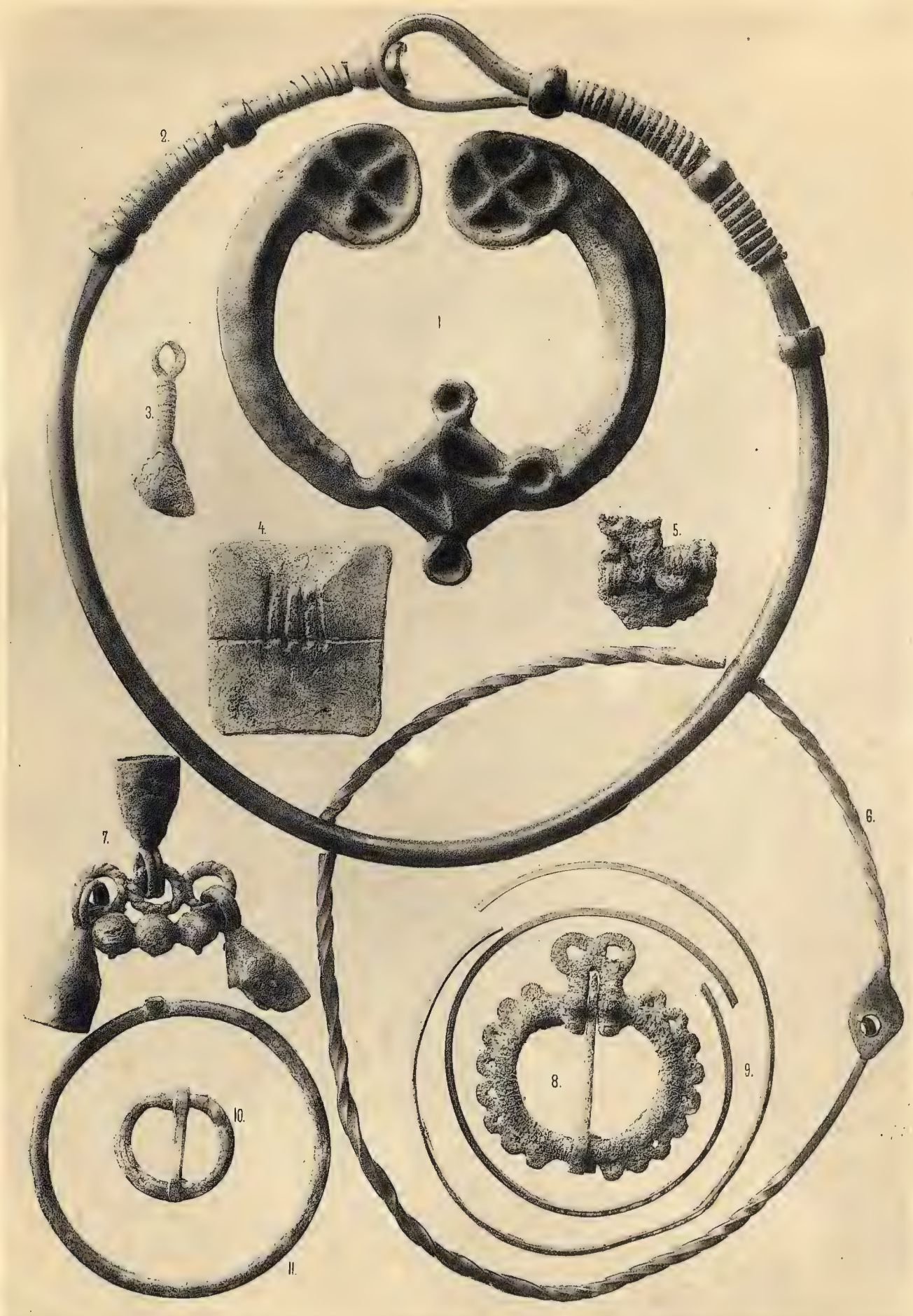
Рис. 18. Городище близъ д. Синьковой, Клинскаго уѣзда.

Волги, даже верховьевъ Днѣпра, Мсты, а, можетъ быть, и Зап. Двины. Всѣ они представляютъ извѣстное сходство съ нѣкоторыми типичными городищами Вятско-Пермскаго края, тоже служившими религіознымъ цѣлямъ [1]).

Въ Московской губерніи къ тому же типу могутъ быть отнесены еще городища: у дер. Нижніе Котлы, за Серпуховской заставой г. Москвы, обслѣдованное Н. І. Криштофовичемъ; оно имѣетъ культурный слой до 2—3 арш., въ которомъ было найдено много костей, угли, полуобожженное дерево, а изъ вещей—костяное остріе до $3^1/_2$ вер. длиной и бронзовая витая шейная (дѣтская) гривна; Синьковское городище въ Клинскомъ уѣздѣ, обслѣдованное Я. И. Смирновымъ и давшее, въ числѣ вещей, подобные же костяныя острія, стрѣлки, глиняные тигли (льячки), черепки, пряслицы, бронзовыя украшенія, витую гривну, формочку для отливки украшеній и т. п. (см. рис. 18); городища у д. Попелкова (Клинскаго у.) и др.

---

[1]) О томъ, что Дьяково городище служило для религіозныхъ цѣлей, свидѣтельствуютъ, повидимому, и его старинное народное названіе „Чортово". Съ принятіемъ христіанства естественно было приравнять языческихъ боговъ и духовъ къ дьяволу.

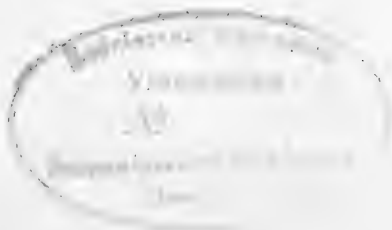


ДЬЯКОВО ГОРОДИЩЕ.

Нѣкоторыя вещи, найденныя на Дьяковомъ Городищѣ.

1. Подковообразная пряжка съ ямками посрединѣ и на концахъ для вставки финифта (эмали); 2. Бронзовая шейная гривна съ петлей и крючкомъ на концахъ; 3. Бронзовая привѣска съ петелькой; 4. Формочка (матрица) для отливки украшенія; 5. Неизвѣстный предметъ; 6. Небольшая витая бронзовая гривна; 7. Бронзовая шумящая привѣска; 8. Пряжка съ булавкой; 9 и 11. Бронзовыя украшенія въ видѣ колецъ; 10. Небольшая пряжка.

Худож. фототип. К. А. Фишера.



Г. Криштофовичъ указываетъ на существованіе нѣсколькихъ городищъ по теченію рр. Москвы, Пехорки, Клязьмы, Учи, напр., у с. Капорки, с. Большева, немного выше села Краскова и др.; но ни одно изъ нихъ не было еще сколько-нибудь изслѣдовано.

Слѣдующимъ по времени типомъ древностей на территоріи Московской губерніи являются могильныя насыпи, курганы, съ открываемыми въ нихъ, при костякахъ, вещами. Курганы встрѣчаются во всѣхъ уѣздахъ, большей частью вдоль рѣкъ, группами по нѣскольку десятковъ. Обыкновенно они имѣютъ полушарообразную форму и невысокіе ($1^1/_2$ — 3 арш. отвѣсной высоты), но встрѣчаются и болѣе высокіе, до 8 арш. Въ общемъ, число ихъ не особенно велико; такихъ скопленій кургановъ, какіе встрѣчаются мѣстами въ Смоленской, Черниговской, Полтавской губ., въ числѣ нѣсколькихъ сотъ на протяженіи иногда нѣсколькихъ верстъ, здѣсь, повидимому, не имѣется,—фактъ, который можно объяснить не очень большимъ промежуткомъ времени, въ теченіе котораго курганы насыпались. Впрочемъ, часть здѣшнихъ кургановъ подверглась съ теченіемъ времени разрушенію, была распахана и уничтожена. Мѣстами курганы возвышаются на поляхъ около селеній, мѣстами въ лѣсу, при чемъ на самихъ курганахъ кое-гдѣ выросли толстыя деревья [1]). У основанія кургановъ иногда замѣтны канавы (у кургановъ Дмитровскаго уѣзда даже по три); въ иныхъ мѣстахъ (по Клязьмѣ) курганы оказываются обложенными въ основаніи или на извѣстной высотѣ камнями. Первыя раскопки Московскихъ кургановъ съ научной цѣлью относятся къ 30-мъ и 50-мъ годамъ прошлаго столѣтія (были произведены въ Звенигородскомъ и Бронницкомъ уѣздахъ), но особенно много кургановъ было раскопано въ 60-хъ годахъ проф. А. П. Богдановымъ и командированными имъ лицами, а также г. Гатцукомъ и др. Ими было вскрыто до 150 кургановъ, во всѣхъ почти уѣздахъ, кромѣ сѣверныхъ (Дмитровскаго, Клинскаго). Позже раскопки производились гг. Сизовымъ, Богоявленскимъ, Кожевниковымъ, г-жей Гендуне, Линдеманомъ и другими лицами и захватили всѣ уѣзды.

Общій характеръ этихъ могилъ представляется почти всюду одинаковымъ, и различія въ обстановкѣ ихъ по мѣстностямъ незначительны. Всюду мы имѣемъ погребеніе; трупосожженія, встрѣчающагося, напр., въ Смоленскихъ и Владимірскихъ курганахъ, здѣсь не найдено. Въ насыпи иногда попадаются прослойки угля, въ рѣдкихъ случаяхъ также кости животныхъ (раза два были найдены цѣлые лошадиные черепа) и черепки отъ горшковъ. Въ каждомъ курганѣ находится обыкновенно одинъ костякъ, но встрѣчаются иногда и два, мужской и женскій или женскій и дѣтскій, а въ одномъ случаѣ было найдено даже три, мужской, женскій и дѣтскій, на одномъ и томъ же уровнѣ (могутъ быть и костяки одного пола). Костякъ лежитъ обыкновенно на материкѣ; въ курганахъ Богородскаго уѣзда его находили нѣсколько выше материка, а въ курга-

---

[1]) Одна изъ прилагаемыхъ фототипій изображаетъ группу кургановъ около села Покрова Подольскаго уѣзда. Нѣкоторые изъ кургановъ представляютъ прорытыя черезъ нихъ траншеи — слѣды раскопки. Фототипія эта исполнена съ рисунка въ краскахъ, сдѣланнаго по порученію покойнаго профессора А. П. Богданова и сохраняющаго его подпись.

нахъ другихъ мѣстностей, напр., въ Дмитровскомъ уѣздѣ, въ неглубокихъ ямахъ ниже материка. Положеніе костяковъ всюду одинаковое, лежачее, головой на западъ, ногами (и лицомъ) на востокъ, иногда съ нѣкоторыми уклоненіями къ сѣверо-западу или юго-западу, какъ полагаютъ, въ зависимости отъ времени года (изрѣдка находили и другое положеніе костяка). Руки вытянуты вдоль тѣла, или сложены внизу живота, или одна на груди, другая—протянута. Около костяка иногда находятъ угли и золу, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и кости животныхъ; такъ, въ одной группѣ кургановъ Бронницкаго уѣзда у каждаго костяка стоялъ въ ногахъ горшокъ, а около послѣдняго уголья, при чемъ въ одномъ курганѣ, среди углей, оказались перегорѣлыя кости свиньи и пѣтуха (по опредѣленію проф. Варнека). Въ рѣдкихъ случаяхъ покойники клались въ гробу или колодѣ, чаще на доскахъ, иногда въ обкладкѣ изъ бревенъ, а большей частью прямо на землѣ; въ одномъ случаѣ остовъ лежалъ на слоѣ камней, въ другомъ—онъ былъ покрытъ доской; въ курганахъ Дмитровскаго уѣзда яма оказывается выложенною мхомъ, берестой или сосновой корой; послѣднею обвертывались, повидимому, и руки; въ курганахъ Коломенскаго уѣзда находили иногда весь костякъ обернутымъ плотнымъ слоемъ бересты. Какъ исключеніе, иногда подъ курганомъ не находили вовсе костяка и никакихъ слѣдовъ его. Очень часто около костяка не оказывается никакихъ предметовъ, даже простого горшка. Мужскіе курганы вообще очень бѣдны находками, тогда какъ при женскихъ почти всегда находятся различныя бронзовыя украшенія и бусы.

Особенность Московскихъ кургановъ та, что въ нихъ не встрѣчается ни оружія, ни монетъ. Только въ одномъ курганѣ Бронницкаго у. была найдена съ правой стороны костяка желѣзная сѣкира, но и то это было, вѣроятно, орудіе, а не оружіе. Въ двухъ-трехъ курганахъ были найдены серпы. Что касается монетъ, то извѣстенъ одинъ только случай ихъ находокъ, именно западныхъ, нѣмецкихъ, конца XI вѣка, въ курганѣ Бронницкаго уѣзда. При мужскихъ костякахъ встрѣчаются еще только пряжки, иногда съ остатками кожанаго пояса; въ рѣдкихъ случаяхъ также остатки кожаной обуви, слѣды шерстяной ткани, желѣзное огниво, желѣзный ножикъ, звѣриный зубъ; чаще еще небольшой горшокъ въ ногахъ (а иногда у головы). Въ одномъ курганѣ Подольскаго уѣзда подъ лѣвой рукой костяка нашлась кремневая стрѣлка, а при одной раскопкѣ кургана въ Бронницкомъ у. (въ 1854 г.) въ правомъ вискѣ черепа оказалась желѣзная стрѣла, которою, можетъ быть, и былъ убитъ погребенный. Женскія погребенія обставлены обильнѣе. Характернымъ женскимъ украшеніемъ являются височныя, семилепестныя кольца или подвѣски (ихъ называли прежде также серьгами) изъ мѣдно-серебрянаго сплава своеобразной формы (см. рис. 19), съ

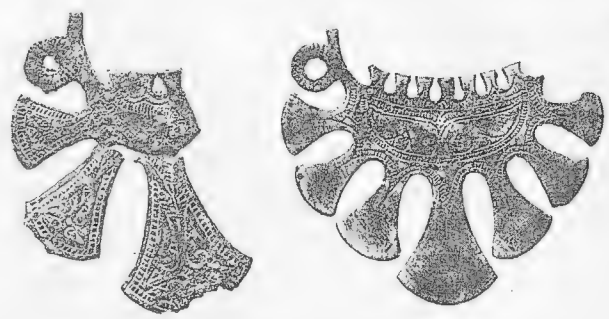


Рис. 19. Семилепестныя, частью поломанныя, височныя кольца, съ узоромъ, сохранившимъ еще черты арабскаго стиля.

КУРГАНЫ СЕЛА ПОКРОВА.

Подольскаго уѣзда, Московской губ.

Худож. фототип. К. А. Фишера.

Библіотека
Университета
№
Владиміров
Земск

простымъ нарѣзнымъ узоромъ и съ семью лепестками внизу. Ихъ находятъ по одному, по два и даже по три на каждой сторонѣ головы, на вискахъ или надъ ушами, при чемъ иногда подъ ними оказываются сохранившимися пучки волосъ (косички) или остатки шерстяной ткани. Окисляясь, эти привѣски нерѣдко окрашивали черепъ съ боковъ пятнами зеленаго цвѣта [1]). Въ иныхъ мѣстностяхъ однако такія привѣски встрѣчаются рѣдко, и мѣсто ихъ занимаютъ простыя бронзовыя проволочныя кольца, большей или меньшей величины, въ рѣдкихъ случаяхъ съ 3—4 ромбическими расширеніями. Извѣстно также нѣсколько случаевъ замѣны семилепестныхъ колецъ болѣе тонкими металлическими привѣсками округленной трехлопастной формы (см. рис. 21), представляющими какъ бы дальнѣйшее развитіе типичныхъ семилепестныхъ [2]). На шеѣ носились металлическіе обручи или гривны,

Рис. 20. Черепъ изъ кургана Дмитровскаго уѣзда. Въ височной области его видны свѣтлыя пятна, которыя въ натурѣ зеленыя и вызваны окисленіемъ мѣди въ находившихся на бокахъ головы семилепестныхъ кольцахъ.

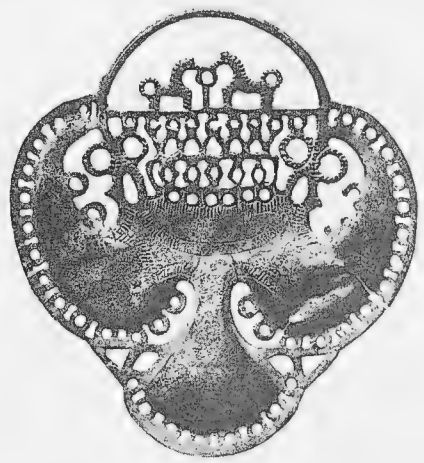


Рис. 21. Позднѣйшее видоизмѣненіе височнаго кольца, превратившагося въ трехлепестное, украшенное бордюромъ изъ пробитыхъ дырочекъ, а выше рѣшеткой, на которой помѣщены двѣ собачки.

обыкновенно бронзовые, иногда изъ сплава съ серебромъ или серебряные, чаще витые съ пластинчатыми концами, иногда плоскіе, или ихъ замѣняли нанизанныя на конскій волосъ бусы разныхъ типовъ. Изъ бусъ

---

[1]) На рис. 20 представленъ черепъ изъ однаго кургана Дмитровскаго уѣзда (раскопки г-жи Гендуне), въ височной области котораго видны свѣтлыя пятна; въ натурѣ они—зеленыя и происходятъ отъ окисленія.

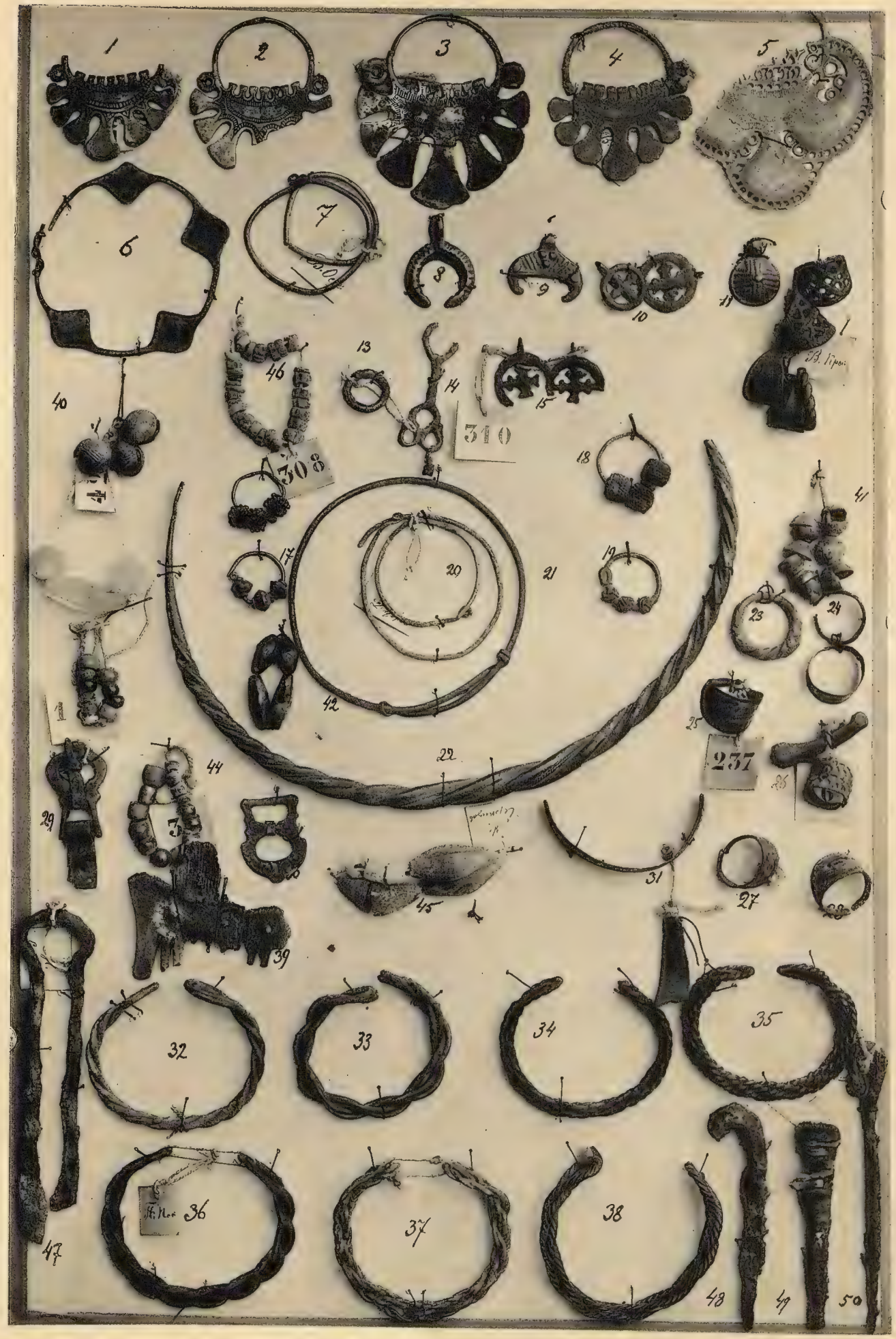
[2]) Какъ показалъ В. И. Сизовъ, семилепестныя кольца (точно такъ же какъ и лунницы) первоначально восточнаго, арабскаго происхожденія. Нѣкоторые, болѣе рѣдкіе экземпляры ихъ украшены чисто арабскимъ орнаментомъ. Но затѣмъ они становятся предметомъ болѣе грубаго мѣстнаго производства, при чемъ арабскій орнаментъ замѣняется рубчатыми поясками и городками. Еще далѣе начинаются варіаціи этого украшенія. Въ Историческомъ Музеѣ находятся височныя кольца изъ Тульскихъ кургановъ, имѣющія только пять лепестковъ и въ общемъ напоминающія фигуру вазы. Что эта форма явилась изъ семилепестной, доказываетъ то, что число верхнихъ рубчиковъ осталось попрежнему семь. Наконецъ, вмѣсто семи зубчиковъ являются только три округленныхъ лопасти, при чемъ измѣняется и орнаментація уже въ чисто народномъ вкусѣ; лопасти украшаются бордюромъ изъ пробитыхъ кружковъ, а выше рѣшеткой, на которой помѣщаются двѣ собачки или птички (см. рис. 21). Семилепестныя кольца относятся преимущественно къ XI вѣку, а позднѣйшія ихъ формы къ XII—XIII вѣкамъ. Повидимому, они встрѣчаются только въ славянскихъ могилахъ;—замѣтимъ однако, что подобныя же металлическія женскія украшенія въ видѣ колецъ и привѣсокъ, носимыхъ на головѣ, на волосахъ, были въ ходу и у черемисъ и мордвы (послѣдняя сохранила слѣды древняго арабскаго вліянія и въ орнаментѣ своихъ вышивокъ), а также встрѣчаются и въ другихъ областяхъ, испытавшихъ арабское вліяніе, напр., въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Дагестана.

наиболѣе обыкновенны: красныя, сердоликовыя, удлиненной, двупирамидальной, шестигранной формы и изъ горнаго хрусталя, круглыя, величиной съ лѣсной орѣхъ, или также удлиненно-шестигранныя. Но встрѣчаются и бусы изъ композиціи, крупныя и мелкія, большею частью круглыя (гладкія или рубчатыя), или цилиндрическія (между прочимъ—стеклянныя, золоченныя), иногда и удлиненно-многогранныя, цвѣта голубого, синяго, чернаго, желтаго, бѣлаго и т. д. и даже янтарныя. Попадаются и бронзовыя съ отверстіями на полюсахъ и съ продольными прорѣзами. Кромѣ того, находятъ и другого рода привѣски—на шеѣ, груди, поясѣ, при чемъ иныя могли носиться нашитыми на одеждѣ. Въ числѣ привѣсокъ имѣются лунницы (бронзовые полумѣсяцы съ ушкомъ посрединѣ сверху), бубенчики (въ Коломенскомъ уѣздѣ найденъ былъ одинъ золотой), кружки съ прорѣзнымъ въ немъ крестикомъ (и также съ ушкомъ), спиральки (носившіяся вперемежку, съ бусами, въ Дмитровскомъ уѣздѣ), колечки, выпуклые кружки, коньки; находимы были также образки и крестики (въ Коломенскомъ уѣздѣ—одинъ янтарный). Въ ушахъ иногда носились серьги; въ числѣ вещей изъ московскихъ кургановъ, имѣющихся въ Антропологическомъ музеѣ Московскаго унив., къ сожалѣнію, безъ точнаго обозначенія изъ какой мѣстности, находятся нѣсколько серегъ, повидимому, серебряныхъ, состоящихъ изъ колечка съ тремя на немъ шиповатыми шариками или цилиндриками (т. наз. кіевскаго типа); часто шарики эти разрушаются, и остается одно колечко. На головѣ находили иногда также бронзовые вѣнчики или слѣдъ ихъ въ видѣ зеленой полосы поперекъ лба на черепѣ. Встрѣчаются небольшія бронзовыя, иногда нѣсколько орнаментированныя пряжки. На запястьяхъ рукъ обычны браслеты, витые или плетеные изъ болѣе или менѣе толстой бронзовой проволоки, въ видѣ неполнаго кольца съ концами, образующими петли; на пальцахъ рукъ бронзовыя кольца, витыя или плоскія, и перстни—съ расширеніемъ на тылевой сторонѣ, большей частью ажурно-прорѣзныя; былъ случай находки кольца и на пальцѣ ноги. Образцы перечисленныхъ украшеній можно видѣть на приложенной таблицѣ. Изрѣдка при костякахъ были находимы еще костяные гребни, желѣзныя ножницы (иногда довольно большія, служившія, вѣроятно, для стрижки овецъ), остатки шерстяной ткани со слѣдами бахромы, также шелковой и парчи (съ золотыми нитями), кожаной обуви, а равно какого то кожанаго платья (на туловищѣ) и кожанаго ремешка (на головѣ). Около костяка обычны также небольшіе горшки простыхъ типовъ, формованные отчасти на кругу, отчасти отъ руки, сдѣланные изъ глины съ примѣсью песку, гравія, болѣе или менѣе хорошо обожженные, съ плоскимъ дномъ (рѣдко съ выпуклымъ) на которомъ изрѣдка попадаются клейма (въ видѣ колеса, креста и проч.), и покрытые простымъ орнаментомъ изъ прямыхъ или волнистыхъ параллельныхъ линій, идущихъ кругомъ горшка, или изъ городковъ.

Обозрѣвая совокупность встрѣчающихся въ Московскихъ курганахъ предметовъ, можно сдѣлать заключеніе, что культура населенія, насыпавшаго эти курганы, была довольно бѣдная. Золотыхъ вещей почти нѣтъ, серебряныя рѣдки; преобладаютъ предметы изъ сплава мѣди съ серебромъ

Вещи изъ Московскихъ кургановъ.

(Изъ Антропологическаго Музея Московскаго Университета).



1, 2, 3, 4.—Височныя семилепестныя кольца или подвѣски болѣе или менѣе сохранившіяся, нѣкоторыя съ награвированнымъ узоромъ. 5. Височная привѣска, обломанная, которую можно разсматривать, какъ позднѣйшую варіацію семилепестнаго кольца. 6. Височное кольцо съ четырьмя ромбоидальными расширеніями. 7. Серебряныя небольшія кольца. 8 и 9. Двѣ лунницы съ ушками для привѣски. 10. Двѣ кольцевыхъ привѣски съ крестомъ внутри. 11. Небольшая круглая выпуклая привѣсочка 12. Четыре прорѣзныхъ перстня и одно витое кольцо. 12 (справа отъ 11 №). Маленькое колечко. 14. Неизвѣстный бронзовый предметъ. 15. Двѣ (нѣсколько поломанныхъ) кольцевыя привѣски съ крестиками внутри. 16 (надъ 17 №), 17, 18, 19. Серьги, состоящія изъ колечка съ тремя на немъ шариками. 20, 21. Тонкія кольца разной величины. 22. Шейная гривна изъ нѣсколькихъ завитыхъ проволокъ; концы обломаны. 23—28. Бронзовые перстни и кольца—одно съ пальцевой косточкой (фалангой), на которой было найдено. 29, 30 (надъ 39 №). Двѣ бронзовыхъ пряжки. 31. Части бронзоваго пластинчатаго браслета. 32—38. Семь бронзовыхъ браслетовъ изъ витой или переплетеной проволоки. 39. Остатки гребня. 40. Бронзовые бубенчики (пуговицы). 41 Бронзовыя полушарообразныя бусы. 42. Четыре сердоликовыхъ продолговатыхъ шестигранныхъ бусины. 43 (надъ 29 №), 44, 45, 46 (подъ 40 №). Бусы различнаго состава, цвѣта, формы и величины. 47. Желѣзныя (обломанныя) ножницы. 48, 49, 50. Желѣзные костыли и гвозди.

Всѣ предметы уменьшены приблизительно въ $1\frac{1}{2}$ раза.

Худож. фототип. К. А. Фишера.

Библіотека Народнаго
Университета
№
Владимірскаго Губернскаго
Земства

и изъ бронзы [1]), и то простыхъ дешевыхъ шаблонныхъ типовъ. Да и эти вещи, повидимому, большею частью привозныя; это можно утверждать положительно относительно бусъ, браслетовъ, колецъ, многихъ привѣсокъ, шелковой или парчевой ткани, носящихъ характеръ фабричныхъ издѣлій. Но торговыя сношенія были, вѣроятно, примитивныя, основанныя на обмѣнѣ; на это указываетъ уже отсутствіе монетъ [2]). Населеніе было, повидимому, мирное, невоинственное, о чемъ свидѣтельствуетъ отсутствіе оружія, столь обыкновеннаго въ могильникахъ другихъ мѣстностей и народовъ, напр., въ литовскихъ курганахъ, могильникахъ Камско-вятскаго края, древнихъ финскихъ могильникахъ средняго Поволжья и т. д. Народъ былъ земледѣльческій, имѣлъ рогатый скотъ, свиней, лошадей, куръ и находился уже подъ вліяніемъ христіанства (крестики, образки). Сравнивая обстановку московскихъ курганныхъ погребеній съ извѣстными въ сосѣднихъ областяхъ, можно отмѣтить большее сходство въ культурѣ съ южными и западными областями, чѣмъ съ восточными. Рядъ особенностей (напр., присутствіе семилепестныхъ подвѣсокъ) сближаетъ московскіе курганы со многими (не всѣми) курганами Калужской, Смоленской, Тульской и Рязанской губерній, хотя встрѣчаются аналогіи (меньшія) и съ курганами владимірскими, тверскими, ярославскими. Вообще, археологическія данныя говорятъ болѣе о связи московской курганной культуры съ югомъ и западомъ, чѣмъ съ поволжскимъ востокомъ (хотя оттуда могли происходить нѣкоторые виды украшеній). Наконецъ, что касается времени, къ которому относятся московскіе курганы, то большинство ихъ должно быть отнесено къ XI—XII вѣкамъ, съ конечными предѣлами, съ одной стороны, въ X, съ другой—въ XIII в.

Намъ остается разсмотрѣть вопросъ, какимъ народностямъ принадлежали сохранившіяся въ Московской губерніи доисторическія древности, въ частности городища и курганы. Для рѣшенія этого вопроса мы должны воспользоваться свидѣтельствами четырехъ областей знанія: исторіи, языкознанія, археологіи и физической антропологіи, поскольку каждая изъ нихъ можетъ бросить свѣтъ на этотъ вопросъ.

Историческіе письменные памятники свидѣтельствуютъ, что въ началѣ нашей исторіи славяно-русскія племена жили на югѣ и западѣ Евр. Россіи, въ бассейнѣ Днѣпра, Ильменя и по верхнему теченію Оки, тогда какъ области болѣе сѣверныя и восточныя заселяли другіе «языци» Яфетова колѣна: меря, мурома, весь, мордва, заволочская чудь, пермь, печора, ямь, угра... Распредѣляя разные народы по рѣкамъ и озерамъ, лѣтопись указываетъ, что на верховьяхъ Волги сидятъ кривичи, по Сожу — радимичи, по Окѣ—вятичи, а на Бѣлозерѣ «сѣдять—весь, на Ростовскомъ озерѣ—

---

[1]) Изъ золотыхъ вещей извѣстенъ одинъ бубенчикъ или пуговица. Изъ серебряныхъ—немногія гривны, колечки, семилепестныя подвѣски. Большею же частью металлъ этихъ семилепестныхъ подвѣсокъ представляетъ бѣловатый сплавъ мѣди съ серебромъ и даже, повидимому, иногда съ золотомъ. По крайней мѣрѣ, 14 такихъ подвѣсокъ, найденныхъ въ 1854 г. въ курганахъ Бронницкаго уѣзда, оказались по анализу г-на Феррейна, произведенному въ лабораторіи проф. Лясковскаго, состоящими на 9% изъ золота, на 57% изъ серебра и на 33% съ долями изъ мѣди.

[2]) Кое-гдѣ въ губерніи были, впрочемъ, сдѣланы находки арабскихъ монетъ, какъ то въ Москвѣ, въ с. Глуховѣ, Дмитровскаго у. и въ др. мѣстахъ, а въ Звенигородскомъ у. былъ найденъ въ 1847 г. цѣлый кладъ (до 1000 штукъ) нѣмецкихъ и англосаксонскихъ монетъ XI вѣка.

меря, на Клещинѣ озерѣ — меря же; «а по Оцѣ рѣкѣ, гдѣ втечеть въ Волгу, мурома, языкъ свой, и черемиси (и мещера, по Никон. сп.), свой языкъ, Мордва—свой языкъ». Изъ этихъ указаній видно, что въ предѣлахъ нынѣшней Московской губерніи должна была жить въ то время меря, окружавшая позднѣйшую Москву съ сѣвера и востока, и сосѣдившая, несомнѣнно, на югѣ и на юго-западѣ съ племенами славянскими—вятичами и кривичами. Изъ этого сосѣдства вытекло, несомнѣнно, извѣстное сближеніе, политическая связь. Изъ лѣтописи видно, что уже рано меря возстаетъ вмѣстѣ съ кривичами и славянами (новгородскими) на варяговъ, затѣмъ участвуетъ въ призывѣ ими князей, подчиняется вмѣстѣ съ тѣми же словенами и кривичами Олегу, участвуетъ въ походѣ на Кіевъ и на Царьградъ. Такимъ образомъ, меря (и весь) были тѣми финскими племенами, которыя испытали наиболѣе раннее славяно-русское вліяніе, наиболѣе сблизились со славянами и тѣмъ облегчили для послѣднихъ колонизацію своихъ областей, бывшихъ, повидимому, населенными довольно рѣдко и представлявшими много простора для искавшихъ здѣсь свободы, безопасности и благосостоянія славянскихъ поселенцевъ. Лѣтопись не записала отдѣльныхъ стадій этой колонизаціи и ея общаго хода, но когда мракъ исторіи проясняется, мы застаемъ уже на территоріи мери русскихъ князей и русскіе города съ преобладающимъ русскимъ населеніемъ. Принимая все это во вниманіе, мы имѣемъ основанія предполагать, что сохранившіяся въ предѣлахъ Московской губерніи древнія городища, найденные въ которыхъ остатки восходятъ по времени къ VI — VII вѣкамъ, принадлежатъ мери, а позднѣйшіе курганы, насыпанные въ X—XIII вѣкахъ, вѣроятно,—славянамъ. Это мы можемъ заключить уже изъ того, что насыпаніе кургановъ надъ умершими было широко распространено у всѣхъ русскихъ славянъ, тогда какъ относительно финскихъ племенъ извѣстно, что у большинства ихъ преобладалъ обычай погребенія въ общихъ кладбищахъ или могильникахъ. Впослѣдствіи и финны могли, конечно, усвоить курганный способъ погребенія, и усваивали его иногда, дѣйствительно, какъ это мы знаемъ, напр., относительно нижегородской Мордвы, но въ X—XII вѣкахъ, когда должна была совершаться по преимуществу славянская колонизація Московской области, курганы насыпались, по всей вѣроятности, славянами. Во всякомъ случаѣ, славяне могли хоронить въ эту эпоху, слѣдуя своему обычаю, только въ курганахъ, а такъ какъ другого рода кургановъ на той же территоріи не имѣется, то, очевидно, имѣющіеся курганы должны быть приписаны преимущественно славянамъ.

Другая область знанія—лингвистика даетъ намъ аналогичныя указанія. Еще въ 1857 г. извѣстный Надеждинъ обратилъ вниманіе на значеніе хорографическихъ названій (т.-е. названій горъ, рѣкъ, озеръ, урочищъ, поселеній) для уясненія древнѣйшихъ судебъ нашего отечества. «Первой страницей исторіи, говорилъ онъ, должна быть географическая ландкарта... географическія названія, въ которыхъ звучитъ языкъ—это первое свидѣтельство, первый видъ историческаго существованія народовъ». Изъ разсмотрѣнія этихъ названій открывается, что только на крайнемъ юго-западѣ Евр. Россіи и въ бассейнѣ Днѣпра мы находимъ сплошь славянскія на-

званія, но уже отъ лѣваго берега Днѣпра начинаются названія не-славянскія, которыя охватываютъ затѣмъ весь сѣверъ и востокъ, со включеніемъ бассейновъ Волги, Оки и Камы. Названія эти, очевидно, чудскія, финскія, свидѣтельствующія, что все это обширное пространство Европ. Россіи было заселено первоначально не-славянами, что весь сѣверъ и востокъ его былъ занятъ народностями финскими. Всѣ эти названія рѣкъ на *ва*, *га* (*ка*) и *ма* — какъ Волга, Ока, Кама, Клязьма, Моск(о)ва и т. д. — очевидно, не славянскаго происхожденія, а финскаго, и всѣ попытки произвести названіе »Москва» отъ русскаго корня, отъ «мостковъ», «моста» и пр., какъ это пытался еще недавно покойный И. Е. Забѣлинъ, опираясь на старыя догадки Ходаковскаго, конечно, должны быть оставлены, какъ ненаучныя. Но сказать, что эти названія не-славянскія, что они звучатъ по-фински, еще недостаточно; надо еще выяснить, изъ какого или какихъ финскихъ языковъ они происходятъ и что́ означаютъ, а также, насколько они подверглись измѣненіямъ согласно звуковымъ законамъ русскаго языка. Слѣдуетъ принять еще въ соображеніе, что языки древней мери и веси уже давно вымерли, и насколько они были близки къ языкамъ современныхъ черемисъ (которые сами себя называютъ мари) и другихъ финскихъ народностей, недостаточно выяснено. Изъ сопоставленій, приведенныхъ С. К. Кузнецовымъ (знакомымъ съ вотскимъ и черемисскимъ языками) можно видѣть, что многія мѣстныя названія Владимірской и Ярославской губерній объяснимы изъ черемисскаго языка, но въ Московской губерніи такихъ названій уже меньше; кромѣ рѣчекъ Мерской и Нерской сюда могутъ быть отнесены названія: Бахтимерово, Кубасово, рч. Нудалъ (и Спасъ Нудалъ), Талежъ, Тураево, Тураново, рч. Чечера, Шишиморово, рч. Уча, Вандово, рч. Вожь, Кошерово, Томарово, рч. Рожай, Нары, Кокшино, Кукшева, Биберово, Вараксинъ, рч. Шаренка, Кудаево, Кудиново, Шивыриха и нѣкоторыя другія. Многія здѣшнія названія не могутъ быть, однако, объяснены изъ языка черемисъ, а скорѣе изъ мордовскаго или другихъ финскихъ (рч. Протва (Поротва) объясняется, напр., по г. Кузнецову, скорѣе изъ лопарскаго языка: porot—доброта и uve—рѣка: «Добрая рѣка»); иныя же и вовсе не поддаются объясненію. Камнемъ преткновенія являются названія рѣкъ—«Москва» и «Яуза». Г. Европеусъ указывалъ, что названія рѣкъ на *ва* свойственны Приуральской области, вогульско-зыряно-вотяцкой территоріи: Сосва, Юзьва, Колва, Инва, Уйва, Нейва, Сылва, Тулва, а потому и названіе Москва должно стоять въ связи съ языками тѣхъ народностей. Основываясь на томъ, что черепа изъ московскихъ кургановъ преимущественно удлиненной формы, долихоцефальные, а изъ всѣхъ урало-алтайскихъ племенъ вогулы (и остяки) отличаются наибольшимъ распространеніемъ долихоцефаліи, г. Европеусъ склоненъ былъ видѣть въ древнѣйшихъ обитателяхъ Московской области вогуловъ, которымъ онъ (по формѣ черепа) приписывалъ даже африканское происхожденіе [1]). Однако и г. Европеусъ не могъ объяснить удовлетвори-

[1]) Какъ ни странною можетъ казаться такая гипотеза о происхожденіи древнихъ угровъ или югры изъ Африки, однако она находитъ нѣкоторую параллель въ позднѣйшей теоріи римскаго проф. Серджи, полагающаго, что Европа получила свое населеніе первоначально изъ Африки въ лицѣ т. наз.

тельно смыслъ названія «Москва». Нерѣдко объясняли это названіе изъ финскихъ словъ: musta—темный, черный и va—вода, но если musta взято изъ финскаго языка, то va—изъ зырянскаго, что представляется уже не подходящимъ. Пробовали объяснять и изъ зырянскаго языка: mes (мöс)—корова и va—вода (или вотскія meska—телка и va—вода) или, какъ толкуютъ сами грамотные зыряне, отъ mes—корова, и ku—шкура, что съ прибавленіемъ падежнаго окончанія даетъ Meskua (Мöскуа); однако, большинство зырянъ зовутъ Москву чаще Мускóу или Мускóй (по Кузнецову). Наконецъ, можно объяснять и изъ черемисскаго языка, и г. Кузнецовъ считаетъ даже такое объясненіе наиболѣе «простымъ»: маскà—медвѣдь и авà, абà—мать, самка, жена; «Маскà авà», сокращенно Маскавà, значитъ «медвѣдица» (припомнимъ рѣку Медвѣдицу, притокъ Дона). Но въ первомъ лѣтописномъ упоминаніи о Москвѣ она названа Москова, повидимому, съ удареніемъ на первомъ слогѣ Мó, какъ это обычно въ финскихъ обозначеніяхъ рѣкъ: Вычегда, Сухона и т. д. Русское же *о* является обыкновенно на мѣстѣ болѣе мягкаго финскаго *ё*, *ö*, такъ что едва ли можно производить «Москву» отъ черемисскаго маскà, а вѣроятнѣе—отъ чего-либо въ родѣ мöск и отъ названія воды—ва. Еще менѣе понятно названіе «Яуза», хотя по-зырянски juuse-юусе значитъ притокъ — «впадаетъ рѣка», и переходъ *с* въ *з* и въ *ж* довольно обыкновенны въ русскомъ языкѣ (такъ, финское Isoma перешло у русскихъ въ Ижма, а русское слово «ложка» усвоено финнами какъ lussika). Вообще же требуются еще спеціальныя изслѣдованія финнологовъ для того, чтобы надлежащимъ образомъ освѣтить этотъ темный вопросъ, поскольку это въ настоящее время (съ исчезновеніемъ древнихъ языковъ) является возможнымъ.

Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что до прихода славянскихъ иммигрантовъ Московская область была населена финнами, всего вѣроятнѣе—мерею, въ среду которой постепенно проникали сосѣднія славянскія племена и пріобрѣтали въ ихъ странѣ господствующее положеніе, превративъ ее къ XII вѣку въ русскую землю. При этомъ, однако, они усвоили себѣ многія мѣстныя названія, особенно названія рѣкъ, по которымъ прозвались затѣмъ и города, въ томъ числѣ и г. Моск(о)ва по р. Моск(о)вѣ. Такимъ образомъ славяно-русское наслоеніе было позднѣйшимъ, относящимся къ X—XII вѣкамъ и вобравшимъ въ себя предшествовавшее, хотя едва ли густое и очень древнее, населеніе финское.

Обращаясь затѣмъ къ указаніямъ археологіи, мы можемъ различить тоже два культурныхъ наслоенія (оставляя въ сторонѣ скудные остатки неолитическаго вѣка), именно финское (преимущественно VI—VIII вѣковъ) и славянское (X—XIII, преимущественно же XI—XIII вѣковъ). Къ сожалѣнію, остатки этой древнѣйшей финской культуры извѣстны еще очень недостаточно; въ особенности бросается въ глаза отсутствіе финскихъ могильниковъ (рядъ которыхъ открытъ въ сосѣднихъ—Рязанской, Калужской и др. губерніяхъ). Зависитъ ли это отъ уничтоженія древнихъ финскихъ

Средиземной расы. Ознакомившись, въ бытность свою въ 1892 г. въ Москвѣ, съ русскими курганными черепами, хранящимися въ Антроп. Музеѣ, Серджи нашелъ среди нихъ многіе типы, сходные съ встрѣчающимися у Средиземной расы.

кладбищъ въ Московской губерніи вслѣдствіе распространенія земледѣльческой культуры, или отъ недостаточности археологическихъ здѣсь поисковъ, неизвѣстно, но во всякохъ случаѣ московскіе курганы относятся къ эпохѣ болѣе поздней, чѣмъ Дьяково и другія сходныя съ нимъ городища [1]). Вообще финскія древности Московской губерніи остаются еще очень мало изученными, едва затронутыми, и о финской культурѣ до прихода славянъ мы можемъ судить пока, главнымъ образомъ, по остаткамъ, находимымъ въ финскихъ могильникахъ другихъ сосѣднихъ губерній.

Что культура московскихъ кургановъ въ основѣ своей не финская, за это говоритъ — отсутствіе въ нихъ многихъ типичныхъ признаковъ финской культурной обстановки, напр., отсутствіе «шумящихъ» подвѣсокъ, нѣкоторыхъ религіозныхъ символовъ (встрѣчающихса, напр., въ мерянскихъ курганахъ), украшеній и т. д. И наоборотъ, въ положеніи костяка, въ обстановкѣ погребенія, въ характерѣ украшеній замѣчаются черты сходства съ курганами сосѣднихъ, южныхъ и юго-западныхъ губерній, принадлежавшихъ большей частью уже несомнѣнно славянамъ. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы всѣ эти данныя не оставляли никакихъ сомнѣній. Страннымъ, напр., можетъ казаться, что мы не встрѣчаемъ въ московскихъ курганахъ слѣдовъ трупосожженія, столь обычнаго, напр., въ курганахъ смоленскихъ кривичей, въ черниговскихъ и другихъ. Однако, обычай трупосожженія былъ, повидимому, заимствованъ славянами у варяговъ, и притомъ только высшимъ сословіемъ, и въ извѣстную опредѣленную эпоху; съ другой стороны, мы знаемъ, что обычай этотъ существовалъ мѣстами и ранѣе, между прочимъ и у нѣкоторыхъ финскихъ народностей (примѣръ — Курманскій могильникъ), а, съ другой стороны, былъ усвоенъ далеко не всѣми славянскими племенами.

Извѣстныя указанія даетъ, наконецъ, антропологія,—изученіе типа погребенныхъ въ курганахъ и сравненіе его съ типами древнѣйшаго и позднѣйшаго населенія. Къ сожалѣнію, о типѣ древнѣйшаго, до-курганнаго населенія Московской губерніи мы ничего не знаемъ; древнихъ финскихъ могильниковъ здѣсь еще не открыто. Что касается костяковъ въ курганахъ, то впервые сталъ ихъ собирать въ 60-хъ годахъ проф. А. П. Богдановъ. Имъ было собрано до 140 костяковъ и череповъ изъ кургановъ различныхъ группъ въ Московскомъ и другихъ уѣздахъ (кромѣ сѣверныхъ — Дмитровскаго, Клинскаго). Въ общемъ, костяки принадлежали особямъ средняго, даже отчасти высокаго роста. Особенное вниманіе обратилъ проф. Богдановъ на черепа, среди которыхъ оказались преобладающими удлинненые, т. наз. длинноголовые. долихоцефалы (съ показателемъ черепа 67—73), тогда какъ въ современномъ населеніи преобладаютъ болѣе широкія формы череповъ. Богдановъ собиралъ также черепа изъ старыхъ московскихъ кладбищъ (XVI—XVIII вв.) и, сравнивъ ихъ съ курганными, нашелъ, что они отличаются почти втрое меньшимъ числомъ долихоцефаловъ, тогда какъ число широкоголовыхъ (брахицефаловъ) среди

---

[1]) Въ городищѣ у Н. Котловъ было найдено много человѣческихъ костей, но онѣ остались не изслѣдованными; на Дьяковомъ городищѣ г. Сизовъ нашелъ два черепа, но по формѣ они, повидимому, не отличаются отъ курганныхъ.

нихъ слишкомъ вдвое больше. Впослѣдствіи мнѣ удалось значительно пополнить эту краніологическую коллекцію какъ черепами изъ кургановъ (въ томъ числѣ и изъ Дмитровскаго уѣзда изъ раскопокъ Ю. П. Гендуне и К. І. Линдемана), такъ и изъ разныхъ кладбищъ (добытыми при земляныхъ работахъ на дворѣ Университета, на дворѣ гр. Шереметева, во владѣніи Румянцевскаго Музея, у Дѣвичья монастыря, на Воробьевыхъ горахъ и др.).

Измѣренія всѣхъ этихъ череповъ (хранящихся въ Антропологическомъ Музеѣ) подтвердили фактъ, что курганные черепа представляютъ значительно большее преобладаніе долихоцефаліи, тогда какъ среди череповъ изъ позднѣйшихъ кладбищъ преобладаетъ, напротивъ того, брахицефалія. Въ курганную эпоху долихоцефалы составляли около 57%, брахицефалы около 20%, въ позднѣйшую историческую эпоху (въ XVII-XVIII ст.) первые насчитываютъ около 19%, послѣдніе—до 60%. Только черепа изъ раскопокъ въ Кремлѣ (повидимому, болѣе древніе, примѣрно XVI вѣка и раньше) дали до 34% долихоцефаловъ и около 40% брахицефаловъ. Въ настоящее

Рис. 22.

Рис. 23.

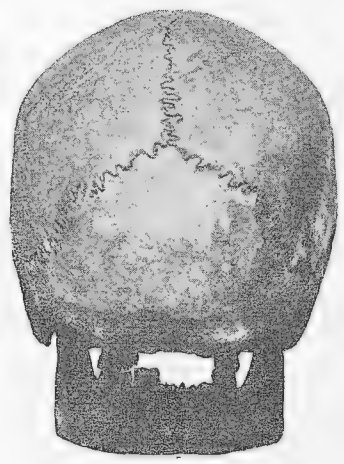


Рис. 24.

Черепъ изъ одного кургана Коломенскаго уѣзда въ трехъ нормахъ; въ лицевой (спереди), вертикальной (сверху) и затылочной (сзади). Въ четвертой нормѣ (сбоку или въ профиль) такой же черепъ представленъ выше, на стр. 39. Въ $^1/_3$ нат. велич.

время, по измѣреніямъ надъ живыми (фабричными) долихоцефалы стали еще болѣе рѣдкими (около 12%), тогда какъ число мезо-и брахицефаловъ еще болѣе увеличилось. Такимъ образомъ, населеніе курганной эпохи отличалось отъ современнаго (и позднѣйшаго историческаго) по преобладающимъ размѣрамъ головы; кромѣ того, оно отличалось и нѣкоторыми другими краніологическими признаками, особенно болѣе короткимъ и широкимъ въ среднемъ) носомъ. (см. рис. 22—24). Нѣкоторое указаніе даютъ еще находимые иногда на курганныхъ черепахъ остатки волосъ; оказывается, что волоса эти въ преобладающемъ числѣ (извѣстно около 25-ти остатковъ) были темнорусые (иногда почти черные), такъ что, слѣд., большинство населенія были брюнеты. Правда, и въ современномъ населеніи губерніи темные цвѣта волосъ встрѣчаются у большей половины особей (52%), но въ курганную эпоху брюнеты преобладали, повидимому, въ большей степени (можетъ быть, составляли до 80% и болѣе населенія).

Какъ можно объяснить это измѣненіе физическаго типа народа на пространствѣ какихъ-нибудь четырехъ вѣковъ (съ XIII по XVII)? Принимая во вниманіе, что современныя славянскія племена отличаются брахицефаліей, въ особенности рѣзко выраженной у южныхъ и западныхъ славянъ (сербовъ, хорватовъ, чеховъ, словаковъ), но также свойственной полякамъ, болгарамъ и русскимъ (хотя и въ меньшей степени), нѣкоторые изслѣдователи отрицали возможность принадлежности московскихъ курганныхъ череповъ славянамъ и приписывали ихъ предшествовавшему славянамъ финскому населенію. Однако, современныя финскія племена также короткоголовы, и только среди эстовъ на западѣ и вогуловъ (остяковъ) на востокѣ замѣчается бо́льшая наклонность къ долихоцефаліи. Поэтому нѣкоторые и думали, что первоначальными засельниками данной области были вогулы, слившіеся впослѣдствіи съ пришедшими сюда финнами (мерей) и передавшими поэтому отчасти свой типъ позднѣйшему населенію курганной эпохи. Такая гипотеза, однако, слишкомъ мало обоснована, да и курганные черепа не представляютъ многихъ особенностей вогуло-остяцкихъ (напр., въ скуластости). Поэтому проф. Богдановъ склонился къ мнѣнію, что курганные черепа могли принадлежать славянамъ, въ пользу чего говоритъ и то обстоятельство, что многіе древніе черепа изъ губерній Смоленской, Черниговской, Кіевской и другихъ, происходящіе изъ кургановъ, принадлежность коихъ славянамъ не подлежитъ сомнѣнію, отличаются также преобладаніемъ долихоцефаліи. Но тогда возникаетъ вопросъ, какимъ же образомъ потомство этихъ долихоцефальныхъ славянъ превратилось въ брахицефальное. Думали объяснить это смѣшеніемъ съ другими народностями, преимущественно финскими, или измѣненіемъ типа черепа подъ вліяніемъ культуры, но оба эти объясненія недостаточно убѣдительны и вызываютъ разныя сомнѣнія. Какъ бы то ни было, фактъ измѣненія (въ среднемъ) формы черепа съ теченіемъ вѣковъ можетъ считаться безспорнымъ. Онъ былъ констатированъ и на западѣ, на основаніи изученія остатковъ изъ древнихъ могилъ славянъ и германцевъ. Черепа изъ древнихъ славянскихъ могилъ Чехіи и Моравіи тоже, по преимуществу, долихоцефальны, тогда какъ современные славяне—брахицефалы. Типичные германскіе черепа (изъ «рядовыхъ могилъ», Reihengräber) отличаются типичной долихоцефальной формой, тогда какъ теперь долихоцефалія встрѣчается болѣе на окраинахъ германскаго міра, въ Скандинавіи, Шотландіи, Англіи, а въ Германіи, особенно въ южной, долихоцефалы составляютъ мѣстами не болѣе 1 % населенія. Но тамъ, на западѣ, такое измѣненіе типа объясняютъ тѣмъ, что германцы застали въ странѣ болѣе древнее (кельтское) широкоголовое населеніе, которое подверглось германизаціи, и измѣнило типъ позднѣйшихъ нѣмцевъ, тѣмъ болѣе, что типичные кровные германцы, какъ наиболѣе дѣятельный, воинственный народъ, съ теченіемъ времени все уменьшались въ числѣ, и потомки онѣмеченныхъ (а отчасти и ославяненныхъ) кельтскихъ брахицефаловъ получили преобладаніе въ массѣ населенія. Но откуда это преобладаніе брахицефаліи могло получиться у насъ?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо сказать, что различіе между формой курганныхъ череповъ и современныхъ (или изъ

кладбищъ XVII—XVIII вв.) не такъ рѣзко, какъ, напр., въ южной Германіи и въ областяхъ западныхъ славянъ. Средній черепной показатель (отношеніе наибольшей ширины черепа къ наибольшей длинѣ его, принятой за 100) для 50 череповъ изъ подмосковныхъ кургановъ былъ полученъ равнымъ около 77 (76, 66), тогда какъ тотъ же показатель для 70 череповъ изъ московскаго кладбища XVIII вѣка (добытыхъ при земляныхъ работахъ на дворѣ Университета) оказался равнымъ 81 (80, 81); другими словами, получилась разница на 4 единицы, при чемъ курганные черепа находятся въ среднемъ на границѣ средне- и короткоголовости (мезо- и суббрахицефаліи), а кладбищенскіе — должны быть отнесены къ умѣренно - брахицефальнымъ. На западѣ же (напр., въ Баваріи) различіе между древними (начала среднихъ вѣковъ) и современными черепами оказывается выраженнымъ гораздо рѣзче: первые выказываютъ большее пре-

Рис. 25.

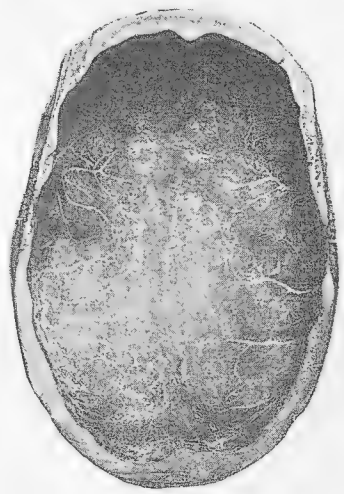


Рис. 26.

Два черепа изъ московскихъ кургановъ (Подольскаго уѣзда) въ разрѣзѣ, одинъ въ продольномъ вертикальномъ, другой въ продольномъ горизонтальномъ. На обоихъ разрѣзахъ видна значительная толщина стѣнокъ черепа. (Въ $^1/_3$ нат. вел.).

обладаніе долихоцефаліи, а вторые—брахицефаліи, такъ что средняя величина ихъ показателя доходитъ до 84 — 85. Среди кладбищенскихъ череповъ можно нерѣдко встрѣтить не отличающіеся по формѣ отъ курганныхъ, а среди послѣднихъ около 20% имѣетъ показатель свыше 80. Въ общемъ нельзя не признать, что между курганными и кладбищенскими черепами есть несомнѣнная генетическая связь, и можно найти всѣ степени перехода отъ череповъ наиболѣе длинныхъ къ наиболѣе широкимъ. При этомъ и широкія формы удерживаютъ часто нѣкоторыя особенности формъ долихоцефальныхъ (напр., въ выступаніи затылка) и не представляютъ рѣзкихъ формъ брахицефаліи, съ плоскимъ, какъ бы срѣзаннымъ затылкомъ, съ плоскимъ скуластымъ лицомъ и т. п. Замѣтимъ еще, что въ курганныхъ черепахъ мы имѣемъ остатки земледѣльческаго рядоваго населенія той эпохи, тогда какъ кладбищенскіе черепа принадлежали городскому населенію, да еще изъ центральной части города, слѣдовательно, болѣе состоятельному и отборному, испытавшему къ тому же несомнѣнную примѣсь инородческихъ элементовъ, въ лицѣ разныхъ (крещеныхъ) татаръ и финновъ, малороссовъ, казаковъ, кавказцевъ, нѣмцевъ и т. д.

KLISCHEES UND DRUCK VON F. BRUCKMANN A.-G., MÜNCHEN

ТЕРЕМА ВЪ МОСКВѢ.

Библиотека Университета

Всѣмъ этимъ мы не хотимъ отрицать существованія извѣстныхъ различій между черепами древними (курганными) и позднѣйшими московскими,—различій, которыя отчасти иллюстрируются прилагаемыми въ текстѣ

Рис. 27.

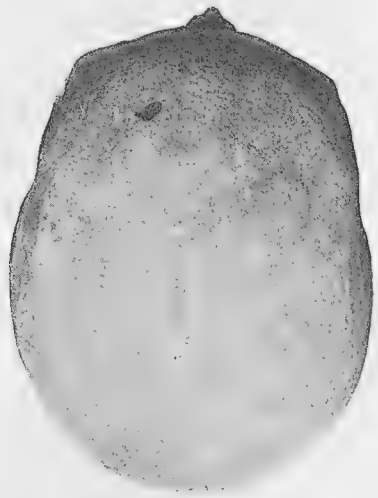


Рис. 28.

Черепъ изъ кургана Дмитровскаго уѣзда. Черепъ изъ кладбища XVIII в.
оба въ одинаковой нормѣ, при взглядѣ сверху (въ $^1/_3$ нат. вел.).
Курганный черепъ замѣтно у́же, чѣмъ кладбищенскій.

рисунками (съ фотографій см. рис. 25—33). Мы можемъ убѣдиться изъ этихъ рисунковъ, что нѣкоторые курганные черепа отличаются (какъ это видно на ихъ продольныхъ разрѣзахъ) мощной толщиной своихъ стѣнокъ, что при взглядѣ на нихъ сверху они представляются менѣе широкими (особенно въ

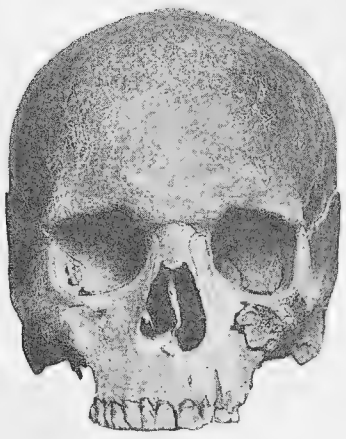


Рис. 29. Черепъ изъ кургана.

Рис. 30. Черепъ изъ кладбища.

Тѣ же черепа въ лицевой нормѣ, при взглядѣ спереди, въ $^1/_3$ нат. вел.
Курганный черепъ у́же и ниже кладбищенскаго.

лобной области), чѣмъ кладбищенскіе, что при разсматриваніи ихъ въ профиль они кажутся болѣе удлиненными, менѣе высокими, а ихъ верхняя челюсть нѣсколько болѣе выступаетъ впередъ (выказываетъ большій прогнагизмъ), что лобъ ихъ нѣсколько у́же, а носъ шире и короче и т. п., что вообще, слѣд., типичные курганные черепа отличаются по совокупности своихъ

особенностей отъ позднѣйшихъ, изъ кладбищъ г. Москвы, хотя и не выказываютъ никакихъ слѣдовъ монголизма, никакихъ отклоненій отъ европейскаго типа (которыя даже чаще можно встрѣтить среди череповъ позднѣйшихъ эпохъ). Несомнѣнно, что типъ московскаго населенія не остался такимъ же, какимъ онъ былъ въ курганную эпоху: онъ подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ, сохранивъ однако черты генетическаго родства съ типомъ населенія эпохи кургановъ.

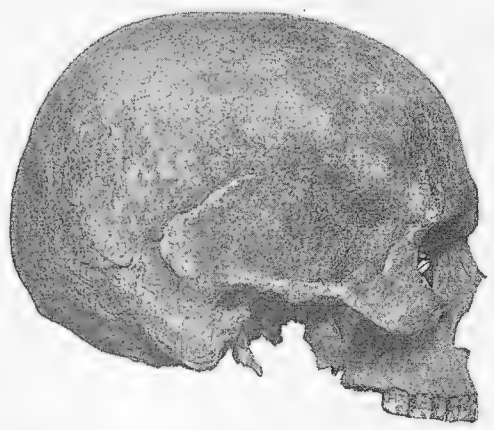


Рис. 31.
Черепъ изъ кургана.

Рис. 32.
Черепъ изъ кладбища.

Тѣ же черепа въ боковой нормѣ, при взглядѣ сбоку или въ профиль (въ $^1/_3$ натур. вел.). Курганный черепъ относительно длиннѣе и ниже, кладбищенскій короче и выше. Верхняя челюсть у курганнаго черепа болѣе выдается впередъ (болѣе прогнатна), чѣмъ у кладбищенскаго.

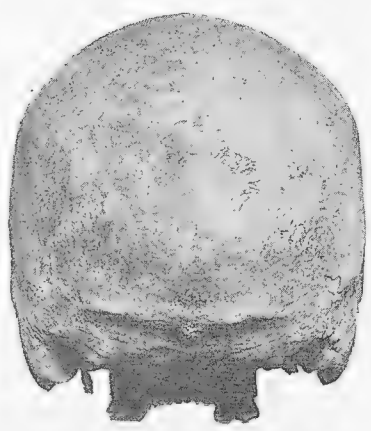


Рис. 33. Кладбищенскій черепъ (тотъ же, что и на предыдущихъ рисункахъ) въ затылочной нормѣ, при взглядѣ сзади. Сравнивая его съ изображеннымъ выше въ той же нормѣ, курганнымъ черепомъ изъ Коломенскаго уѣзда (рис. 24) можно замѣтить, что онъ выше и шире.

Измѣненіе типа со времени курганной эпохи могло быть вызвано прежде всего смѣшеніемъ пришлаго славянскаго населенія съ туземнымъ, если допустить, что типъ этого населенія (финскаго) отличался отъ славянскаго и что это населеніе оставалось жить рядомъ съ новыми пришельцами, постепенно усваивая ихъ языкъ, вѣру (христіанство) и обычаи. При встрѣчѣ и смѣшеніи двухъ народностей или группъ населенія могутъ происходить троякаго рода явленія: одна народность можетъ покорить и даже истребить другую; обѣ группы или народности могутъ жить рядомъ, одна среди другой, при чемъ одна постепенно подчиняется въ отношеніи языка и культуры другой, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ и сохранять свои особенности (вѣру, обычаи, языкъ), напр., китайцы, татары, евреи, индусы среди другихъ народностей; одна народность можетъ уступать свои земли и поселенія, уходя въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣстности, гдѣ она разсчитываетъ на большій просторъ и свободу. При заселеніи славянами московской области не было, повидимому, борьбы и истребленія; исторія застаетъ мерю въ политическомъ общеніи со слове-

нами и кривичами и не упоминаетъ ни о какой борьбѣ между ними и о противодѣйствіи славянамъ при заселеніи послѣдними московской территоріи. Земли было много, лѣсу — обиліе; большее заселеніе страны могло только привѣтствоваться, какъ лишній шансъ защиты отъ нападеній враговъ и развитія промысловъ и торговли. Славяне могли селиться среди мери, то пристраиваясь къ ихъ поселкамъ, то образуя новыя селенія, и, по мѣрѣ умноженія числа переселенцевъ, въ особенности съ появленіемъ въ средѣ послѣднихъ князей, знатныхъ и состоятельныхъ людей, духовенства, торговцевъ и съ возникновеніемъ городовъ должны были культурно подчиниться пришельцамъ и постепенно руссифицироваться. Города вліяли и на селенія, къ нимъ тяготѣющія, принятіе христіанства объединяло еще болѣе обѣ народности. Черезъ нѣсколько поколѣній уже забывалось различіе происхожденія; и люди, исповѣдуя одну вѣру и усвоивъ себѣ одинъ языкъ, стали сознавать себя вѣтвью одного и того же русскаго народа. Но нельзя отрицать, что такое смѣшеніе двухъ народностей на одной территоріи, даже дружественныхъ между собою, не могло не сопровождаться отдѣльными актами насилій. Если сначала переселенцы, находясь въ маломъ числѣ, должны были довольствоваться свободными участками или приселяться къ уже имѣвшимся мерянскимъ общинамъ, подчиняясь мѣстнымъ порядкамъ и властямъ, то позже, умножившись и укрѣпившись, они, вѣроятно, стали проявлять мѣстами и насиліе, захватывать лучшіе участки, узурпировать власть, ставить отъ себя въ зависимость туземцевъ. Если тогдашніе князья то и дѣло враждовали между собою, если болѣе сильные не задумывались въ то время разорять и присоединять къ себѣ владѣнія слабыхъ, если легенда сохранила память о бывшихъ на мѣстѣ Москвы и ея окрестностей селахъ богатаго боярина Кучки, которыя были отняты у него (послѣ его казни) княземъ Юріемъ, то, очевидно, то же должно было происходить и ранѣе; тотъ же Кучка отнялъ, вѣроятно, землю отъ какого-нибудь болѣе слабаго владѣльца, подчинивъ себѣ кстати и окрестныя селенія. Безъ насилій въ тѣ времена дѣло обойтись не могло, и какъ позже на Вяткѣ, Камѣ, Уралѣ, въ Сибири русскіе не стѣснялись захватывать земли, урочища, рудныя мѣста отъ туземцевъ, обращая ихъ даже иногда (какъ, напр., Строгоновы пермяковъ) въ рабство, то тѣмъ болѣе къ подобнымъ же захватамъ могли побуждаться первые славянскіе колонисты въ бассейнѣ Оки и Волги, поощряемые къ тому слабостью туземцевъ и неспособностью ихъ отстоять свои права. Туземцамъ оставалось или подчиниться, или уходить, и очень вѣроятно, что часть ихъ осталась, а часть бросила свои насиженныя мѣста. Въ пользу послѣдняго предположенія говорятъ аналогичныя явленія изъ позднѣйшей исторіи черемисъ, вотяковъ, мордвы. Черемисы жили нѣкогда въ нынѣшнихъ Нижегородской, Костромской, южной части Казанской губ.; но, тѣснимые русскими, они стали переселяться въ область вотяковъ, и теперь ихъ главная территорія въ Вятской губерніи, въ Казанской, и далѣе—въ Уфимской и Пермской. Вотяки прежде жили въ Яранскомъ и Уржумскомъ уѣздахъ Вятской губерніи, а затѣмъ были оттѣснены черемисами и русскими къ сѣверу и востоку. Мордва въ XVII—XVIII бѣжала отчасти за Волгу. Всѣ подобные факты

позволяютъ предположить, что такое же передвиженіе финскихъ народностей къ востоку и сѣверу могло происходить и въ началѣ нашей исторіи, при колонизаціи славянами средней Россіи, въ томъ числѣ и Московской губерніи, и что съ умноженіемъ числа славянскихъ поселенцевъ часть финновъ покинула свои прежнія мѣста и ушла искать бо́льшаго простора и свободы на территоріи родственныхъ имъ племенъ, входившихъ въ сферу вліянія Булгарскаго царства.

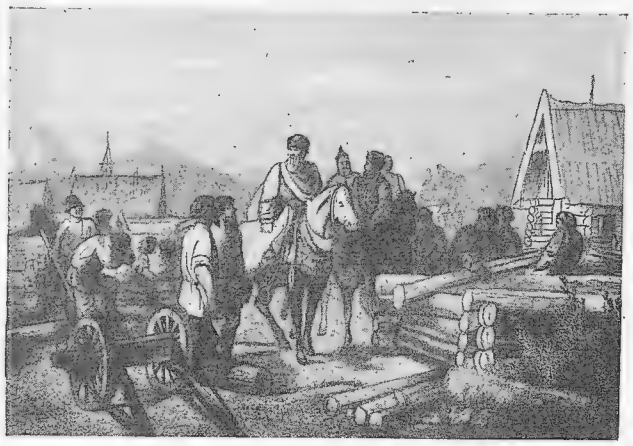
Что касается вопроса, выходцами какихъ славянскихъ племенъ была колонизована территорія нынѣшней Московской губерніи, то на это можно отвѣтить, что они должны были придти изъ ближайшихъ славянскихъ земель, занятыхъ вятичами, кривичами и новгородцами. Судя по даннымъ языка, характеру акающаго говора, главный славянскій элементъ, какъ думаетъ академикъ А. И. Соболевскій, распространился по Окѣ и принадлежалъ вятичамъ. Но колонизаціонное движеніе могло отчасти идти и по торговому пути съ Днѣпра на Волгу, по Москвѣ и Клязьмѣ изъ земли славянскихъ кривичей, а также съ верховьевъ Волги и изъ Новгородской области. Позже смѣшеніе различныхъ этническихъ элементовъ, конечно, еще болѣе усилилось, благодаря вольнымъ и невольнымъ переселеніямъ съ юга и запада, а отчасти и съ востока, въ лицѣ прибывавшихъ въ Москву татаръ и другихъ инородцевъ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о доисторическомъ прошломъ города Москвы. Его средоточіе и первая ячейка, Кремль, возникъ на холмѣ, возвышающемся при сліяніи съ Москвой-рѣкой рѣки Неглинной, на высокомъ мысу, который съ давнихъ поръ долженъ былъ привлечь къ себѣ вниманіе населенія своимъ удобнымъ, естественно защищеннымъ и красивымъ мѣстоположеніемъ. Вѣроятно, на этомъ холмѣ и по сосѣдству съ нимъ существовали поселенія еще въ до-славянскую эпоху; можетъ быть, здѣсь было еще въ незапамятныя времена городище, подобное Дьяковскому, но слѣдовъ этой отдаленной эпохи никакихъ не сохранилось или, по крайней мѣрѣ, не было найдено. Немного осталось и отъ древнѣйшей славянской эпохи; извѣстна, впрочемъ, находка двухъ массивныхъ серебряныхъ витыхъ шейныхъ гривенъ и двухъ серебряныхъ семилопастныхъ колецъ или подвѣсокъ курганнаго типа, сдѣланная въ 1847 г. во время земляныхъ работъ при постройкѣ зданія Оружейной Палаты. А. А. Спицынъ высказалъ предположеніе, что эти вещи могли происходить изъ разрушеннаго и сглаженнаго на этомъ мѣстѣ кургана. Такъ какъ вещи эти серебряныя (а не изъ сплава или мѣди, какъ обычно въ курганахъ), то И. Е. Забѣлинъ высказалъ заключеніе, что онѣ могутъ указывать «на особое богатство и знатность древнихъ обитателей Кремлевской береговой горы».

Къ той же эпохѣ относятся найденныя на мѣстѣ Храма Спасителя при устьѣ ручья Черторыя, а также и у Симонова монастыря арабскія монеты (диргемы IX вѣка). Повидимому, уже въ IX вѣкѣ данная мѣст-

ность была довольно густо заселена, какъ стоявшая на торговомъ пути, а въ XII ее присоединяетъ къ своимъ владѣніямъ князь Юрій Долгорукій, и обноситъ верхнюю площадку бывшаго городища деревянными стѣнами, создавъ изъ него, такимъ образомъ, городъ. Съ тѣхъ поръ Москва становится мѣстомъ историческимъ, а черезъ сто лѣтъ съ небольшимъ и стольнымъ городомъ самостоятельнаго Московскаго княжества, развившимся впослѣдствіи въ стольный городъ всего Московско-русскаго государства.

Костякъ изъ Московскаго кургана.



Основаніе Москвы, рис. Н. Кошелева.

Сказанія о началѣ г. Москвы.

Д. И. Успенскаго.

Мы видѣли изъ предыдущей статьи, насколько можно возстановить жизнь обитателей территоріи будущаго города Москвы по археологическимъ даннымъ, найденнымъ въ раскопкахъ. Еще менѣе извѣстій о Москвѣ въ первый періодъ времени послѣ того, какъ имя ея появляется на страницахъ русской лѣтописи.

Въ лѣтописяхъ упоминаніе о Москвѣ мы находимъ подъ 1147 годомъ, когда она представляется поселкомъ или вотчиной суздальскаго князя Юрія Владиміровича Долгорукаго [1].—Князь Юрій зоветъ къ себѣ «въ Московъ» или «на Москву» своего союзника новгородъ-сѣверскаго князя Святослава Ольговича для укрѣпленія ихъ союза: «какъ бы ся намъ видѣти съ тобою, и въ любви и въ единствѣ житіе о Христѣ скончати, и отъ враговъ своихъ стрѣщися за единъ, и другъ за друга голова положити». Князья только что разоряли и пустошили земли своихъ недруговъ,—города и волости смоленской и новгородской областей,—и теперь съѣзжались, какъ торжествующіе побѣдители. Они встрѣтились «на Москвѣ» 4-го апрѣля 1147 года, въ пятницу на пятой недѣлѣ великаго поста, наканунѣ праздника Похвалы Богородицы. Юріемъ была устроена гостямъ радушная встрѣча и предложено обильное угощеніе («обѣдъ силенъ»). Союзники «цѣловашеся любовію о Христѣ, и много плакавше о бѣдахъ, и о напастехъ, бывшихъ на нихъ, и паки утѣшистася, и любовію чествовавшеся, и одарившеся дары любезными, и разыдошася» [2].

Въ этомъ описаніи московской встрѣчи князей-союзниковъ предъ нами встаетъ, вѣроятно, одна изъ обычныхъ картинъ времени княжескихъ

---

[1]) Полн. собр. русск. лѣт.: т. II, второе изд., стр. 339—340; т. VII, стр. 38—39; т. IX, стр. 172; XV—208.

[2]) П. с. р. л. т. IX, стр. 172.

усобицъ [1]). Можно предположить, что, если Юрій для торжественнаго пріема гостей назначилъ Москву, то она была благоустроеннымъ уголкомъ среди другихъ его владѣній.

Что именно представляла изъ себя Москва въ 1147 году,—было ли это хозяйственное село или городъ, и даже—прозывался ли Москвою самый поселокъ, или мѣстность по рѣкѣ Москвѣ,—свѣдѣній объ этомъ въ лѣтописяхъ подъ упомянутымъ годомъ не содержится; но кромѣ извѣстій о Москвѣ, относящихся къ данному моменту, въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ имѣются свидѣтельства объ основаніи самаго города Москвы.

Наиболѣе древнія лѣтописи, напримѣръ, Лаврентьевская, Ипатьевская, не сообщаютъ свѣдѣній объ основаніи города; свѣдѣнія же позднѣйшихъ лѣтописей противорѣчивы. Однѣ изъ нихъ относятъ основаніе ко временамъ древняго кіевскаго князя Олега, который, строя города и уставляя дани на Руси, пришелъ на рѣку Москву, «въ нея же прилежатъ рѣки Неглинная и Яуза», поставилъ «градъ не малъ», прозвалъ его Москвой и посадилъ въ него княжить своихъ «сродниковъ» [2]).

Другія лѣтописи основаніе г. Москвы приписываютъ великому князю Юрію Владиміровичу.—Въ Тверской лѣтописи подъ 1156 годомъ читаемъ: «Того же лѣта князь великій Юрій Владимеричь заложи градъ Москву, на устни же Неглинны, выше рѣкы Аузы» [3]).

Отсутствіе точныхъ указаній относительно времени основанія города Москвы даетъ широкій просторъ для всевозможныхъ догадокъ и легендъ.

По этому поводу есть любопытныя, своего рода «научныя теоріи» нашихъ старинныхъ книжниковъ, основанныя на своеобразныхъ филологическихъ изысканіяхъ.

По извѣстному «Синопсису» Гизеля и по «Ядру Россійской Исторіи» Манкіева слова «Москва», «Московскій» произошли отъ имени сына Іафета, Мосоха, бывшаго, будто бы, родоначальникомъ славяно-россійскаго народа [4]).

Дьяконъ Холопьяго на Мологѣ монастыря Тимофей Каменевичъ-Рвовскій (1684—1699 г.), развивая эту теорію, идетъ еще дальше. Онъ гово-

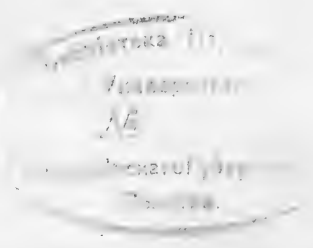
---

[1]) Впрочемъ, нѣкоторые авторы трудовъ о Москвѣ въ характерѣ этого лѣтописнаго извѣстія, содержащаго въ себѣ описаніе веселаго пира князей, видятъ нѣчто знаменательное. Напримѣръ, С. А. Тороповъ видитъ здѣсь «первообразъ и по сей день присущихъ Москвѣ отличительныхъ качествъ—радушія, гостепріимства и веселья» («Москва. Ея прошлое и настоящее» 1896 г., стр. 6). По мнѣнію И. Е. Забѣлина, «достопамятный зовъ на честный пиръ въ Москву... служитъ въ своихъ выраженіяхъ какъ бы провозвѣстникомъ послѣдующей исторіи, которая послѣ безконечныхъ усобицъ и всяческой земской розни только въ Москвѣ нашла себѣ доброе пристанище для устойчиваго, сосредоточеннаго и могущественнаго развитія Русской земли... Москва тѣмъ и стала сильною и опередила другихъ, что постоянно и неуклонно звала къ себѣ разрозненныя русскія земли на честный пиръ народнаго единства и крѣпкаго государственнаго союза» («Исторія г. М.», стр. 1).

[2]) «Исторія г. Москвы», стр. 23.

[3]) П. с. р. л. т. XV, стр. 225.

[4]) См. «Синопсисъ» СПБ. 1810 г., стр. 15—17; «Ядро росс. исторіи» М. 1799 г., стр. 151.—Въ принадлежащей намъ рукописи говорится, что отъ Мосоха произошли «каппадоки, миссѣни, ілрилицы, еще же і Москвѣ і прочиему русскому народу і всему славенскому языку отъ мосоха проізыти глаголютъ мнози: якоже святыи пророкъ іезекиі імянова мосоха князя быти роска рече. Аще іниі і несогласуютъ—овы бо от риѳата сына гомерова сихъ расъплодитися сказуютъ; овы же от ѳагормы, брата риѳатова, москвѣ і бѣлая русь отъ инѣхъ нарицается быти, повѣствуетъ намъ сие вѣдати довлѣетъ яко от іаѳетова племени есть мы, ібо яко же мосохъ сынъ бѣ іаѳетовъ, сице риѳатъ и ѳогорма внуки іаѳетовы бяху сынове, суще сына его гомера, от негоже и киммеріи іли цимбри, словенскаго же языка бывши, проізыдоша».



ритъ, что Мосоху принадлежитъ и самое основаніе города Москвы,—онъ былъ первымъ русскимъ государемъ и княземъ... Каменевичъ-Рвовскій пишетъ, что Мосохъ, придя въ Скиѳскую страну, началъ селиться «на семъ предъизбранномъ и предлюбезномъ его преднавысочайшемъ и всепрекрасномъ мѣстѣ своемъ московскомъ, надъ двѣма рѣкама». Одну изъ рѣкъ Мосохъ назвалъ по имени «своему, самого себя и жены своея княгини прекрасныя и предлюбезныя нарицаемыя Квы. И тако по сложенію общекупному именъ ихъ, князя нашего Моса и княгини его Квы красныя преднаречеся тогда рѣка та, до нихъ самихъ изначала безъименитая предбывшая». Другая рѣка была названа Мосохомъ Явузой въ честь его сына Я и дочери Вузы.—«И созда же тогда Мосохъ князь и градецъ себѣ малый надъ предвысоцѣй горѣ той, надъ устіи Явузы рѣки, на мѣстѣ ономъ первобытномъ своемъ имено московскомъ, идѣже и днесь стоитъ на горѣ оной церковь каменная святаго и великаго мученика Никиты, бѣсовъ мучителя и отъ вѣрныхъ человѣковъ тѣхъ прогонителя». Названіе города Москвою заимствовано отъ рѣки Москвы [1]).

Подобныя «ученыя теоріи» о началѣ Москвы, возникнувъ на почвѣ юго-западной образованности, обращали вниманіе своей явной несообразностью и возбуждали «сумнѣніе» съ самаго своего появленія. Напримѣръ, въ одномъ лѣтописномъ сборникѣ конца XVII вѣка мнѣніе Гизеля называется «ложью», его «изволомъ», такъ какъ «о семъ въ писаніи въ словенскихъ и греческихъ лѣтописцехъ не бысть написано до 182 года, т.-е. до перваго изданія «Синопсиса» [2]).

Не мало также фантастичнаго и въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ о Москвѣ, которыя, впрочемъ, не рискуютъ раздвигать предѣловъ русской исторіи до временъ Ноя...

Извѣстно легендарное пророчество о Кіевѣ апостола Андрея: «На сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія и будетъ градъ великъ, и воздвигнетъ Господь Богъ въ немъ множество церквей». Подобно ему, сказаніе о началѣ Пскова передаетъ пророчество объ этомъ городѣ княгини Ольги, которая, будто бы, возвѣстила «всему сиглиту, иже бяше съ нею»: «разумно да будетъ вамъ, яко волею Божіею на семъ мѣстѣ церковь имать быти во имя Пресвятыя Единосущныя и Животворящія и Нераздѣлимыя Тройцы, Отца и Сына и Святаго Духа; аще же и градъ здѣ великъ будетъ, и славенъ, и изобиленъ».

Стремленіе привлечь къ основанію города какихъ-либо провидцевъ будущаго отозвалось и въ московскихъ сказаніяхъ. Передаютъ, что на мѣстѣ нынѣшняго Московскаго Кремля жилъ спасавшійся здѣсь подъ старость, кіевскій витязь Вуколъ, Буколъ или Букалъ. Однажды во снѣ ему было возвѣщено, что на мѣстѣ его жительства возникнетъ городъ Москва, который много потерпитъ испытаній отъ нашествій враговъ и отъ пожаровъ, но впослѣдствіи будетъ славенъ. Пустынникъ пошелъ въ лежавшее

[1]) «Исторія г. Москвы»—стр. 25—26; «Ист. Госуд. Росс.» Карамзина. Т. II, изд. 6-е, примѣч. 301, стр. 213.—Изъ позднѣйшихъ измышленій о названіи Москвы интересны мнѣніе Байера, который это названіе производилъ отъ *мужского* монастыря,—и мнѣніе Сумарокова, который заявлялъ, что Москва получила свое имя отъ худыхъ мостковъ на рѣкѣ Москвѣ.

[2]) «Исторія г. Москвы», стр. 27.

Mezzotintogravure Bruckmann

Вознесенскій монастырь.

невдалекѣ отъ него село Косино и разсказалъ о своемъ видѣніи священнику. Тогда оба они пошли въ церковь и со слезами молили Бога и Богоматерь за православный народъ и за будущій городъ Москву. Священникъ сталъ совершать Божественную литургію; во время херувимской пѣсни въ храмѣ явилась Божія Матерь, и церковь стала опускаться въ землю. На мѣстѣ ея выступившая изъ земли вода образовала большое озеро. Будто бы, съ тѣхъ поръ подъ волнами озера не умолкаетъ молитва святыхъ старцевъ за православный народъ и за градъ Москву [1]).

Наряду съ этой фантастической легендой о косинской церкви стоитъ сказаніе, которое, приписывая основаніе Москвы нѣкоему князу Данилу Ивановичу, привлекаетъ къ событію кромѣ пустынника Букола и иноземныхъ мужей: гречина Василья «мудра и знающа зѣло и вѣдующа, чему и впредь быть», и римлянина Подона, исполненнаго Духомъ Святымъ; при чемъ здѣсь, по примѣру сказаній о началѣ различныхъ знаменитыхъ городовъ, фигурируетъ также «звѣрь превеликъ и пречуденъ».

Сказаніе передаетъ, что въ 1206 году «князь великій Данило Ивановичь послѣ Рюрика короля Римскаго 14 лѣто пришелъ изъ Великаго Новгорода въ Суздаль». Основавъ городъ съ названіемъ Юрьевъ-Польскій въ честь новорожденнаго своего сына Георгія, князь Данило поѣхалъ съ гречиномъ Васильемъ отыскивать мѣсто для «града престольнаго къ Великому княженію своему».—«И въѣхалъ съ нимъ въ островъ (лѣсъ) теменъ, непроходимъ зѣло, въ немъ же бѣ болото велико и топко, и посредѣ того острова и болота узрѣлъ князь Великій Данило Ивановичь звѣря превелика и пречудна, троеглава и красна зѣло... И вопросиша Василія гречанина, что есть видѣніе сіе пречуднаго звѣря? И сказа ему Василій гречинъ: «Великій княже! на семъ мѣстѣ созиждется градъ превеликъ и распространится царствіе треугольное и въ немъ умножатся различныхъ ордъ люди. Это прообразуетъ звѣря сего треглаваго, различные на немъ цвѣта—то есть ото всѣхъ странъ учнутъ въ немъ люди жити». Въ томъ же лѣсѣ князь Данило нашелъ «посредѣ болота островецъ малъ», съ хижиной пустынника Букала, а черезъ четыре дня наѣхалъ на горы съ малой хижиной римлянина Подона. Князю понравилось мѣстоположеніе Подоновой хижины, и онъ пожелалъ здѣсь выстроить себѣ домъ, но Подонъ сказалъ: «Княже! не подобаетъ тебѣ здѣсь вселиться, то мѣсто домъ Божій: здѣсь созиждутъ храмъ Божій и пребудутъ архіереи Бога Вышняго служители». На шестой годъ на мѣстѣ хижины Букала былъ основанъ княземъ Даниломъ городъ Москва, а въ слѣдующемъ году на мѣстѣ хижины Подона была заложена церковь Всемилостиваго Спаса.

Отъ этихъ легендъ, наивныхъ домысловъ и вымысловъ нашихъ старинныхъ книжниковъ, рѣзко отличаются сказанія бытового характера, близкія къ народнымъ преданіямъ.

---

[1]) «С. Косино», Колычевой. М. 1874 г.; «Косино и его святыни», свящ. І. И. Померанцева и свящ. А. І. Рѣчминскаго. М. 1904 г., стр. 12—17; «Путеводитель къ святынѣ и свящ. достопамятностямъ Москвы и ея окрестностей», архим. Іосифа. М. 1881 г., стр. 220—221. До настоящаго времени косинское озеро слыветъ «святымъ» и возлюбленнымъ Самою Богоматерью; въ немъ «многіе изъ благочестивыхъ поклонниковъ» купаются въ лѣтнее время, и больные «по вѣрѣ своей получаютъ исцѣленіе» (См. «Путеводитель» арх. Іосифа, стр. 221).

Однимъ изъ подобныхъ сказаній является повѣсть «О зачалѣ московскаго княженія, како зачало бысть, а нынѣ великій пресловущій и преименитый царствующій градъ сіяетъ». Заглавіе повѣсти явно искусственно, также явно искусственны встрѣчающіяся въ ней нѣкоторыя выраженія, но среди чертъ книжныхъ тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе ея общій, чисто народный складъ. Еще Карамзинъ отмѣтилъ, что эта повѣсть писана «размѣромъ старинныхъ русскихъ сказокъ» и изобрѣтена «совершеннымъ невѣждою» [1]). Сходство повѣсти съ народными стихами и сказаніями отмѣтили также Ѳ. И. Буслаевъ и И. Е. Забѣлинъ [2]).

Повѣсть разсказываетъ, что на мѣстѣ Москвы были «села красныя, хорошія, боярина Кучки». А у боярина этого «были два сына красны зѣло; не было такихъ красныхъ юношъ ни во всей Русской землѣ». Узналъ про нихъ суздальскій князь Данилъ Александровичъ и потребовалъ ихъ къ себѣ. Князь сказалъ боярину: «Если не дашь сыновъ своихъ мнѣ во дворъ, и я на тебя войною приду и тебя мечемъ побью, а села твои красныя огнемъ пожгу».

И бояринъ отдалъ сыновъ своихъ князю Данилу. И полюбились ему оба Кучкова сына, «и началъ ихъ князь Данила любити и жаловати, и пожаловалъ единаго въ стольники, а другого въ чашники». Но вмѣстѣ съ тѣмъ полюбились юноши и княгинѣ Даниловой—Улитѣ Юрьевнѣ. Задумали Кучковичи съ нею погубить князя. Начали звать его «въ поле ѣздить ради утѣшенія, смотрѣть звѣрскаго уловленія заецовъ».

И вотъ однажды, когда князь, будучи съ Кучковичами на охотѣ, заѣхалъ въ глухое мѣсто (въ дебри), Кучковичи хотѣли его убить; но онъ раненый ускакалъ отъ нихъ на своемъ конѣ въ чащу лѣса, а затѣмъ, оставивъ коня, бѣжалъ къ берегу рѣки Оки. У перевоза, не имѣя, что дать перевозчику, князь сталъ предлагать ему съ руки свой золотой перстень. Перевозчикъ, узнавъ князя Данила, заявилъ: «Лихи де вы люди оманчивы, какъ де васъ перевезу рѣку, и вы, не давъ, такъ и уходите не отдавъ». А затѣмъ, остановившись въ лодкѣ на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, перевозчикъ протянулъ князю весло и сказалъ:—«Подай перстень на весло, перевознаго впередъ, и я перевезу». Князь положилъ перстень на весло, но перевозчикъ, получивъ желаемую плату, уплылъ на своей лодкѣ одинъ. Пришлось опять князю бѣжать около рѣки. Къ вечеру, случайно найдя, въ одномъ пустомъ мѣстѣ, «струбецъ малъ», надъ чьей то могилой, князь «забылъ страхъ мертвыхъ» и спрятался въ этомъ струбцѣ.

Между тѣмъ Кучковичи были «въ сѣтованіи и въ печали и въ скорби великой, что упустили князя Данила живого отъ рукъ своихъ, ранена, и пришли въ раскаяніе». Они опасались, что князь уйдетъ къ брату своему Андрею Александровичу во Владиміръ, и будетъ имъ тогда «злая казнь и смерть различная и лютая, а княгинѣ Улитѣ повѣшенной быть на вратахъ и злѣ растлѣнной или въ землю до плечь живой закопаной быть».

Но Кучковичамъ помогла княгиня, «исповѣдавъ имъ всѣ тайны мужа своего»: она дала имъ «пса-выжлеца», который всегда и вездѣ могъ оты-

---

[1]) «Ист. Гос. Росс.», т. II, изд. 6, прим., стр. 210—211.

[2]) «Исторія Русск. Литер.», Ѳ. И. Буслаева. М. 1906 г., стр. 134; «Истор. г. М.», стр. 30.

скать хозяина. Кучковичи пустили этого пса впереди себя.—«Песъ бѣжитъ передъ ними, они за нимъ скоро ѣдутъ. И бѣжалъ песъ по берегу Оки рѣки и набѣжалъ оной струбецъ, гдѣ ухоронился князь Данилъ, и увидѣлъ князя Данила и началъ шеею своею махати, радуяся ему. Тѣ же искатели его, увидѣвъ пса радующагося и хвостомъ машущаго, скоро вскочивши, скрываютъ струбецъ и находятъ тутъ князя Данила Александровича. И скоро князю смерть даютъ лютую».

Однако убійцы скоро были строго наказаны.—У князя Данила былъ одинъ вѣрный рабъ, который ночью, взявъ малолѣтняго сына убитаго, Ивана Даниловича, уѣхалъ съ нимъ во Владиміръ, къ князю Андрею Александровичу, и разсказалъ ему о случившемся. Устрашенные Кучковичи бѣжали къ отцу, а суздальцы приняли князя съ покорностью, заявивъ ему, что они «не были совѣтниками на смерть князя своего» и готовы сами «пособствовать на тѣхъ злыхъ измѣнниковъ».

«Окаянная» княгиня Улита была предана «злой смерти», такъ какъ она «бестужая дѣла содѣлала и не устрашилася Бога Содѣтеля и вельможъ, и великихъ людей не устрашилась, и отъ добрыхъ женъ укоризны и посмѣху не постыдилась, своего мужа предала злѣй смерти».

А затѣмъ князь съ своимъ войскомъ и съ суздальцами пошелъ на боярина Кучку. Около его красныхъ селъ не было тогда «ограды каменной и острога деревяннаго». Поэтому они легко были взяты княземъ. Кучка и его два сына были скованы «желѣзы крѣпкими» и казнены «всякими казнями различными и лютыми. И тутъ Кучка бояринъ и съ дѣтьми своими лютую смерть принялъ».

По словамъ повѣсти, это произошло 17-го марта 6797, т.-е. 1289 г. [1]), а на другой день князь Андрей сталъ осматривать владѣнія Кучки,—«и вложилъ Богъ въ сердце князю Андрею, и тѣ красныя села ему, князю, полюбились, и, разсмотрѣвъ, помышлялъ въ умѣ своемъ на томъ мѣстѣ градъ построить, видѣвъ бо мѣсто прилично, еже граду быти... И оттолѣ князь Андрей сѣлъ въ красныхъ тѣхъ селахъ и слободахъ, началъ жительствовать... А племянника своего, братня сына, князя Іоанна Даниловича, къ себѣ взялъ и воспиталъ его до возраста въ добромъ наказаніи... Также повелѣлъ градъ основати около тѣхъ красныхъ селъ по Москвѣ рѣкѣ и именованіе граду тому положилъ. А въ то время былъ во Владимірѣ Максимъ митрополитъ, всеа Русіи, его благословеніемъ. Ему же способствовали Суздальцы и Владимерцы и Ростовцы и всѣ окрестные. И такъ совершиша градъ Божіею помощію. А состроенъ градъ въ лѣто 6799 (1291) іюля въ 27 день [2]). И оттолѣ нача именоватись граду Москвѣ». [3]).

Другое сказаніе о началѣ Москвы приводится неизвѣстнымъ авторомъ въ отповѣдь тѣмъ, кто говоритъ: «кто чаялъ, или кто когда слышалъ, что Москвѣ граду царствомъ слыть и многими царствами и странами обладать». Сказаніе передаетъ, что въ 1158 году великій князь Юрій, сынъ Влади-

---

[1]) По варіанту повѣсти, сообщаемой Карамзинымъ, событіе относится къ 1381 г.
[2]) По варіанту Карамзина 27 іюля 1383 г.
[3]) «Ист. г. М.» стр. 30—31. «Ист. Гос. Росс.» примѣч. II т., стр. 210—211.

міра Мономаха, на пути изъ Кіева во Владиміръ къ сыну своему Андрею, заѣхалъ къ богатому боярину Кучкѣ, жившему на мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Москва; но Кучка встрѣтилъ князя «зѣло гордо и недружелюбно и даже поносилъ его». Оскорбленный князь, «не стерпя той хулы», велѣлъ предать боярина смерти, двухъ малолѣтнихъ сыновей и дочь его отослалъ къ кн. Андрею во Владиміръ, а на мѣстѣ Кучкова поселенія создалъ «градъ малъ древянъ» и прозвалъ его Москвою по имени лежащей при немъ рѣки. Кн. Андрей женится на дочери Кучки; но затѣмъ, когда, отдавшись посту и молитвѣ, онъ перестаетъ раздѣлять съ ней супружеское ложе, то возбуждаетъ ненависть жены и, по ея проискамъ, погибаетъ отъ рукъ братьевъ-Кучковичей. Въ 1176 г. убійцы были жестоко наказаны пришедшимъ изъ Кіева кн. Михаиломъ Юрьевичемъ, который велѣлъ преступную жену кн. Андрея повѣсить на воротахъ и разстрѣлять изъ многихъ луковъ; а ея братьевъ убить и «въ коробѣхъ бросить въ озеро». [1]).

Интересный еще разсказъ о гибели Кучки и объ основаніи на мѣстѣ его поселка кн. Юріемъ Москвы приводится въ исторіи Татищева. Здѣсь причиной гибели Кучки является его ревность къ князю, который, навѣщая женъ многихъ своихъ подданныхъ и проводя съ ними ночи въ веселіи и пьянствѣ, среди такихъ полюбовницъ имѣлъ и жену Кучки, суздальскаго тысяцкаго. Въ 1147 году Юрій съ войскомъ направился къ Торжку. Кучка, «не могши поношенія отъ людей терпѣть», воспользовался отъѣздомъ князя, посадилъ свою жену въ заключеніе, а самъ хотѣлъ бѣжать въ Кіевъ къ недругу Юрія—Изяславу. Узнавши объ этомъ и войдя «въ великую ярость», Юрій оставилъ свое войско «безъ всякаго опредѣленія», воротился, убилъ Кучку, дочь его взялъ за своего сына Андрея, а на мѣстѣ красиваго Кучковскаго поселка заложилъ городъ Москву [2]).

Вотъ все наиболѣе существенное, что мы имѣемъ о началѣ Москвы. И. Е. Забѣлинъ, подводя итоги своему разбору лѣтописныхъ и легендарныхъ данныхъ по настоящему вопросу, приходитъ, по его собственнымъ словамъ, къ тому же выводу, къ какому пришелъ восемьдесятъ лѣтъ назадъ авторъ книги «Москва или историческій путеводитель» (М. 1827 г., ч. I, стр. 1), а именно, что «достовѣрныя лѣтописи не сообщаютъ намъ никакихъ точныхъ извѣстій ни объ основателѣ Москвы, ни о времени ея начала, почему важное сіе событіе и остается подъ завѣсою темныхъ догадокъ, основанныхъ на разныхъ сохранившихся до нашего времени «невѣрныхъ повѣстяхъ» [3]). Но въ своемъ очеркѣ «Первоначальная исторія Московской области» [4]) Забѣлинъ склоняется къ тому, чтобы считать основателемъ г. Москвы Андрея Боголюбскаго. Онъ говоритъ: «замѣчательно, что на другой же годъ по переселеніи Андрея во Владиміръ (1156 г.) былъ

---

[1]) Карамз. примѣч. къ II т. 6 изд., стр. 209—210; «Русск. Вѣстн.» т. LXXIV стр. 12—13; «Ист. г. Москвы» стр. 37—38.—Относительно казни убійцъ въ «Степенной» читаемъ, что имъ сугубое возмездіе было учинено: «ихъ же ухващая, многоразличнымъ смертемъ предать повелѣ; овыхъ же въ коробы пошивая, во езере истопити осуди» П. с. р. л. т. XXI, ч. I-я, стр. 242.

[2]) II т. «Исторіи Росс.» Татищева, примѣч. 418; «Повѣствованіе о Россіи» Н. С. Арцыбашева, 1832 г. кн, I, отд. 2-е, стр. 100.

[3]) «Ист. г. М.» стр. 46—47.

[4]) «Живоп. Росс.» т. VI, ч. I, стр. 11—41.

построенъ городъ Москва, по всему вѣроятію, стараніями Кучковичей и самого кн. Андрея, такъ какъ Юрій, которому лѣтописецъ приписываетъ эту постройку, въ то же время княжилъ въ Кіевѣ и на старости лѣтъ едва ли имѣлъ какой-либо особый поводъ строить именно небольшой суздальскій городокъ Москву, который онъ могъ выстроить гораздо раньше. Только владѣльцамъ этого мѣста теперь наставала потребность укрѣпить стѣнами пограничную сторону Владиміра отъ смоленскихъ и новгородскихъ областей» [4]).

Равнымъ образомъ С. Ѳ. Платоновъ не считаетъ прочно установленнымъ фактъ основанія Москвы-города въ первой половинѣ или даже въ серединѣ XII вѣка. Онъ указываетъ на то, что, во-1-хъ, извѣстіе объ основаніи Москвы дошло до насъ въ позднемъ (XVI в.) лѣтописномъ тверскомъ сборникѣ, авторъ котораго имѣлъ обычай измѣнять литературную форму своихъ болѣе старыхъ источниковъ, во-2-хъ, тверская лѣтопись, заявивъ объ основаніи Москвы въ 1156 году, сама же повѣствуетъ о Москвѣ ранѣе, не объясняя, что должно разумѣть подъ Москвою 1147 г., и, въ-3-хъ, лѣтопись заставила кн. Юрія «заложить градъ Москву» въ то время, когда этотъ князь окончательно перешелъ на югъ. Что же касается легендъ о началѣ Москвы, то, ихъ, конечно, нельзя эксплоатировать, какъ историческій матеріалъ для изученія событія XII в.

С. Ѳ. Платоновъ считаетъ болѣе основательнымъ руководствоваться тѣми лѣтописными свѣдѣніями, которыя болѣе или менѣе положительно указываютъ существованіе Москвы только въ семидесятыхъ годахъ XII столѣтія. Таковы извѣстія подъ 1176 и 1177 г.г. [5]), которыя не оставляютъ уже никакихъ сомнѣній относительно существованія города Москвы и въ то же время даютъ одинъ любопытный намекъ: въ нихъ еще не установлено однообразное наименованіе города,—онъ называется то «Московь», то «Кучково», то «Москва»; не доказываетъ ли это, что лѣтописцы имѣли дѣло съ новымъ пунктомъ поселенія, къ имени котораго ихъ ухо еще не привыкло? [3])

Безъ сомнѣнія, неясность историческихъ свѣдѣній о началѣ Москвы заставляетъ относиться къ нимъ съ особой осторожностью; однако нѣтъ основаній доводить свое сомнѣніе слишкомъ далеко, когда эти свѣдѣнія не заключаютъ въ себѣ какихъ-либо противорѣчивыхъ данныхъ другимъ, болѣе или менѣе достовѣрнымъ фактическимъ извѣстіямъ.

То обстоятельство, что точное указаніе года основанія Москвы содержится въ сравнительно поздней лѣтописи, тверской, не можетъ имѣть какого-либо значенія: еще С. М. Соловьевъ справедливо указывалъ, что одно обстоятельство поздняго составленія сборника не можетъ въ глазахъ историка заподозрить вѣрности извѣстій, въ немъ содержащихся, потому что составитель позднѣйшаго сборника, напримѣръ, XVII вѣка, могъ пользо-

---

[4]) Стр. 20.

[5]) Подъ 1177 г. лѣтописецъ прямо называетъ Москву городомъ, когда говоритъ о нападеніи на нее кн. Рязанскаго Глѣба. - «Глѣбъ же на ту осень пріѣха на Москвь (или Москву) и пожже городъ весь и села».

[3]) «Лекціи по русск. исторіи» проф. С. Ѳ. Платонова, изд. 5, С.-Пб. 1907 г., стр. 123.

ваться списками древнѣйшими, для насъ потерянными; слѣдовательно, всякое новое извѣстіе, находящееся въ позднѣйшихъ сборникахъ, должно быть подвергаемо критикѣ само по себѣ, безъ отношенія къ позднему составленію [1]).

Точно также фактъ построенія Юріемъ города въ ту эпоху, когда онъ переселился въ Кіевъ, едва ли можетъ вызывать какое-либо недоразумѣніе при подвижномъ, почти кочевомъ образѣ жизни Юрія и при постоянныхъ его заботахъ объ устройствѣ Суздальской области; молчаніе же лѣтописи о томъ, что представляла собою Москва въ 1147 году, вполнѣ понятно, такъ какъ, по заявленію самого С. Ѳ. Платонова, даже въ семидесятыхъ годахъ XII в. лѣтопись, имѣя дѣло съ новымъ пунктомъ поселенія, не установила еще однообразнаго его наименованія.

Но особенно нельзя пренебрегать народными сказаніями: память народа нерѣдко сохраняетъ самыя отдаленныя событія. Правда, народъ освѣщаетъ ихъ по-своему, надѣляя своими оригинальными чертами, — часто забываетъ подробности происшедшаго, но въ общемъ остовъ событія оставляетъ неприкосновеннымъ.

Народныя преданія о Москвѣ, пожалуй, какъ характеризуетъ ихъ Ив. Дм. Бѣляевъ, съ перваго взгляда кажутся какою то нелѣпою и дикою сказкой, въ которой историческія имена перемѣшаны съ неисторическими, историческимъ личностямъ приписаны событія, явно имъ непринадлежащія, хронологія рѣшительно запутываетъ дѣло, не объясняетъ, а затемняетъ событія и личности; но та же дикая, нелѣпая сказка, при болѣе внимательномъ изученіи и сопоставленіи съ другими памятниками, постепенно теряетъ свою видимую призрачность и открываетъ передъ историкомъ живую картину живыхъ историческихъ личностей и событій [2]).

Въ сказаніяхъ о Москвѣ для насъ важны не частныя подробности, а общность доминирующихъ въ нихъ мотивовъ и главныя фактическія данныя.

Въ этихъ сказаніяхъ вездѣ Кучка съ своей семьей и съ своими селами красными; вездѣ князь съ своими претензіями къ Кучкѣ: либо съ желаніемъ обладать его женой или дѣтьми, или же съ недовольствомъ его гордостью; вездѣ дѣятельная роль принадлежитъ женщинѣ — то коварной женѣ князя, то невѣрной женѣ Кучки; вездѣ въ конечномъ результатѣ гибель семьи Кучки, переходъ его помѣстья въ руки князя и основаніе на помѣстьѣ разгромленной семьи города.

Очевидно, всѣ эти сказанія касаются какой то драмы, имѣвшей мѣсто при основаніи Москвы.—На берегу рѣки Москвы когда то стоялъ красивый поселокъ, и въ немъ жилъ въ довольствѣ родовитый бояринъ; но вотъ явился князь, и надъ семьей боярина разразилось страшное несчастіе. Вся семья боярина погибла, помѣстье его стало княжескимъ, и на немъ «зачался великій пресловущій и преименитый царствующій градъ Москва».

Но въ чемъ именно состояла эта драма, кто въ ней былъ главными дѣйствующими лицами,— можетъ быть, обо всемъ этомъ, какъ имѣвшемъ

---

[1]) «Исторія Россіи» С. М. Соловьева. 2 изд. СПБ., стр. 774-775.

[2]) «Русск. Вѣстн.» Т. LXXIV, очеркъ И. Д. Бѣляева: «Сказанія о началѣ Москвы», стр. 9—10.

интимный, чисто семейный характеръ, не знали и современники. Можетъ быть, о событіи и въ ближайшее къ нему время ходили лишь темные и разнорѣчивые слухи. Оставался очевиднымъ и безспорнымъ только фактъ гибели семьи злосчастнаго боярина и переходъ его земельныхъ владѣній въ руки князя.

Бѣляевъ въ сказаніяхъ о началѣ Москвы видитъ попытку народа воплотить въ лицѣ Кучки идею самовластія, независимости и надменности земскихъ бояръ — старожиловъ въ Суздальской землѣ,— охарактеризовать Москву, какъ опорный пунктъ для развитія княжеской власти въ самомъ гнѣздѣ своевольной земской боярщины [1]).

Конечно, гибель Кучковой семьи является одной изъ многочисленныхъ страницъ исторіи развитія княжеской власти; но мы не думаемъ, чтобы народъ въ своихъ разсказахъ о Москвѣ преслѣдовалъ какія-либо тенденціозныя задачи. Онъ просто передаетъ то, что было, или то, что онъ слышалъ. Яркіе характерные факты иногда сами по себѣ кажутся тенденціозными.

Разбираясь въ именахъ князей, выводимыхъ сказаніями, и въ цифровыхъ данныхъ относительно времени описываемаго событія, мы и здѣсь находимъ нѣкоторыя интересныя указанія.

Какъ мы видѣли, два послѣднихъ сказанія основаніе Москвы приписываютъ князю Юрію Владиміровичу; ему же приписываетъ это и тверская лѣтопись.

Въ сказаніи объ основаніи Москвы при участіи гречина Василія и римлянина Подона основателемъ Москвы называется князь Даніилъ Ивановичъ, основавшій городъ Юрьевъ-Польскій. Никакого русскаго князя Данила Ивановича ни въ XII вѣкѣ, ни въ XIII не было; Юрьевъ же Польскій основанъ въ 1152 году именно княземъ Юріемъ Владиміровичемъ. Такимъ образомъ, и въ этомъ сказаніи, при общемъ фантастическомъ его характерѣ, уцѣлѣла частица правды.

Остается еще сказаніе «О зачалѣ Московскаго княженія, како зачало бысть», которое построеніе города пріурочиваетъ къ 1291 году.

Должно имѣть въ виду, что это сказаніе, ярко отличающееся народнымъ языкомъ, очевидно, болѣе другихъ подверглось вліянію устныхъ преданій народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе другихъ должно было потерпѣть измѣненій. Въ устной передачѣ скоро могли забыться и имя, и другія детали, не имѣвшія существеннаго значенія для разсказа.

Пожалуй, здѣсь характерно даже сочетаніе основанія Москвы съ именемъ кн. Данила Александровича, родоначальника Московскаго княжескаго дома. Смѣшеніе основателя города съ родоначальникомъ княжескаго рода въ народномъ преданіи вполнѣ естественно.

Изъ указываемыхъ лѣтописями и сказаніями годовъ останавливаютъ на себѣ вниманіе, во-первыхъ, 1147 годъ, когда, по разсказу Татищева, былъ убилъ Кучка, а по лѣтописямъ, когда пріѣзжалъ къ кн. Юрію на Москву князь Святославъ Ольговичъ; во-вторыхъ, 1156 и 1158 гг., когда

---

[1]) «Русск. Вѣстн.», т. LXXIV, стр. 16 и 18.

по тверской лѣтописи и по одному изъ сказаній былъ основанъ городъ Москва.

Пріуроченіе къ 1147 г. убійства Кучки и пріѣзда князя Святослава, конечно, не можетъ возбуждать какихъ-либо недоразумѣній. Даже естественно предположить, что князь Юрій, приглашая къ себѣ гостей въ новое помѣстье, желалъ похвалиться предъ ними своимъ пріобрѣтеніемъ. Не даромъ онъ получилъ прозвище Долгорукаго, по словамъ нѣкоторыхъ историковъ, за то, что съ алчностью руки свои протягивалъ къ чужой собственности.

Что касается до нѣкоторой разницы въ указаніи времени построенія города, то не происходитъ ли она отъ того, что одинъ документъ указываетъ моментъ начала работъ по устройству города (1156 г.), а другой— ихъ окончанія (1158 г.)? Устройство города состояло въ обнесеніи поселка крѣпкими, хотя и деревянными стѣнами; для этого могло потребоваться около двухъ лѣтъ [1]).

Заслуживаетъ вниманія и то обстоятельство, что и по повѣсти «О началѣ Московскаго княженія» смерть Кучки и рѣшеніе князя устроить городъ отдѣляются отъ окончательнаго устройства города двухлѣтнимъ промежуткомъ (6797—6799 гг.).

Если допустить, что 1158 годъ относится ко времени окончанія городскихъ стѣнъ, то тогда понятно, почему созиданіе города подъ этимъ годомъ приписывается все-таки князю Юрію, который, какъ извѣстно, умеръ въ 1158 году.

Такое погодное распредѣленіе событій представляется вполнѣ правдоподобнымъ и согласнымъ съ другими лѣтописными данными.

Кучковичи не разъ упоминаются въ лѣтописяхъ.—Въ 1155 году они подговариваютъ Андрея Боголюбскаго «безъ отча повелѣнія» переѣхать изъ Кіева во Владиміръ Залѣсскій. Въ 1174 году два брата Кучковича находятся во главѣ партіи недовольныхъ княземъ, сгруппировавшейся подъ покровительствомъ его жены, по происхожденію болгарки, которая негодовала на мужа за разореніе своей родины; одинъ изъ братьевъ Кучковичей гибнетъ отъ руки князя; а другой съ нѣсколькими заговорщиками самъ идетъ на него.

— «Вчера брата моего ятъ и убилъ, а нынѣ насъ хощетъ няти; да промышляемъ о своемъ животѣ» [2]), говоритъ онъ товарищамъ.

И вслѣдъ за кровью Кучковича проливается кровь князя.

Когда мы вспомнимъ нѣкоторыя подробности изъ приведенныхъ сказаній о началѣ Москвы, то эти лѣтописныя свѣдѣнія о 1155 и 1174 гг. станутъ для насъ особенно понятны.

Вырванные въ 1147 году изъ родной семьи ко двору князя въ юномъ возрастѣ («млади сущи»), Кучковичи не могутъ забыть своей родины, и

---

[1]) При Калитѣ обнесеніе Кремля дубовыми стѣнами потребовало нѣсколько мѣсяцевъ, а сооруженіе стѣнъ въ первый разъ, конечно, требовало времени больше, такъ какъ необходимо было уравнивать и расчищать мѣстность для постановки стѣнъ; при этомъ, вѣроятно, и рабочихъ рукъ было меньше, нежели при работахъ во время княженія Калиты.

[2]) П. с. р. л. Т. XV, стр. 251.

Ивановъ.—Пріѣздъ иностранцевъ въ XVII вѣкѣ.

MEZZOTINTOGRAVÜRE BRUCKMANN, MÜNCHEN

Москва
въ ея
прошломъ
и
настоящемъ

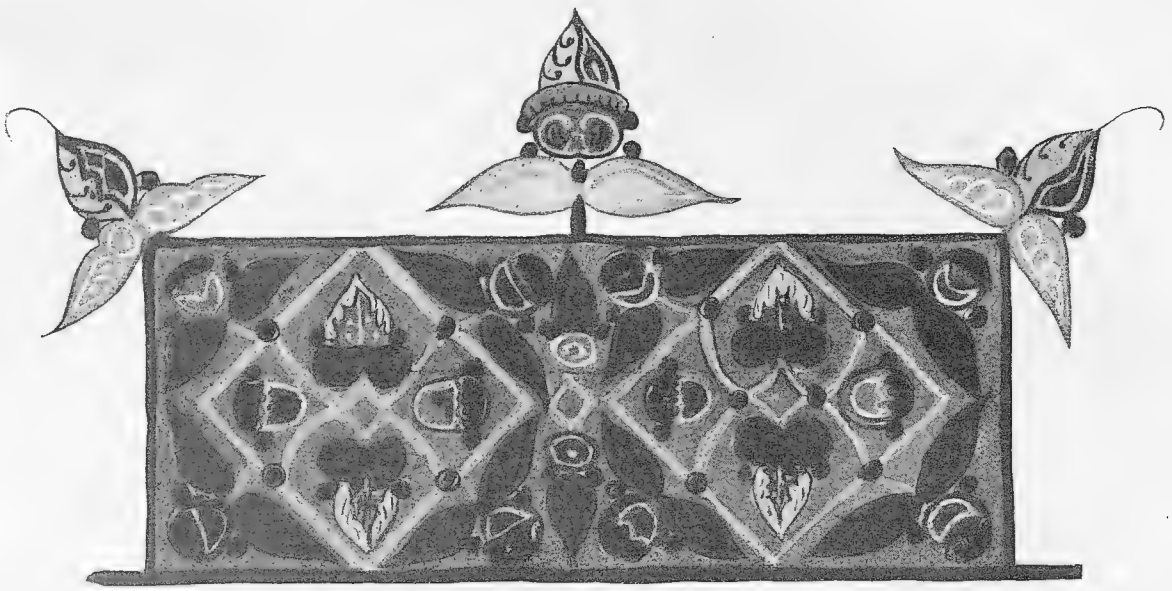
въ 1155 году соблазняютъ князя Андрея прелестями сѣвера, уговаривая его покинуть Кіевскую землю. Естественно, они не могли найти желаннаго благополучія и на сѣверѣ, особенно при существованіи живыхъ памятниковъ и свидѣтелей ихъ родной семейной драмы и при властолюбивомъ характерѣ князя.

Конечно, партію недовольныхъ около Андрея Боголюбскаго сплотило не одно «наученіе княгини», — въ данномъ случаѣ играли роль болѣе серьезные мотивы. Кромѣ заботъ о личной безопасности Кучковичами могли руководить и давнишніе родственные счеты съ княжеской семьей. Жажда мести за давнюю кровную обиду, можетъ быть, и поставила ихъ во главѣ заговора противъ князя.

И такимъ образомъ событіе 1174 года во Владимірѣ было отчасти отголоскомъ событія 1147 года на Москвѣ. Кровь Андрея Боголюбскаго явилась какъ бы искупительной жертвой не только за кровь убитаго имъ предъ своей смертью Кучковича, но и за кровь стараго Кучки, на которой создалась Москва.

Живымъ памятникомъ происшедшаго остались — въ Москвѣ названіе урочища «Кучково поле» (нынѣ улица Срѣтенка и Лубянка); а во Владимірѣ — преданія о мѣстѣ казни убійцъ Боголюбскаго: здѣсь, невдалекѣ отъ города, указываютъ «Пловучее озеро», съ болотистыми заросшими мхомъ берегами, въ которомъ будто бы доселѣ плаваютъ колоды съ тѣлами казненныхъ.

Изъ харатейн. Евангелія 1130 г.



Изъ псалтыря Суздальскаго монастыря XVI в.

Возвышеніе Москвы.

Проф. М. К. Любавскаго.

акъ и отчего возвысилась Москва, и почему сдѣлалась она на долгое время политическимъ, церковнымъ и культурнымъ центромъ великорусской народности?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо прежде всего установить, когда произошло это возвышеніе, и выяснить обстоятельства и событія, ему предшествовавшія.

До самаго конца XIII вѣка Москва не играла сколько-нибудь видной роли въ политической жизни сѣверо-восточной Руси. Основанная кн. Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ въ 1156 году, она сдѣлалась стольнымъ княжескимъ городомъ только около 1247 года, девяносто лѣтъ спустя послѣ своего основанія. Досталась она тогда третьему сыну Ярослава Всеволодовича, князя Переяславскаго и великаго князя Владимірскаго, Михаилу Хоробриту—ясный признакъ, что въ Переяславскомъ княжествѣ она была въ то время не первымъ городомъ (выше ея были Переяславль, доставшійся старшему сыну Ярослава, Александру, и Суздаль съ Нижнимъ, доставшійся второму сыну Андрею). Послѣ гибели кн. Михаила въ 1248 году въ сраженіи съ литовцами, Москва долгое время не была даже княжескою резиденціею, и только при великомъ князѣ Димитріи Александровичѣ она стала удѣломъ младшаго его брата Даніила — ясное свидѣтельство, что и въ то время она не выдавалась еще среди другихъ городовъ Суздальской области. Выше ея стояли и Переяславль, и Городецъ Волжскій, которыми владѣли старшіе сыновья Александра Невскаго, Димитрій и Андрей.

Но проходитъ какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ (Даніилъ сдѣлался Московскимъ княземъ въ 1283 году), и картина уже рѣзко мѣняется. Москва является резиденціею самаго сильнаго князя въ Суздальской землѣ, которому дается ярлыкъ на великое княженіе. Въ 1327 году сѣлъ на великое княженіе Владимірское Иванъ Даниловичъ Калита, и съ того времени съ Владимірскаго стола уже не сходятъ его преемники по Московскому княжеству. Владиміръ, первый городъ Суздальской земли, становится какъ бы придаткомъ Москвы, и позднѣйшій лѣтописецъ подъ впечатлѣніемъ этого факта пишетъ про Ивана Даниловича: «пришелъ отъ царя Азбяка (Узбека) изъ орды съ пожалованьемъ и съ великою честью на великое княженіе Владимірское, и сѣлъ *на великомъ княженьѣ въ Москвѣ*, а столъ Владиміръ и иныя многія княжества царь Азбякъ далъ ему къ Москвѣ».

Итакъ, возвышеніе Москвы совершилось въ короткое сравнительно время послѣднихъ двухъ десятилѣтій XIII и первыхъ трехъ десятилѣтій XIV вѣковъ. Что же произошло за это время съ Москвою, что подняло ее такъ быстро на высоту?

За это время совершилось перемѣщеніе населенія въ Суздальскомъ краѣ, и Москва, лежавшая въ мѣстности слабо населенной, очутилась въ мѣстности густо населенной, сдѣлалась центромъ наиболѣе многолюднаго княжества.

Москва возникла на западной окраинѣ такъ называемаго *Залѣсья* или *Суздальской земли*. Край этотъ, совмѣщавшій въ себѣ бассейны верхней Волги до впаденія въ нее Оки и лѣвыхъ притоковъ послѣдней—Москвы и Клязьмы, представлялъ область, до извѣстной степени обособленную географически отъ сосѣднихъ областей. Залѣсье отдѣлялось отъ сосѣднихъ областей лѣсными и болотистыми дебрями, раскиданными по окраинамъ либо его самого, либо сосѣднихъ областей. Такія дебри отдѣляли Суздальщину прежде всего отъ земли Черниговской. Черниговскій городъ Дьбрянскъ (нынѣ Брянскъ) своимъ именемъ ясно говоритъ, что область верхней Десны представляла въ древнѣйшее время, какъ отчасти и теперь, лѣсную дебрь. Таковою же несомнѣнно была и область притоковъ Оки—Жиздры, Угры и Протвы. Здѣсь между прочимъ лежали непроѣздные лѣса Брынскіе (Брынь—притокъ Жиздры), о которыхъ вспоминаютъ былины; здѣсь же возникъ впослѣдствіи, уже въ XIV вѣкѣ, городъ Боровскъ, въ своемъ имени включающій корень *бор,* и тянулись лѣса Боровскіе. Лѣса же, по верховьямъ Протвы и Москвы и на верхней Волгѣ, отдѣляли Суздальскій край отъ Смоленской и частью Новгородской земли. Смоленскъ даже въ XVI вѣкѣ, какъ свидѣтельствуетъ Герберштейнъ, опоясанъ былъ со всѣхъ сторонъ огромными лѣсами.—Къ числу ихъ принадлежалъ, между прочимъ, знаменитый Оковскій лѣсъ, упоминаемый въ начальной лѣтописи, тотъ самый лѣсъ, откуда вытекали Волга, Западная Двина, Днѣпръ и Ловать. Нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы въ начальныя времена нашей исторіи дѣло обстояло здѣсь иначе, чѣмъ при Герберштейнѣ.

То же самое справедливо и относительно Заволжья, которое представлялось Герберштейну почти сплошною лѣсною дебрью: «въ странахъ, ко-

торыя лежатъ за Волгою, — пишетъ онъ, — по причинѣ частыхъ болотъ, рѣкъ и обширныхъ лѣсовъ, нельзя разсчитывать разстояній». Сѣверные города Ростово-Суздальскаго края представлялись Герберштейну внѣдрившимися въ область непролазныхъ лѣсныхъ дебрей. «Двѣ дороги,—говоритъ онъ, — идутъ изъ Москвы въ Бѣлоозеро: одна ближайшая, черезъ Угличъ, въ зимнее время, а лѣтомъ другая—черезъ Ярославль. Та и другая дорога неудобна по причинѣ множества болотъ, лѣсовъ и рѣкъ». «Вологда отстоитъ отъ Ярославля на 50 германскихъ миль, отъ Бѣлоозера почти на 40. Вся страна болотиста и лѣсиста, и чѣмъ дальше идешь, тѣмъ больше встрѣчается непроходимыхъ болотъ, рѣкъ и лѣсовъ».

Суздальскій край, по свидѣтельству Герберштейна, и съ востока окружался огромными лѣсами. «Область Вятка,—пишетъ онъ,—лежитъ почти въ 150 миляхъ отъ Москвы; кратчайшая дорога къ ней идетъ черезъ Кострому и Галичъ, но она трудна, ибо кромѣ болотъ и лѣсовъ, которые затрудняютъ путь, между Галичемъ и Вяткою еще разбойничаютъ бродящіе тамъ черемисы». «Черемисы живутъ въ лѣсахъ около Нижняго Новгорода». «На востокъ и югъ отъ рѣки Мокши встрѣчаются огромные лѣса, въ которыхъ живетъ народъ мордва» и т. д. Всѣ эти лѣса, упоминаемые Герберштейномъ въ первой половинѣ XVI в., существуютъ и теперь. Нѣтъ, конечно, основаній думать, чтобы ихъ не было въ XII—XIII вв. Лѣса одѣвали, по свидѣтельству Герберштейна, и оба берега Оки, изобилуя медомъ, бѣлками, горностаями и куницами.

Окаймленное со всѣхъ сторонъ огромными и труднопроходимыми лѣсами, Залѣсье внутри также изобиловало лѣсами, но не непрерывными, а перемежающимися съ безлѣсными открытыми пространствами. Больше всего лѣсовъ было на западѣ по Москвѣ-рѣкѣ, на верхней Клязьмѣ, по Дубнѣ съ Сестрою и далѣе на сѣверъ до Пахны. Линія тянувшихся здѣсь лѣсовъ оканчивалась на сѣверѣ знаменитымъ Ширенскимъ лѣсомъ, въ которомъ погибъ кн. Юрій Всеволодовичъ, спасаясь отъ татаръ послѣ пораженія на Сити. Пространства, лежавшія къ востоку, по Клязьмѣ и Волгѣ, были менѣе одѣты лѣсами, изобиловали открытыми мѣстами—*полями*. Таковы были—упоминаемыя въ лѣтописи Углече поле на Волгѣ, Юрьево поле, Белехово поле на рѣкѣ Колокшѣ, притокѣ Клязьмы. Изобилуя безлѣсными, открытыми мѣстами, названная часть Залѣсья имѣла и почву гораздо болѣе плодородную, чѣмъ московскій край въ тѣсномъ смыслѣ. Сравнительное плодородіе бассейна Клязьмы, или области Владимірской, по сравненію съ Московскою бросалось въ глаза и Герберштейну, который отмѣчаетъ этотъ фактъ во своихъ «Комментаріяхъ». Въ XIV в. Владимірская область была территоріею, на которой московскіе князья покупали себѣ села и заводили собственное дворцовое хозяйство. Здѣсь же не мало было селъ и владѣній у митрополита и бояръ.

Такая комбинація природныхъ данныхъ Залѣсья обусловила и первоначальное заселеніе этого края. Первые славянскіе колонисты, проникшіе въ этотъ край Веси и Мери, основали свои селенія въ той мѣстности, гдѣ лѣса чередовались съ полями, гдѣ почва была наиболѣе плодородною. Такъ возникли древнѣйшіе города въ Суздальской землѣ—Ростовъ, Суз-

даль, Владиміръ въ Опольщинѣ или около Опольщины. Когда въ XII и первой четверти XIII вѣка потянулись въ Суздальскій край колонисты изъ разоряемаго Приднѣпровья, они также стали осѣдать преимущественно по бассейну Клязьмы и верхней Волги отъ устья Шексны до устья Оки. Московскій бассейнъ и верхнее Поволжье до устья Шексны первоначально обходились колонистами, которые направлялись на сѣверо-востокъ, минуя эти мѣстности. Если собрать всѣ лѣтописныя указанія на населенные пункты въ Суздальской области за XI — XIII вв., то совершенно ясно вырисовывается, что въ этой области раньше и гуще заселились бассейны средней и нижней Клязьмы и Поволжье отъ впаденія Шексны до впаденія Оки. Здѣсь лежали всѣ тогдашніе важнѣйшіе города-области—Владиміръ, Суздаль, Юрьевъ Польскій, Стародубъ, Ярополчь, Гороховецъ, Нижній, Городецъ, Кострома, Ярославль, Молога, Кснятинъ, Ростовъ и Переяславль. По сравненію съ этою населенною полосою область позднѣйшаго Московскаго княжества является мало заселенною. Здѣсь мы находимъ только городъ Москву, Дмитровъ на Яхромѣ и, быть можетъ, еще Звенигородъ. Точно такою же представляется и область позднѣйшаго Тверского княжества. Здѣсь мы находимъ пока только Тверь и Кашинъ.

Итакъ, въ XII-мъ и большей части XIII вѣка населеніе Суздальской земли группировалось преимущественно въ средней ея части и восточной, а западная окраина ея, территорія позднѣйшихъ княжествъ Московскаго и Тверского, была слабо заселена. Это вовсе не оптическій обманъ, какъ можно было бы подумать. На такое именно, а не иное размѣщеніе населенія указываетъ и самое распредѣленіе княженій въ Ростово-Суздальской области въ XIII вѣкѣ. Большая часть княженій въ XIII вѣкѣ группировалась именно въ средней и восточной частяхъ Ростово-Суздальской области, каковы были: великое княженіе Владимірское, княженія Ростовское, Ярославское съ Бѣлозерскимъ, Костромское, Галицкое, Юрьевское, Переяславское, Суздальское и Городецкое. Въ западной части Суздальскаго края встрѣчаемъ только два княженія—Тверское и Московское. Самые сильные князья въ XIII вѣкѣ выходили именно изъ срединныхъ и восточныхъ княжествъ Суздальской области. Таковы были, напр., Константинъ Всеволодовичъ Ростовскій, Ярославъ Всеволодовичъ Переяславскій, Василій Костромской, Александръ Ярославичъ Переяславскій, сыновья его, Димитрій Переяславскій и Андрей Городецкій. То обстоятельство, что въ Москвѣ посаженъ былъ младшій сынъ Александра Невскаго—Даніилъ, служитъ прямымъ указаніемъ на то, что во второй половинѣ XIII вѣка Московское княжество было еще незначительное, слабо населенное. Едва ли отдачу Москвы младшему князю можно объяснять только тѣмъ, что Москва была еще новымъ сравнительно городомъ, удаленнымъ отъ старыхъ суздальскихъ центровъ — Ростова и Владиміра. Городецъ на Волгѣ былъ отъ Ростова и отъ Владиміра не ближе Москвы и возникъ не раньше ея, и однако онъ достался одному изъ старшихъ сыновей Невскаго, Андрею,— потому именно, что это княженіе тогда было лучше Московскаго, богаче его, многолюднѣе.

Но съ утвержденіемъ на Руси татаръ описанное размѣщеніе населенія въ Суздальской землѣ не могло удержаться. Если вникнуть въ разсказъ лѣтописи о Батыевомъ погромѣ и послѣдовавшихъ за нимъ, то окажется, что эти погромы постигали преимущественно наиболѣе населенныя мѣстности Суздальской земли. Прорвавшись въ Суздальщину, татары направлялись обыкновенно къ Владиміру и производили свои опустошенія въ Опольщинѣ, а одновременно опустошали все Поволжье до Галича Мерянскаго. Все это не могло не оказать своего дѣйствія на распредѣленіе населенія въ Суздальскомъ краѣ. Вѣроятно, уже послѣ перваго погрома часть населенія, попрятавшаяся въ лѣсахъ, не пожелала вернуться на старыя пепелища, а предпочла уйти подальше отъ татаръ—на западъ и сѣверъ, въ болѣе лѣсистыя и пустынныя области. То же происходило и послѣ Батыева нашествія, когда Суздальскую землю стали періодически навѣщать татарскіе баскаки съ отрядами, и въ особенности въ послѣднія два десятилѣтія XIII вѣка, когда происходила усобица между сыновьями Александра Невскаго. Воевали между собою князья Димитрій Переяславскій и Андрей Городецкій, приводившіе татаръ другъ на друга. Значитъ, при этомъ должна была опять таки страдать главнымъ образомъ средняя и восточная части Суздальской земли. Въ 1293 году,—разсказываетъ лѣтопись,—князь Андрей Александровичъ отправился въ Орду и съ иными русскими князьями и пожаловался царю на брата своего великаго князя Димитрія Александровича. Царь же послалъ брата своего Дедюню съ многочисленною ратью на великаго князя. Татары, придя въ Суздальскую землю, причинили много зла христіанамъ, взяли много городовъ—Владиміръ, Суздаль, Муромъ, Юрьевъ, Переяславль, Коломну, Москву, Можайскъ, Волокъ, Дмитровъ, Угличъ—всего 14 городовъ и опустошили всю землю.—Какое вліяніе оказывали подобныя опустошенія на размѣщеніе населенія, видно изъ дальнѣйшаго разсказа той же лѣтописи. Взявъ перечисленные города, татары хотѣли идти на Тверь. И опечалились сильно тверичи, такъ какъ не было у нихъ князя: онъ былъ въ Ордѣ. Но потомъ они ободрились, цѣловали между собою крестъ и сѣли въ осаду, договорившись между собою биться съ татарами, но не сдаваться: «бѣ бо множество людій збѣглося во Твери изо иныхъ княженій передъ ратью». Такъ, татарскія вторженія въ Суздальскую землю сбивали ея населеніе съ востока на западъ и сѣверъ.

Передвиженіе населенія съ востока на западъ Суздальской земли обнаруживается прежде всего въ томъ фактѣ, что въ средней и восточной частяхъ Ростово-Суздальской земли въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка упраздняются одно за другимъ нѣсколько княженій: въ Костромѣ, Юрьевѣ, Городцѣ Волжскомъ. Упраздненіе княжескихъ столовъ въ этихъ городахъ едва ли можно объяснять только тѣмъ, что вымерли въ нихъ князья. Еслибы эти города были въ то время значительными средоточіями русской осѣдлости, все равно рано или поздно они нашли бы своихъ князей. Средняя и восточная части Суздальской земли съ конца XIII вѣка замѣтно захирѣли. Но зато замѣтно стала населяться и возвышаться западная окраина Суздальскаго края. Въ XIV вѣкѣ въ Московскомъ княжествѣ какъ бы изъ-

подъ земли выныриваютъ новые города: *Руза* на рѣкѣ того же имени, *Боровскъ* и *Верея* на р. Протвѣ и др. Въ источникахъ мы не находимъ указаній на то, чтобы эти города были пріобрѣтены Московскими князьями отъ кого-либо въ готовомъ видѣ, такъ что появленіе ихъ въ духовныхъ и договорныхъ граматахъ Московскихъ князей XIV в. всецѣло надо отнести насчетъ усиленія колонизаціи въ бассейнахъ Москвы-рѣки и Протвы. Вообще по этимъ граматамъ Московское княжество является уже довольно густо покрытымъ городами, волостями и селами. Въ Тверскомъ княженьѣ за то же самое время появляется также не мало новыхъ городовъ—*Бѣлгородъ* при впаденіи Хотчи въ Волгу, *Микулинъ* и *Дорогобужъ* на р. Шошѣ, *Старица* или Городецъ на Волгѣ, *Холмъ и Новый-Городокъ* недалеко отъ Зубцова, и др.—

Переливъ населенія съ востока на западъ Суздальской земли и обусловилъ естественно возвышеніе княжествъ, лежавшихъ на западѣ этой земли,—Тверского и Московскаго. Это возвышеніе констатируется тѣмъ, что претендентами на великое княженіе Владимірское съ начала XIV вѣка являются уже князья Тверской и Московскій. Извѣстно, что ханы давали ярлыки на великое княженіе Владимірское преимущественно тѣмъ князьямъ, которые были въ состояніи подкрѣпить наилучшими аргументами свои права, доказать свое старшинство. А этими наилучшими аргументами были деньги, которыя могли быть представлены только наиболѣе богатыми князьями, владѣльцами наиболѣе многолюдныхъ и промышленныхъ княжествъ. На первыхъ порахъ въ этомъ состязаніи, какъ извѣстно, брала верхъ Тверь, но въ концѣ концовъ одолѣла Москва. Тверской князь Александръ Михайловичъ въ 1327 году не сумѣлъ сдержать народнаго возмущенія противъ «сильнаго» ханскаго посла Щелкана, прибывшаго въ Тверь съ множествомъ татаръ и чинившаго великія насилія людямъ, и даже самъ сталъ во главѣ народнаго движенія, кончившагося сожженіемъ татаръ въ одномъ домѣ, гдѣ они искали спасенія. Въ наказаніе за это Узбекъ послалъ огромную рать подъ начальствомъ пяти темниковъ. Къ этой рати должны были присоединиться и князья Московскій и Суздальскій. Татары взяли Тверь и Кашинъ и опустошили всю Тверскую землю, людей посѣкли, а другихъ повели въ плѣнъ. Тверской князь Александръ Михайловичъ бѣжалъ въ Псковъ, а братья его Константинъ и Василій, по словамъ лѣтописи, сѣли въ Твери въ великой нищетѣ и убожествѣ, «понеже вся земля Тверская пуста, и все быша лѣсы и пустыни непроходимыя». Досталось въ то время и другимъ областямъ—Новгородской, Суздальскому княженію; «только соблюлъ и заступилъ Господь Богъ князя Ивана Даниловича и его городъ Москву, и всю его отчину отъ плѣненія и кровопролитія татарскаго». Эти событія имѣли рѣшающее значеніе: Тверь не могла скоро оправиться отъ постигшаго ее погрома, и политическое первенство отошло къ Москвѣ.

Итакъ, возвышеніе Москвы ко второй четверти XIV вѣка произошло вслѣдствіе скопленія населенія въ ея области подъ вліяніемъ опустошеній и разореній, произведенныхъ татарами въ восточныхъ и частью сѣверныхъ княженіяхъ Суздальской земли. Подобно тому, какъ Владиміръ сталъ на

мѣсто Кіева послѣ того, какъ перелилось изъ Приднѣпровья на Клязьму и Волгу русское населеніе, такъ и Москва стала на мѣсто Владиміра послѣ того, какъ перелилось населеніе съ средняго Поволжья и Клязьмы на верхнее Поволжье, Москву и Протву.—

И позже продолжался приливъ населенія въ Московское княжество, частью добровольный, частью невольный. Въ Тверскомъ княжествѣ послѣ князя Александра Михайловича началась ожесточенная усобица между его братьями Василіемъ и Константиномъ, съ одной стороны, и сыномъ Всеволодомъ Александровичемъ Холмскимъ, съ другой. Спорили, кому быть на «великомъ княженьѣ», т.-е. на главномъ Тверскомъ столѣ. «И была,—говоритъ лѣтописецъ,—людямъ Тверскимъ большая тягость, и многіе изъ нихъ отъ такого нестроенія разошлись». Куда? Ближе всего—въ сосѣднее Московское княжество, гдѣ не было такого нестроенія, стояли внутренній миръ и безопасность, гдѣ, по сообщенію лѣтописи, великій князь Иванъ Даниловичъ «татей истребилъ». Въ 1341 году Московскій князь по повелѣнію хана Узбека вмѣстѣ съ другими князьями ходилъ опустошать Смоленскую землю, заложившуюся за великаго князя Литовскаго Гедимина, и вывелъ оттуда много полона. Внукъ Калиты Димитрій Ивановичъ Донской неоднократно вмѣшивался въ усобицы Тверскихъ князей, и всякій разъ, по сообщенію лѣтописи, выводилъ въ свою землю множество людей со всѣмъ ихъ богатствомъ и скотомъ.

Дальнѣйшее увеличеніе населенія въ Московскомъ княжествѣ стояло уже въ связи съ территоріальными примыслами его князей насчетъ сосѣдей. Чѣмъ больше расширялись эти примыслы, тѣмъ богаче и сильнѣе становились Московскіе князья, тѣмъ больше средствъ пріобрѣтали они для новыхъ примысловъ. Московское княжество увеличивалось подобно катящемуся снѣжному кому, который забираетъ тѣмъ больше снѣга, чѣмъ больше становится его объемъ.

Итакъ, главною и основною причиною, обусловившею возвышеніе Москвы и всѣ ея политическіе успѣхи, было выгодное географическое положеніе въ отношеніи татарскихъ погромовъ и происшедшее, благодаря этому, скопленіе населенія въ ея области. Въ XIII и XIV вѣкахъ всѣ княжества вокругъ Москвы разорялись и опустошались татарами, и одна только Московская область оставалась внѣ района погромовъ (исключеніе представлялъ только 1293 годъ). Вслѣдствіе прилива населенія изъ разоряемыхъ татарами областей Москва дѣлалась сильнѣе ихъ и богаче и оказывалась въ состояніи дѣлать на ихъ счетъ присоединеніе или военною силою, или деньгами.

Къ этой главной и основной причинѣ примыкаютъ другія, отъ нея производныя. Несомнѣнно, что возвышенію Москвы много помогали ханы Золотой Орды. Они давали Московскимъ князьямъ ярлыки не только на великое княженіе Владимірское, но и на удѣльныя, если владѣтели ихъ не въ состояніи были платить слѣдуемую съ нихъ дань. Все это объясняется не чѣмъ инымъ, какъ богатствомъ Московскихъ князей, которые могли больше и исправнѣе платить хану, чѣмъ другіе князья. Покровительство же хановъ въ свою очередь привлекало къ Москвѣ и симпатіи

Mezzotintogravure Bruckmann

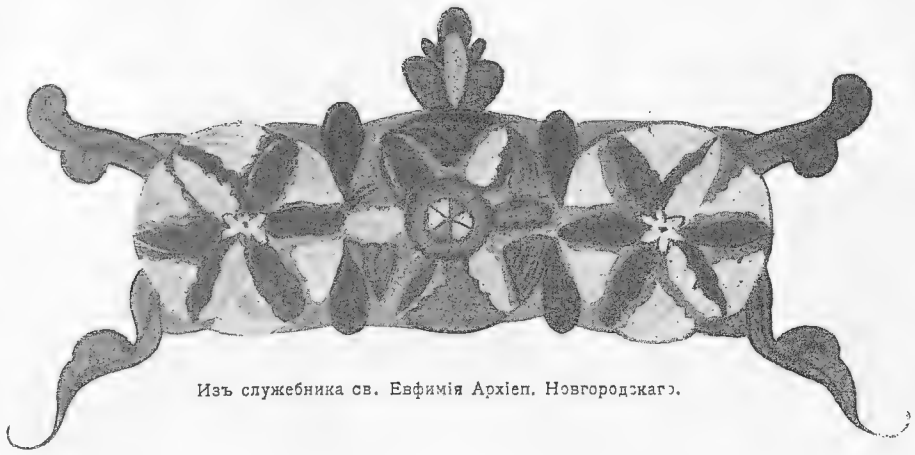
Соборъ Василія Блаженнаго.

Библіотека Народнаго
Университета
№
Владимірскаго Губернскаго
Земства.

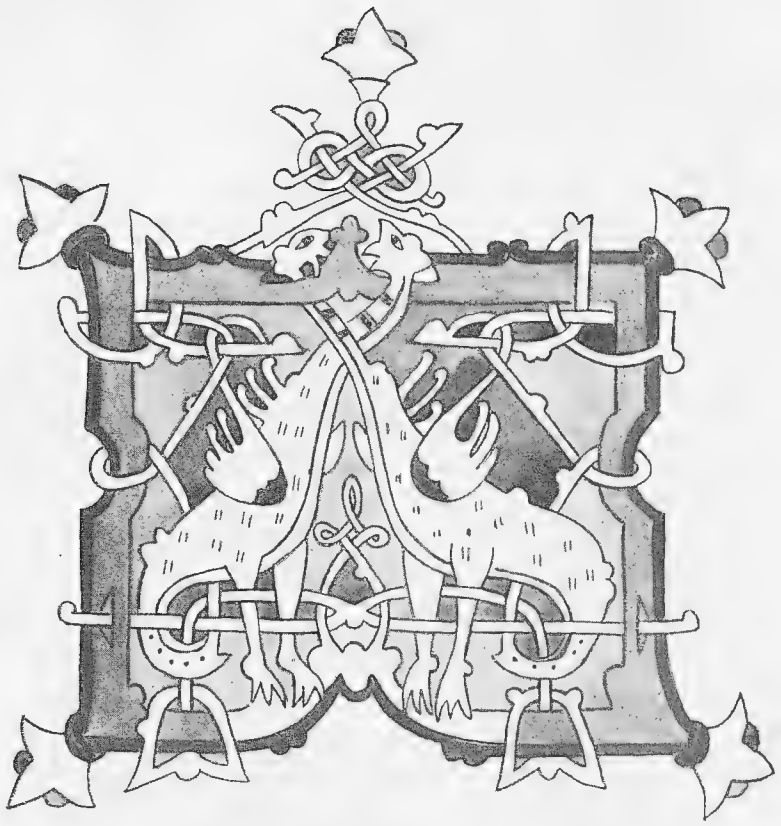
населенія не только Московскаго, но и другихъ княжествъ, которому они могли гарантировать безопасность отъ татарскаго насилія въ большей степени, чѣмъ другіе князья. Военная сила и богатство Москвы влекли въ ея объятія не только народныя массы, но и князей, руководителей мѣстныхъ обществъ, которые подъ покровомъ Москвы надѣялись достигнуть большаго обезпеченія, чѣмъ при помощи собственныхъ только силъ. Затѣмъ, политическимъ успѣхамъ Москвы много содѣйствовала дружная работа московскаго боярства. Московская наступательная и собирательная политика не прекращалась и не ослабѣвала даже въ тѣ моменты, когда въ Москвѣ были юные или не отличавшіеся особою энергіею князья. Такъ было, напр., въ малолѣтство Димитрія Донского и его сына Василія. Примыслы, и очень крупные, сдѣланы были Москвою въ это именно время. Историки давно уже подмѣтили тотъ фактъ, что при дворѣ Московскихъ князей образовался кругъ бояръ, которые не отъѣзжали на сторону, тѣсно сближались съ князьями и дружно работали съ ними надъ общимъ дѣломъ собиранія Руси. Этотъ кругъ бояръ постоянно пополнялся пришельцами со стороны, которые приносили съ собою новыя силы и средства, не только нравственныя, но и матеріальныя. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., знаменитый кіевскій бояринъ Родіонъ Несторовичъ, пришедшій на службу къ Калитѣ, привелъ съ собою цѣлый полкъ слугъ въ количествѣ 1700 человѣкъ. Но почему московскіе бояре такъ дружно жили и работали съ своими князьями, почему къ этимъ князьямъ льнули бояре со стороны? Очевидно, что въ Москвѣ боярамъ вообще жилось лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и кормились они здѣсь сытнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. А это объясняется все тою же основною причиною, о которой уже была рѣчь, т.-е. многолюдствомъ и сравнительнымъ богатствомъ княжества. То же самое справедливо и относительно высшаго духовенства. Извѣстно, что глава русской іерархіи, митрополитъ, переселившійся было изъ Кіева во Владиміръ, скоро покинулъ свою новую резиденцію и поселился подъ крыломъ богатаго и могущественнаго Московскаго князя. Этотъ высшій іерархъ русской церкви, которому по его положенію надо было заботиться о всей православной паствѣ, принялъ ближе всего къ сердцу интересы Московскаго княжества и сталъ радѣть о немъ не меньше бояръ. Когда умиралъ сынъ Калиты, Семенъ Ивановичъ, онъ наказывалъ своимъ братьямъ жить за одинъ, не слушаться лихихъ людей, которые станутъ ихъ ссорить: «слушайте,—писалъ онъ имъ,—отца нашего владыки Алексѣя да старыхъ бояръ, которые отцу нашему и намъ добра хотѣли». Митрополитъ Алексѣй стоялъ во главѣ Московскаго правительства при Иванѣ Ивановичѣ и его сынѣ Димитріи и своимъ совѣтомъ и нравственнымъ авторитетомъ подкрѣплялъ всю тогдашнюю московскую политику. Наконецъ, и самые личныя свойства Московскихъ князей, которымъ историки отводятъ извѣстное мѣсто при объясненіи политическихъ успѣховъ Москвы, несомнѣнно также стоятъ въ связи съ вышеуказанною основною причиною. Личныя свойства людей развиваются и укрѣпляются въ извѣстной жизненной обстановкѣ. Обстановка Московскихъ князей была именно такова, что она должна была возбуждать въ нихъ стяжательные инстинкты, скопидомство,

страсть къ пріобрѣтеніямъ. Вслѣдствіе прилива населенія въ ихъ княжество быстро и неустанно росли ихъ военныя и финансовыя средства. Между тѣмъ вокругъ нихъ все бѣднѣло, худало и ослабѣвало. Чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше открывались Московскимъ князьямъ перспективы выгодно купить или пріобрѣсти какимъ-нибудь другимъ путемъ то или другое село, ту или другую волость, то или другое княжество. Въ такой обстановкѣ естественно должны были вырастать и развиваться князья-собиратели, направившіе всю свою энергію на примыслы.

Такъ, мало-по-малу Москва сдѣлалась политическимъ и церковнымъ центромъ великорусской народности. Къ этому центру сбилось населеніе стараго *Залѣсья*, сбились и всѣ наличныя у этого населенія матеріальныя и нравственныя силы, и Москва скоро сдѣлалась и торгово-промышленнымъ и культурнымъ центромъ великорусской народности.

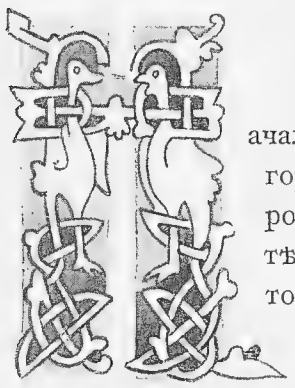


Изъ служебника св. Евфимія Архіеп. Новгородскаго.



Изъ Недѣльнаго Евангелія, писан. въ 1409 г.

Москва-городъ и Москва-народъ въ XIV и XV вв.



С. А. Князькова.

Начало XIV в. является важнымъ моментомъ въ исторіи города Москвы. Съ этого времени обозначается начало роста и усиленія Московскаго княжества, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ значеніе и города Москвы, какъ средоточія силъ и средствъ, способствующихъ росту новаго молодого княжества. Первый князь Московскій Даніилъ Александровичъ, сынъ Александра Невскаго, умеръ въ 1303 году, оставивъ своему наслѣднику всего два города, кромѣ Москвы, Переяславль да Можайскъ. Къ началу XIV в. Москва представляла изъ себя очень небольшое владѣніе, далеко еще не размежевавшееся съ своими сосѣдями, особенно съ сильнымъ и богатымъ великимъ княжествомъ Тверскимъ. Въ Твери княжили старшіе родичи Московскихъ князей. По смерти Александра Невскаго, завѣщавшаго Москву своему младшему сыну Даніилу, въ Твери княжилъ братъ Невскаго, Ярославъ. Этотъ Ярославъ былъ опекуномъ малолѣтняго Даніила, и городъ Москва управлялся тіунами великаго князя Ярослава до его смерти въ 1271 году. Послѣ этого десятилѣтній Даніилъ переселился въ Москву. Почти до самой кончины своей онъ жилъ дружно съ Тверью и прокняжилъ въ Москвѣ тридцать три года. За годъ до его

смерти племянникъ князь Иванъ завѣщалъ ему свой городъ Переяславль, изъ-за котораго и поднялся первый споръ Москвы съ Тверью. Къ этому времени Московское княжество, руководимое наслѣдникомъ Даніила, представляетъ изъ себя уже крупную силу, съ которой Тверь не можетъ справиться въ открытомъ бою, а самый городъ Москва настолько ужъ былъ укрѣпленъ и богатъ оборонительными сооруженіями, что тверичи, два раза подступавшіе подъ Москву, не могли взять города и отступали отъ его укрѣпленій, общее пространство которыхъ, по соображеніямъ И. Е. Забѣлина, занимало около трети нынѣшняго Кремля.

Успѣхъ борьбы за Переяславль, показавшій, что Москва не только равна по силѣ съ Тверью, но и превосходитъ ее, натолкнулъ наслѣдника Даніила, Юрія, на мысль, пользуясь своей силой, добиться великаго княженія, принадлежавшаго по праву старшинства Тверскому князю Михаилу Ярославичу. Но Тверской князь, какъ и Московскій, были въ то время вассалами татарскаго хана, и во власти татаръ было признавать великимъ, т.-е. старшимъ среди князей русскихъ, того, кого заблагоразсудится. Юрій Даниловичъ ѣдетъ въ Орду за великимъ княженіемъ. Татары посмотрѣли на эти притязанія Московскаго князя очень просто. «Если ты дашь выходу, т.-е. дани, больше князя Михаила, то мы дадимъ тебѣ великое княженіе»—сказали ему въ Ордѣ. Юрій пообѣщалъ дать больше. Но Михаилъ, пріѣхавшій тоже въ Орду, подбавилъ еще больше, Юрій не былъ въ состояніи прибавить еще, и великое княженіе осталось за Михаиломъ. Вернувшись въ Москву, Юрій сталъ дѣятельно заботиться о расширеніи предѣловъ своего княжества насчетъ сосѣдей, не очень заботясь о чистотѣ средствъ, которыя пускалъ въ ходъ для достиженія своихъ цѣлей. Онъ не постѣснился убить взятаго въ плѣнъ еще его отцомъ Рязанскаго князя и удержалъ за собой Коломну, гдѣ тотъ княжилъ. Нуждаясь въ деньгахъ для дани татарамъ, великій князь Михаилъ наложилъ большіе сборы на богатый Новгородъ. Новгородцы, недовольные Михаиломъ, вступили въ соглашеніе съ Московскимъ княземъ и вмѣстѣ съ нимъ стали бороться противъ Твери. Въ союзѣ съ новгородцами онъ сталъ держать Тверь въ постоянномъ опасеніи нападенія съ двухъ сторонъ — съ сѣвера, отъ Новгорода, и съ юга—отъ Москвы, не переставая жаловаться въ Ордѣ на притѣсненія, причиняемыя Михаиломъ Новгороду. Къ этому времени въ Ордѣ онъ успѣлъ сдѣлаться своимъ человѣкомъ, женился на сестрѣ хана Кончакѣ и получилъ себѣ въ помощь отъ него большой татарскій отрядъ. Родство съ ханомъ и наличіе татарскихъ силъ въ распоряженіи Московскаго князя привели къ тому, что къ Юрію присоединились въ его распрѣ съ Тверью князья Суздальскіе, Костромскіе, Ростовскіе. На этотъ разъ столкновеніе кончилось побѣдой Твери. Юрій бѣжалъ, весь его лагерь, жена и бояре очутились въ плѣну у Тверского князя. Надобно было случиться тому, что княгиня Юрьева скончалась въ Твери, и Юрій сейчасъ же сталъ распускать слухи, что его жену, сестру самого хана, отравилъ Тверской князь, вѣдомый врагъ хана, побившій его людей. Ханъ потребовалъ въ Орду князя Михаила на судъ. Великій князь Тверской повиновался и поѣхалъ. Еще раньше отправился въ Орду Юрій, чтобы подготовить гибель своего недруга. Юрій

KLISCHEES UND DRUCK VON F. BRUCKMANN A.-G., MÜNCHEN

Того лѣта кнѧзь великимихаилоѧро
сла́вичь. в ноу́къ ѧросла́вль пра́вну
всеволо́ж. ходи въ дроугїе к москвѣ рлю
всею силою. и бы бои оу москвы на па
мѧ стго апла́тита и мнѡго зла со
твори. и гра́да не взѧ въ ѿиде.

Борьба Москвы съ Тверью.

Изъ лѣтописи.

Съѣздъ кнѧзей въ Дмитровѣ.

Изъ лѣтописи.

Того лѣта по горѣ градъ торжокъ. Того же
лѣта бы съѣздъ всѣмъ кнѧземъ въ дмитро
вѣ. о кнѧженїлхъ. и бы молва велїа.
кнѧзь великиже андрѣи алексаидрови
володимерскїи. кнѧзь михаилоѧрослави
ѧрославичатферскїи. кнѧзь великида
нилоалеѯандровичмосковскїи. кнѧзь
иванъ дмитреевичь. в ноу́къ алекса
ндровъ переславскїи. и поделившеся

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ

Библіотека Народнаго
Университета
№
Екатеринославскаго Губернскаго
Земства

вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ Ковгадыемъ, начальникомъ даннаго ему въ помощь татарскаго отряда, обвинилъ великаго князя Михаила передъ ханомъ въ томъ, что онъ, великій князь Тверской, былъ гордъ и непокорливъ хану, позорилъ посла ханскаго Ковгадыя, бился съ нимъ и татаръ его побилъ, дани ханскія бралъ себѣ, хотѣлъ бѣжать къ нѣмцамъ съ казною, и казну въ Римъ къ папѣ отпустилъ, княгиню Юрьеву отравилъ. Михаилъ защищался, но ханскіе судьи явно держали сторону Москвы. Михаилъ былъ посаженъ подъ стражу въ тяжкихъ колодкахъ и затѣмъ убитъ приспѣшниками Московскаго князя.

Такимъ то путемъ, наконецъ, Юрій въ 1320 г. получилъ отъ хана ярлыкъ на великое княженіе, но великокняжеское достоинство не долго удержалось за Московскимъ княземъ. Сынъ Михаила, Димитрій, прозванный «Грозныя очи», оттягалъ обратно въ Ордѣ великокняжеское достоинство, обвинивъ Юрія въ утайкѣ ханской дани. Ханъ вызвалъ Юрія въ Орду. Туда же поѣхалъ и Димитрій. Здѣсь въ присутствіи хана Димитрій, какъ только увидѣлъ своего врага, виновника отцовской смерти, бросился на него и закололъ его мечомъ. Но, замѣчаетъ лѣтописецъ, — «не добро было и самому Димитрію, — кто что посѣетъ, тотъ то и пожнетъ». Ханъ велѣлъ убить Димитрія, а великое княженіе отдалъ брату Димитріеву Александру. Такъ закончились первыя столкновенія Москвы съ Тверью. Съ 1325 г. во главѣ обоихъ княжествъ стали новые люди, братья трагически погибшихъ въ Ордѣ Юрія Московскаго и Димитрія Тверского. Въ Москвѣ княжилъ Иванъ Даниловичъ, а въ Твери Александръ Михаиловичъ съ званіемъ великаго князя. Иванъ и до смерти брата былъ фактическимъ правителемъ Москвы. Юрій велъ очень непосѣдливый образъ жизни, къ которому его принуждали борьба съ Тверью и союзъ съ Новгородомъ. Изъ-за Твери ему приходилось ѣздить въ Орду и подолгу тамъ заживаться; союзъ съ Новгородомъ заставилъ его ходить въ походы противъ шведовъ. Все это держало его подолгу вдали отъ Москвы, и на Москвѣ хозяиномъ и устроителемъ города оставался братъ его Иванъ. За время отсутствія Юрія Иванъ успѣлъ подготовить одно чрезвычайно важное, имѣвшее громадныя послѣдствія для Москвы и Московскаго княжества дѣло. Онъ очень сблизился съ митрополитомъ всея Руси Петромъ и упросилъ его переѣхать на жительство въ Москву, покинуть Владиміръ на Клязьмѣ, гдѣ послѣ опустошенія Кіева обосновалась митрополія всея Руси. Въ описываемое время городъ Владиміръ на Клязьмѣ считался стольнымъ великокняжескимъ городомъ. Правда, великіе князья давно уже перестали обозначать свое старшинство переселеніемъ во Владиміръ; въ этомъ смыслѣ городъ Андрея Боголюбскаго давно пересталъ быть столицей сѣверной Руси, и только пребываніе въ немъ митрополита, главы духовенства всей великой и южной Руси, придавало Владиміру характеръ центра.

Митрополитъ имѣлъ тогда большое значеніе въ странѣ: независимый отъ князей, поставляемый византійскимъ патріархомъ, митрополитъ всея Руси былъ въ то время единственнымъ знаменемъ цѣлостности Руси. Для великаго князя было чрезвычайно важно то обстоятельство, чтобы митрополитъ жилъ въ его городѣ: непререкаемый авторитетъ святителя при до-

брыхъ личныхъ отношеніяхъ ставилъ необычайно высоко въ глазахъ всѣхъ самое значеніе великаго князя. Было это важно для великаго князя и по чисто матеріальнымъ соображеніямъ: черезъ подчиненное митрополиту духовенство открывалась возможность широкаго и властнаго воздѣйствія на другихъ князей; въ городѣ, гдѣ жилъ митрополитъ, со всѣхъ краевъ русской земли сходилось множество народа, подолгу заживавшагося, отчего казнѣ митрополичьей и великокняжеской былъ только прибытокъ. Такъ какъ путь изъ Владиміра на югъ лежалъ черезъ Москву, а митрополиту часто приходилось посѣщать отдаленные края своей митрополіи, то онъ часто проѣзжалъ черезъ Москву и подолгу останавливался въ этомъ городѣ. Богомольный князь Иванъ Даниловичъ всячески ублажалъ старца при его проѣздахъ, и митрополитъ въ свою очередь милостиво и съ любовью благословлялъ всѣ начинанія Московскаго князя.

Житіе митрополита Петра разсказываетъ, что по почину владыки князь Иванъ предпринялъ постройку каменнаго соборнаго храма во имя Успенія Пресв. Богородицы въ Кремлѣ. «Если меня, сыне, послушаешься,—говорилъ, по словамъ житія, митрополитъ Петръ,—храмъ Пречистой Богородицы построишь и меня упокоишь въ своемъ городѣ, то и самъ прославишься больше другихъ князей, и сыновья и внуки твои и городъ этотъ славенъ будетъ, святители станутъ въ немъ жить, и подчинитъ онъ себѣ всѣ остальные города». Случилось такъ, что митрополитъ Петръ и скончался въ Москвѣ (1326 г.), проживая на своемъ митрополичьемъ дворѣ, стоявшемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь возвышается Успенскій Соборъ. Преемникъ митрополита Петра, Ѳеогностъ, не поѣхалъ жить во Владиміръ, а остался въ Москвѣ, и Москва сдѣлалась такимъ образомъ церковной столицей всея Руси задолго до своего превращенія въ центръ политической жизни страны. Надо признать, что и самое возвышеніе Москвы до значенія политическаго центра во многомъ обусловливалось тѣмъ, что она раньше стала центромъ церковной жизни. Сюда стали теперь стягиваться всѣ тѣ безчисленныя нити, которыя связываютъ въ церковной жизни и отдѣльныхъ людей, и цѣлыя общества. Въ Москву потекли тѣ богатыя матеріальныя средства, которыми располагала тогдашняя церковь. Всюду, по всей Руси, стали прислушиваться къ тому, что дѣется на Москвѣ, и всякій поступокъ, всякое движеніе московскаго князя стало пріобрѣтать въ глазахъ всѣхъ особое значеніе—всѣ стали думать, что Московскій князь дѣйствуетъ и поступаетъ съ благословенія первосвятителя русской церкви.

Это было очень важно для Москвы, и лѣтописецъ, разсказывая о перенесеніи митрополіи изъ Владиміра въ Москву, правильно оцѣнилъ то впечатлѣніе, какое это событіе произвело на другихъ князей: «инымъ же княземъ многимъ,—говоритъ онъ, немного сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имяше въ себѣ живуща». Опираясь, съ одной стороны, на духовный авторитетъ владыки-митрополита всея Руси, умѣя, съ другой стороны, установить хорошія отношенія съ господствовавшими надъ всей Русью татарами, Московскіе князья со временъ Ивана Даниловича, дѣйствительно, высоко подымаются въ своей силѣ и значеніи надъ рядомъ другихъ князей.

Въ то самое время, когда Москва становилась церковной столицей всея Руси, соперникъ ея, Тверь, поссорился съ Ордою. Въ 1327 г. пріѣхалъ въ Тверь ханскій посолъ Чол-ханъ, или, какъ называютъ его наши лѣтописи, Щелканъ, двоюродный братъ самого хана Узбека. Пріѣхалъ онъ, вѣроятно, за сборомъ дани и при сборѣ сильно притѣснялъ Тверичей, отобралъ у самого великаго князя Александра дворъ и поселился въ немъ; его подначальные заняли дома лучшихъ Тверичей, грабили, насиловали, ковали ихъ въ оковы нѣмецкія.

Тверичи просили князя оборонить ихъ, но великій князь говорилъ только одно: «Терпите, терпите!» Тверичи терпѣли, но, наконецъ, ихъ терпѣніе лопнуло. Щелкана осадили въ великокняжескомъ домѣ и по приказу великаго князя сожгли вмѣстѣ съ домомъ; много татаръ было перебито; однихъ хватали, бросали съ камнями на шеяхъ въ воду, другихъ жгли на кострахъ. Это событіе погубило Тверь въ глазахъ Орды и опять подняло значеніе Москвы. Когда вѣсть о тверскихъ происшествіяхъ дошла до хана, онъ очень разсердился и рѣшилъ примѣрно наказать Тверь. Московскій князь Иванъ Даниловичъ оказался въ это время въ Ордѣ. По однимъ извѣстіямъ, онъ самъ отправился въ Орду немедленно послѣ тверскихъ событій, по другимъ—его вызвалъ ханъ. Изъ Орды Иванъ Даниловичъ возвратился въ сопровожденіи 50000 татаръ и съ приказомъ хана опустошить Тверь. Татары плохо разбирали, гдѣ тверскія владѣнія, гдѣ рязанскія, гдѣ суздальскія, и лавина ихъ съ огнемъ и мечомъ, грабя и убивая, прошла по всей землѣ; уцѣлѣли только Москва, какъ собственность предводителя экзекуціоннаго отряда, да Новгородъ, давшій татарамъ богатый выкупъ. Московскій князь получилъ великокняжеское достоинство, великій князь Александръ бѣжалъ въ Псковъ. Ханъ приказалъ Московскому князю достать ослушнаго вассала во что бы то ни стало. Но Псковичи наотрѣзъ отказались выдать князя Александра, надѣясь на крѣпкія стѣны своего города и на помощь нѣмцевъ. Тогда Иванъ Даниловичъ впервые пустилъ въ ходъ то сильное оружіе, которое давали ему въ руки близость и общеніе съ митрополитомъ. По настоянію его митрополитъ Ѳеогностъ проклялъ и отлучилъ отъ церкви князя Александра и весь Псковъ. Александръ ушелъ тогда въ Литву, о чемъ и донесли хану. Изъ Литвы достать бѣглеца было невозможно, и на время все успокоилось. Года черезъ полтора князь Александръ вернулся въ Псковъ, гдѣ оставалась его семья. Тоска по Твери, опасеніе за судьбу дѣтей, которыхъ бѣгство отца могло лишить наслѣдія, заставили князя Александра искать милости въ Ордѣ. Въ 1336 г. послалъ онъ къ хану своего сына узнать, нѣтъ ли надежды на прощеніе. Обстоятельства оказались благопріятны, и въ слѣдующемъ году князь Александръ самъ отправился въ Орду. «Я сдѣлалъ много зла тебѣ, — сказалъ онъ хану,—но теперь пришелъ принять отъ тебя смерть или жизнь, и готовъ на все, что Богъ возвѣститъ тебѣ сдѣлать со мной!» Хану понравилась покорность Тверского князя, и онъ не только простилъ его, но позволилъ снова занять Тверской столъ. Водвореніе въ Твери Александра вызвало большое недовольство въ Москвѣ. Тренія начались изъ-за того, что старые тверскіе бояре остались недо-

вольны Александромъ, который привелъ съ собой и возвысилъ у себя тѣхъ, кто оставался ему вѣрнымъ въ годы изгнанія. Многіе изъ старыхъ тверскихъ бояръ отъѣхали тогда въ Москву и стали служить Московскому великому князю. Въ 1339 г. Иванъ Даниловичъ отправился въ Орду, и вскорѣ послѣ его прибытія туда князь Александръ получилъ повелѣніе хана прибыть въ Орду. Повелѣніе это послѣдовало, какъ говоритъ лѣтописецъ, «думою великаго князя». Въ Ордѣ князь Александръ былъ убитъ. Московскій князь еще до гибели своего соперника вернулся въ Москву съ честію великой и пожалованіемъ. Значеніе Московскаго великаго князя, какъ особо довѣреннаго ханскаго слуги, поднялось очень высоко среди всѣхъ князей. Отъ хана великій князь Иванъ Даниловичъ получилъ полномочіе собирать ордынскую дань, что дало ему въ руки возможность вовремя прижимать рублемъ мало покорныхъ и непослушныхъ князей, добиваясь ихъ подчиненности; отъ огромнаго ордынскаго выхода образовывались, конечно, остатки, вольные и невольные лишки, пополнявшіе казну Московскаго великаго князя; самый сборъ дани, очутившись въ рукахъ Московскаго великаго князя, избавилъ страну отъ хищныхъ и жестокихъ татарскихъ сборщиковъ, что дало возможность народу хоть немного вздохнуть отъ ихъ неистовствъ, и лѣтопись поспѣшила отмѣтить этотъ фактъ, связанный съ вокняженіемъ Ивана Даниловича: «Сяде Іоанъ Даниловичъ на великомъ княженіи всеа Руси,—читаемъ въ лѣтописи,—и бысть тишина велика на 40 лѣтъ и преста́ша поганыи воевати Русскую землю и закалати христіанъ; и отдохнуша и упочинуша христіане отъ великія истомы и многія тягости и отъ насилія татарскаго, и бысть оттолѣ тишина велика по всей земли».

Эту великую тишину Московскій князь не замедлилъ использовать въ цѣляхъ обогащенія и расширенія владѣній. Пріемы и способы использованія тишины лѣтопись мѣтко называетъ «насильемъ московскимъ». Добившись великаго княженія, заслуживъ «смиренною мудростію» полное довѣріе татаръ, Иванъ Даниловичъ продолжалъ начатыя его отцомъ и братомъ заботы о примыслахъ, т.-е. объ увеличеніи своего удѣла. Отъ брата Юрія онъ унаслѣдовалъ все теченіе Москвы-рѣки—отъ Можайска въ верховьяхъ до Коломны при впаденіи въ Оку. Къ 1328 г., когда онъ сталъ великимъ княземъ, Иванъ примыслилъ къ своему удѣлу Звенигородъ, Серпуховъ, Рузу и Радонежъ. Вездѣ, гдѣ только могъ, во всѣхъ удѣлахъ онъ покупалъ села и деревни и, наконецъ, покупкой пріобрѣлъ цѣлыхъ три удѣльныхъ города съ ихъ округами — Бѣлозерскъ, Галичъ и Угличъ. Со временъ Ивана Даниловича великокняжескій столъ уже не уходилъ изъ рода Московскихъ князей, а это оставляло за ними городъ Владиміръ на Клязьмѣ; тогда же за Москвой остались Кострома и Перемышль; въ удѣлахъ мелкихъ князей, въ родѣ Ростовскихъ, Иванъ Даниловичъ распоряжался, какъ у себя дома,—въ Ростовъ, когда то богатый и сильный, онъ посылалъ намѣстниками своихъ бояръ; свою властную руку Московскій князь наложилъ и на Ярославль, и на Смоленскъ, и на Тверь, гдѣ онъ распорядился снять съ соборнаго Спасова храма колоколъ и перевезти его въ Москву, что тогда означало вступить во владѣніе по-

Кремль со стороны Москворѣцкаго моста.

Библіотека Народнаго
Университета
№
Владимірскаго Губернскаго
Земства

бѣжденнымъ городомъ. Новгородъ, вѣрный союзникъ Москвы въ ея борьбѣ съ Тверью, долженъ былъ оплачивать свою независимость усиленными выплатами денегъ, а въ случаяхъ промедленія платился занятіемъ московскими силами своихъ пригородовъ—Торжка и Бѣжецкаго верха; повиновались Москвѣ князья Суздальскіе, Рязанскіе, Смоленскіе. Всѣ князья должны были направлять свои доли ордынскаго выхода въ Москву, а въ Москвѣ часть собранныхъ даней дѣйствительно направляли въ Орду, часть же удерживали, и на эти деньги покупались отдѣльныя волости у обѣднѣвшихъ мелкихъ князей, украшалась, обстраивалась самая резиденція великаго князя—Москва. Первый каменный храмъ Москвы во имя Успенія Пресв. Богородицы былъ начатъ постройкой 4 августа 1326 г. Въ этомъ храмѣ, извѣстномъ впослѣдствіи подъ именемъ Успенскаго собора, митрополитъ Петръ собственными руками уготовалъ себѣ гробницу, въ сѣверной сторонѣ храма, возлѣ жертвенника; святитель умеръ 20 декабря того же года задолго до окончанія храма, «но,—говоритъ И. Е. Забѣлинъ,—упокоился въ той гробницѣ, послужившей какъ бы основнымъ камнемъ для могущества и величія дотолѣ мало замѣтнаго города Москвы». Оконченъ Успенскій соборъ былъ въ 1327 г. Вмѣстѣ съ митрополитомъ Ѳеогностомъ, окончательно поселившимся на житье въ Москвѣ, основались здѣсь многіе греческіе художники-иконописцы и архитекторы, и съ этого времени начинаютъ возникать въ Москвѣ одинъ за другимъ каменные храмы, украшенные стѣнописью, позолотой, всякой кузнью изъ дорогихъ и недорогихъ металловъ. Постройкой каменнаго храма ознаменовывается съ этихъ поръ, какъ памятникомъ на воспоминаніе грядущимъ поколѣніямъ и во славу Божію, всякій успѣхъ Москвы въ ея дѣлѣ собиранія земли. Покончивъ въ 1329 г. безъ пролитія крови трудное дѣло поимки Тверского князя по повелѣнію хана Узбека, Иванъ Даниловичъ началъ постройку второго каменнаго храма въ Москвѣ во имя св. Іоанна Лѣствичника. Дѣло съ Тверскимъ княземъ въ нравственномъ отношеніи было очень скользкое: русскому князю было приказано Узбекомъ схватить и выдать своего собрата на вѣрную смерть. Лѣтописецъ, не обинуясь, называетъ этотъ умыселъ дьявольскимъ. Нельзя было ослушаться хана, но и тяжело было выдавать своего. И когда князь Александръ развязалъ дѣло тѣмъ, что спасся въ Литву, дѣйствительно, можно было вздохнуть свободно—и повелѣніе хана было исполнено, и Тверской князь остался живъ. «Немудрено,—говоритъ И. Е. Забѣлинъ,—что въ тягостныхъ помышленіяхъ о жгучихъ затрудненіяхъ этого событія припоминалась многострадальная Лѣствица св. Іоанна, написанная и изображенная для спасенія отъ грѣховныхъ бѣдъ, окружающихъ человѣка, освобождавшая отъ этихъ бѣдъ по степенямъ восхожденія къ желанному спасенію», и вотъ, когда дѣло съ повелѣніемъ царевымъ устроилось сравнительно благополучно, Иванъ Даниловичъ и увѣковѣчилъ счастливый исходъ построеніемъ храма въ честь св. Іоанна Лѣствичника. Сотрудничество церкви въ этомъ дѣлѣ въ лицѣ главы духовенства, митрополита, связавшаго клятвой псковичей, если они не выдадутъ князя Александра, увѣковѣчено было пристройкой къ Успенскому собору третьяго каменнаго храма Москвы во имя спаденія веригъ св. Апостола Петра. Оба храма были построены въ

три мѣсяца. Такая быстрота строенія показываетъ прежде всего, что это были маленькія церковки, врядъ ли отличавшіяся особой красотой и благолѣпіемъ постройки. Оба эти храма давно исчезли съ лица земли, но имя ихъ было сохранено. Гораздо позднѣе церковь св. Іоанна Лѣствичника была опредѣлена служить колокольней для всѣхъ кремлевскихъ соборовъ, и тогда ее называли Иваномъ Святымъ, что подъ колоколы. При царѣ Борисѣ на мѣстѣ ея выстроили знаменитую колокольню Ивана Великаго, въ нижнемъ ярусѣ которой и былъ поставленъ престолъ древняго храма св. Іоанна Лѣствичника. Храмъ спаденія веригъ образовалъ въ 1479 г. особый предѣлъ во имя св. Петра Апостола въ перестроенномъ тогда Успенскомъ соборѣ. Четвертый каменный храмъ Иванъ Даниловичъ началъ постройкой тоже въ 1329 г. на мѣстѣ деревяннаго храма во имя Спаса Преображенія, извѣстнаго болѣе подъ именемъ храма Спаса на Бору. Эта церковь считается первой по постройкѣ въ Москвѣ, и средняя часть ея сохранилась, надо думать, безъ особыхъ измѣненій съ тѣхъ отдаленныхъ временъ до нашихъ дней. Эта небольшая, низкая церковь, темная, съ маленькими оконцами, толстыми стѣнами и грубо выполненными сводами можетъ дать намъ живое представленіе о томъ, какъ выглядѣли первые московскіе храмы. Въ 1333 г. Иванъ Даниловичъ строитъ пятый каменный храмъ во имя архистратига силъ безплотныхъ архангела Михаила на мѣстѣ деревянной церкви, воздвигнутой еще, можетъ быть, первымъ московскимъ княземъ Михаиломъ Хоробритомъ. Этотъ храмъ сталъ потомъ извѣстенъ подъ именемъ Архангельскаго собора и послужилъ усыпальницей своему строителю и всѣмъ его потомкамъ. Кромѣ этихъ каменныхъ храмовъ, въ Москвѣ временъ Ивана Даниловича было много деревянныхъ. Лѣтопись, повѣствуя о частыхъ въ то время пожарахъ деревянной насквозь Москвы тѣхъ временъ, всегда отмѣчаетъ количество сгорѣвшихъ церквей. Ихъ было не мало, и это позволяетъ думать, что Москва временъ сыновей Даніила была значительнымъ по размѣрамъ городомъ съ посадами и селами кругомъ. Постройкой названныхъ пяти каменныхъ храмовъ намѣтились мѣста и теперь существующихъ главнѣйшихъ зданій московскаго Кремля. Незадолго до своей кончины Иванъ Даниловичъ предпринялъ постройку новыхъ стѣнъ Кремля—«заложи градъ Москву дубовый», какъ говоритъ лѣтописецъ. Въ половинѣ XIX в., когда происходила постройка новаго императорскаго дворца, были найдены при рытьѣ фундамента остатки дубовыхъ стѣнъ Московскаго Кремля, воздвигнутыхъ при Иванѣ Даниловичѣ: это были огромныя дубовыя сваи, толщиной въ отрубѣ почти въ аршинъ. И. Е. Забѣлинъ, изслѣдовавшій направленіе этихъ остатковъ старинныхъ Московскихъ укрѣпленій, предполагаетъ, что предѣльная линія ихъ съ восточной стороны по ровной площади доходила до теперешняго Николаевскаго дворца, захватывая самый дворецъ и Чудовъ монастырь; здѣсь былъ обнаруженъ въ 1874 г. глубокій ровъ, опоясывавшій Кремль; съ западной стороны, по теченію Неглинной, дубовыя стѣны города оканчивались противъ теперешней Никитской улицы, которая была тогда большой дорогой, связывавшей черезъ Волокъ-Ламскій Новгородъ съ пристанью на Москвѣ-рѣкѣ, находившейся тамъ, гдѣ теперь

стоитъ церковь св. Константина и Елены. Съ южной стороны дубовая стѣна шла по теченію Москвы-рѣки. Противъ угла соединенія южной стѣны съ восточной, вблизи москворѣцкой пристани, къ другому берегу Москвы-рѣки выходила большая Ордынская дорога, теперь улица Большая Ордынка; со стороны нынѣшнихъ Никольскихъ воротъ стѣна дубоваго Кремля шла черезъ нынѣшній арсеналъ къ Чудову монастырю и у Новаго дворца смыкалась съ восточной стѣной.

Гдѣ былъ построенъ и какъ выглядѣлъ самый дворъ первыхъ Московскихъ князей, неизвѣстно. Изслѣдователи первоначальной исторіи Москвы думаютъ, что княжій дворъ былъ построенъ сначала на крутомъ углу Боровицкаго холма, на который еще въ началѣ XIX в. труденъ былъ въѣздъ по крутизнѣ подъема. Если церковь св. Іоанна Предтечи подъ Боромъ была первой въ древнѣйшей Москвѣ, то и первый княжескій дворъ долженъ былъ находиться возлѣ этой церкви. При Иванѣ Калитѣ княжескій дворецъ стоялъ, надо думать, поодаль отъ Боровицкихъ воротъ, къ востоку отъ нихъ, на мѣстѣ нынѣшняго дворца, передъ церковью Благовѣщенія, что на Княжьихъ Сѣняхъ, построенной, по сказаніямъ, въ 1291 г. По внѣшнему виду княжій дворецъ въ Москвѣ представлялъ изъ себя, вѣроятно, довольно запутанное скопленіе отдѣльныхъ клѣтей, рубленныхъ изъ толстыхъ бревенъ въ четыре угла, связанныхъ другъ съ другомъ отдѣльными переходами и галлереями. Среднія клѣти были, вѣроятно, увѣнчаны теремами съ причудливыми кровлями, пестро раскрашенными, можетъ быть, позолоченными; рѣзьба, несомнѣнно, украшала окна, гребни крышъ, крыльцо. Княжій дворецъ былъ средоточіемъ всей жизни города; люди шли на поклонъ князю, за судомъ и правдой, сюда собирались по утрамъ бояре князя, здѣсь выслушивали они его распоряженія и давали свои совѣты, сюда приходили начальники отдѣльныхъ частей княжого хозяйства съ отчетами по своему управленію и за распоряженіями. Московскіе князья XIII и XIV вв.—по преимуществу князья-хозяева, скопидомы и устроители своего личнаго благополучія, и потому самая резиденція ихъ должна была носить строго-хозяйственный характеръ большого помѣстья-вотчины. Княжій дворъ—крѣпость, окруженный могучими дубовыми стѣнами, стоялъ среди деревень и слободъ, составлявшихъ тогдашнюю Москву, и всѣ эти деревни и села имѣли какое-либо служебное назначеніе въ хозяйствѣ князя, доставляли все нужное для его дома и хозяйственнаго обихода. Этотъ характеръ княжой вотчины Москва сохраняла и долго послѣ того, какъ сдѣлалась политическимъ центромъ Великороссіи. Многія улицы и урочища нынѣшней Москвы своими названіями напоминаютъ, что когда то стояли на ихъ мѣстахъ хозяйственныя дворцовыя села и угодья. Непосредственно къ Кремлю примыкаетъ теперь улица Остоженка, старое Остожье или село Сѣнчинское, съ обширными лугами подъ Дѣвичьимъ полемъ, гдѣ паслись табуны княжьихъ коней и заготовлялись стоги сѣна на зиму. Также находящіяся невдалекѣ отъ Кремля улицы Поварская со Столовымъ, Хлѣбнымъ и Скатертнымъ переулками имѣли когда то живое отношеніе къ княжескому столу; улицы Садовники и Огородники поставляли овощи, Кречетники—дичь. Нельзя сомнѣваться, что всѣ такіе

служебные поселки возникли очень рано и въ давнее время дѣломъ оправдывали тѣ названія, какія сохранились за ними до нашихъ дней.

О населеніи московскихъ посадовъ, объ устройствѣ его быта и жизни въ тѣ древнія времена мы ничего не знаемъ. Упоминаніе лѣтописцами должности тысяцкаго позволяетъ заключать, что для военныхъ нуждъ стародавняя Москва выставляла полкъ-тысячу со своимъ выборнымъ начальникомъ-тысяцкимъ во главѣ. Но какъ это все было, въ какомъ отношеніи стоялъ этотъ тысяцкій къ князю, какъ его выбирали—все это почти безслѣдно скрыла отъ насъ сѣдая древность.

Великій князь Иванъ Даниловичъ скончался 31-го марта 1340 года. Въ памяти народной онъ остался съ прозвищемъ Калиты. Калита—поясной мѣшокъ для денегъ. Такъ прозвали Московскаго князя за его скопидомство, за умѣнье добыть копейку, во-время ее придержать, во-время и на дѣло истратить. Но это первоначально ироническое прозвище пріобрѣло въ представленіи потомства совсѣмъ другой характеръ, когда для внуковъ и правнуковъ современниковъ Калиты выяснились плоды его политики. Съ Ивана Калиты началось хозяйственное, мирное, домовитое устройство Московскаго удѣла; Иванъ Калита «исправилъ землю русскую отъ татей», т.-е. заботился о безопасности, необходимой для мирной хозяйственной дѣятельности; свой Московскій удѣлъ онъ стремился заселять промышленными и рабочими людьми, призывая ихъ изъ другихъ княжествъ обѣщаніями всякихъ льготъ и привилегій; толпами покупалъ Калита въ Ордѣ русскихъ плѣнниковъ и селилъ у себя на Москвѣ, создавалъ цѣлыя слободы и села для этихъ полонянниковъ. Иванъ Калита щедро раздавалъ пособія и милостыню. Благодаря этому, на его земляхъ основывались прочныя хозяйства, которыя онъ поддерживалъ, охраняя отъ татей, давая всегда скорый судъ. Когда плоды этой политики сказались, ироническое вначалѣ прозвище Калиты и пріобрѣло болѣе высокій моральный смыслъ, стало характеризовать Ивана Даниловича, какъ нищелюбца, неустаннаго раздавателя милостыни. Старинное преданіе, создавшееся около половины XV в., повѣствуетъ, что разъ во время мора обмирала одна инокиня; очнувшись, она разсказывала, какъ видѣла въ раю великаго князя Ивана Даниловича Калиту: такъ онъ прозванъ былъ, объясняетъ повѣствователь о видѣніяхъ инокини,—за свое нищелюбіе, потому что всегда носилъ за поясомъ мѣшокъ съ деньгами—калиту, изъ котораго подавалъ нищимъ, сколько рука захватитъ. Въ другой повѣсти разсказывали, какъ подошелъ разъ къ князю нищій и просилъ дать милостыню. Князь далъ нищему; нищій подошелъ тогда еще разъ и еще разъ получилъ даяніе; тогда нищій подошелъ за милостыней въ третій разъ, князь далъ ему и въ третій разъ, но сказалъ при этомъ, осердясь на неотступныя просьбы: «На, возьми, несытыя зѣнки!»—«Самъ ты несытыя зѣнки,—отвѣтилъ ему на это нищій,—и здѣсь царствуешь, и на томъ свѣтѣ царствовать хочешь». «Это—тонкая хвала въ грубой формѣ,—замѣчаетъ проф. В. О. Ключевскій,—нищій хотѣлъ сказать, что князь милостыней, нищелюбіемъ старается заработать себѣ царство небесное». Изъ этого ясно стало, продолжалъ разсказчикъ, что нищій посланъ былъ отъ Бога искусить князя и

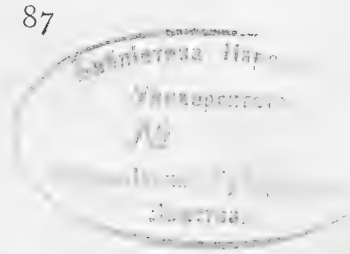
возвѣстить ему, что «по Бозѣ бяше дѣло его, еже творитъ». Такъ откристаллизировался въ народномъ представленіи позднѣйшихъ поколѣній, ощущавшихъ плоды политики Калиты, характеръ дѣятельности первыхъ Московскихъ князей, Ивана Калиты прежде всего, потому что своей дѣятельностью онъ завершалъ мелкую хищническую дѣятельность своего отца и брата, не выходившую за предѣлы очень узкихъ желаній примыслить къ своему удѣлу тотъ или иной кусокъ; съ другой стороны, былъ провозвѣстникомъ новыхъ основъ въ политикѣ Москвы, когда интересы характера государственнаго начинаютъ преобладать надъ интересами чисто хозяйственными. Въ этомъ смыслѣ особое значеніе пріобрѣтаетъ то обстоятельство, что Иванъ Даниловичъ принялъ титулъ великаго князя всея Руси. Такъ величали себя еще Тверскіе князья, когда обладали великокняжескимъ Владимірскимъ столомъ, но у нихъ это былъ титулъ безъ содержанія. Московскій же князь, облеченный властью собирать ордынскій выходъ со всѣхъ князей русскихъ, дѣйствующій во всемъ съ благословенія митрополита всея Руси, является княземъ всея Руси не по титулу только, а по дѣйствительному своему значенію. Это притягательное, объединяющее значеніе сказывается въ томъ, что со временъ Калиты начинается длинный рядъ переселеній въ Москву знатныхъ слугъ другихъ удѣльныхъ князей. Выше упоминалось уже, что въ Москву переѣхало много знатныхъ тверскихъ бояръ; лѣтописецъ разсказываетъ, какъ выѣхалъ въ Москву изъ Кіева нѣкто Родіонъ Нестеровичъ и привелъ съ собой 1700 отроковъ; при Калитѣ пришелъ въ Москву изъ Орды мурза Четъ, предокъ Годуновыхъ, а изъ Пруссъ якобы выѣхалъ знатный человѣкъ Андрей Кобыла, предокъ Романовыхъ.

До насъ дошло немного памятниковъ, связанныхъ съ именемъ Калиты. Деревянная Русь такъ часто горѣла и выгорала до-тла, что надо удивляться, какъ сохранилось и то, что сохранилось. Среди памятниковъ первое мѣсто занимаютъ, конечно, двѣ душевныя граматы (т.-е. духовныя завѣщанія) Калиты, написанныя имъ въ 1328 г. Въ этихъ граматахъ великій князь, «идя въ Орду, никѣмъ не нуженъ (не принуждаемый), цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьи даетъ рядъ сыномъ своимъ и княгинѣ своей». Въ этихъ завѣщаніяхъ, распорядившись о такихъ важныхъ вещахъ, какъ наслѣдованіе земли и опека надъ младшими, Калита заботливо и тщательно, какъ хорошій хозяинъ-работникъ, горбомъ создавшій всякую мелочь своего домовитаго обихода, перечисляетъ всѣ эти мелочи, находя каждой своего наслѣдника, опредѣляя каждую на ея мѣсто: въ этомъ перечисленіи не забыто ничего по части посуды, украшеній, носильной одежды, или, по-тогдашнему, «портищъ»; тутъ и «чаши золоты съ жемчугомъ», блюда и блюдцы золотыя, серебряныя съ камнями и простые кованые ковши, чары, пояса съ жемчугомъ, съ каменьями, на шелку, на кожѣ, царевскіе, т.-е. ордынскіе, и фряжскіе, т.-е западно-европейской работы, шапки золотыя, бармы, гривны, т.-е ожерелья, обручи, т.-е. кольца, монисты, коробочки золотыя, сердоликовыя, кожухи, т.-е. шубы, червленый съ жемчугами, желтой объяри, соболій съ наплечниками и съ великимъ жемчугомъ и съ каменьемъ, скарлатное портище и т. д. до самыхъ мелочей, и

всему, всему заботливо найдено назначеніе: «блюдо великое о 4 кольца отдать святой богородицѣ Владимірской. Три сельца отдать въ монастыри на поминъ души. Серебряные пояса раздать по попьямъ...» Обѣ граматы снабжены серебряными печатями, восьмигранной формы; на одной сторонѣ печати изображеніе Спасителя, благословляющаго правой рукой, а въ лѣвой держащаго Евангеліе; на другой сторонѣ ея образы св. Іоанна Предтечи, тезоименитымъ которому былъ Калита; святой изображенъ благославляющимъ правой рукой, а въ лѣвой держащимъ разгнутый свитокъ. Надпись на печати гласитъ: «печать великаго князя Ивана». У второй граматы къ печати великокняжеской, на одномъ шнурѣ съ ней, прикрѣплена еще печать свинцовая, вѣроятно, татарская, привѣшенная, можетъ быть, въ Ордѣ въ удостовѣреніе подлинности граматы. Изъ другихъ памятниковъ временъ Калиты, сохранившихся до нашего времени, особенно замѣчательны митрополичья шапка Петра митрополита изъ полосатаго атласа съ горностаевой опушкой, посохъ и писанная самимъ св. Петромъ икона Успенія Пресв. Богородицы. Въ Оружейной Палатѣ хранится посохъ самого Калиты, подаренный имъ, по преданію, Петру митрополиту, а въ Патріаршей ризницѣ хранятся золотая панагія и саккосъ св. Петра.

По смерти Калиты поднялось было въ Ордѣ соперничество русскихъ князей изъ-за великаго княженія, но ханъ и его вельможи припомнили, сколько даровъ они получали отъ покойнаго великаго князя, припомнили тишину, какую онъ установилъ во всемъ русскомъ улусѣ, какъ они называли подвластную имъ русскую землю, и объявили старшаго сына Калиты Семена великимъ княземъ Владимірскимъ (1341 г.). Лѣтопись разсказываетъ, что дѣти Калиты были приняты въ Ордѣ съ честію и любовію великой, потому что ханъ Узбекъ очень любилъ и чтилъ ихъ отца. Новому великому князю, старшему сыну Калиты Семену, ханъ отдалъ «подъ руки» всѣхъ князей русскихъ. Это былъ новый и очень важнаго значенія шагъ въ растущемъ возвышеніи Москвы и ея князя: «простой отвѣтственный прикащикъ хана по сбору и доставкѣ дани, Московскій князь сдѣланъ былъ полномочнымъ руководителемъ и судьей русскихъ князей». Великій князь Семенъ былъ у хана въ великомъ почетѣ, и всѣ князья русскіе, и Рязанскіе, и Ростовскіе, и Тверскіе, столь подручны ему были, говоритъ лѣтописецъ, что «вся по глаголу его творяху». Есть извѣстіе, что великій князь Семенъ Ивановичъ, принявъ «подъ руцѣ своя всѣхъ русскихъ князей», заставилъ младшую братію «цѣловать у отняго гроба крестъ на томъ, что они всѣ будутъ заодно и будутъ чтить его во отца мѣсто, имѣя общихъ враговъ и друзей». Младшіе князья должны были спрашивать у великаго князя даже разрѣшенія на выдачу дочерей своихъ замужъ. За великимъ княземъ Семеномъ сохранилось прозваніе «Гордый», и оно, можетъ быть, лучше всего символизуетъ характеръ совершившейся перемѣны въ отношеніяхъ сѣверно-русскихъ князей. Но, гордый со своими подручными князьями, Московскій великій князь умѣетъ смирять свою гордость передъ Ордой, обусловливающей его первенствующее значеніе въ сѣверо-восточной Руси, и за свое двѣнадцатилѣтнее княженіе Семенъ Ивановичъ успѣлъ пять разъ побывать въ Ордѣ, богатыми по-

дарками направо и налѣво и угодливой покорностью доказывая татарамъ всю выгоду для нихъ имѣть дѣло съ Русью черезъ Москву и ея великаго князя. Но за этой угодливостью таились широкіе планы. Одно, впрочемъ, довольно смутное извѣстіе говоритъ, что великій князь Семенъ, угождая татарамъ и круто подчиняя татарскими руками сѣверно-русскихъ князей своей волѣ, выдвигалъ имъ, какъ конечную цѣль, освобожденіе отъ татарскаго ига, первымъ шагомъ къ этому считая объединеніе всѣхъ князей подъ рукой Москвы. Великій князь Семенъ, оправдывая свое прозваніе «Гордый», первый изъ князей попробовалъ свысока отнестись къ тому своеобразному положенію, какое занималъ въ тогдашней сѣверной Руси Великій Новгородъ. Самостоятельный въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ и независимый отъ другихъ князей, Новгородъ связанъ былъ съ остальною Русью татарскимъ владычествомъ, распространявшимся и на него. Въ этомъ смыслѣ онъ находился въ извѣстной зависимости и отъ великаго князя, вѣдавшаго по порученію хана весь русскій улусъ. Только съ этой стороны новгородцы и признавали нѣкоторое право великаго князя вмѣшиваться въ ихъ дѣла, да и то послѣ извѣстнаго ряда съ нимъ. Великій князь Семенъ, вернувшись изъ Орды съ властью великаго князя, вмѣсто того, чтобы лично поѣхать въ Новгородъ и урядиться о даняхъ и оброкахъ, какъ требовалось то обычаемъ, послалъ туда своихъ намѣстниковъ. Намѣстники Московскаго князя заняли Торжокъ, новгородскій пригородъ, и стали собирать дань, притѣсняя жителей. Новгородцы послали тогда сказать великому князю: «Ты еще не сѣлъ у насъ на княженіи, а ужъ бояре твои насильничаютъ!» Семенъ отвѣтилъ на это тѣмъ, что собралъ всѣхъ подручныхъ князей и пошелъ на Новгородъ. Новгородцы просили мира, но настаивали на рядѣ. Великій князь согласился исполнить все по старымъ граматамъ и обычаю, но взялъ за это съ новгородцевъ «черный боръ», т.-е. поголовный сборъ, и потребовалъ, чтобы новгородскія власти униженно просили у него прощенія; босые, одѣтые въ смирное платье, съ нечесанными бородами стояли передъ Московскимъ великимъ княземъ новгородскіе послы, прося прощенія, и великій князь простилъ ихъ. Никто больше не поднимался противъ Семена Ивановича, и онъ, предоставляя Тверскимъ, Рязанскимъ князьямъ спорить и тягаться другъ съ другомъ въ ихъ удѣлахъ, мало вмѣшивался въ эти дрязги, не допуская у себя на Москвѣ и тѣни какого-либо противодѣйствія со стороны своихъ братьевъ; на Москвѣ было поэтому тихо и мирно, и народъ продолжалъ переселяться въ московскіе предѣлы по-прежнему усиленной волной. Въ 1346 г. пришелъ къ великому князю на житье даже одинъ изъ Тверскихъ князей съ людьми своими. Главное вниманіе Семена отъ внутреннихъ русскихъ дѣлъ отвлекалось въ другую сторону. Одновременно съ тѣмъ, какъ сѣверно-русскія княжества объединялись въ вольный или невольный союзъ подъ главенствомъ Москвы, юго-западныя русскія земли стали сливаться еще больше неволею, чѣмъ сѣверныя около Москвы, около Литвы. Къ 1340-мъ годамъ эти два соединенія русскихъ земель—сѣверо-восточное съ Москвой во главѣ и юго-западное съ Литвой—опредѣлились вполнѣ. Литовцы, подчинивъ себѣ юго-западъ Руси, потянулись и за зем-



лями, входившими въ кругъ подчиненія Москвѣ. Въ 1341 г. великій князь литовскій Ольгердъ появился подъ Можайскомъ, но былъ отбитъ. Тогда онъ послалъ въ Орду своего брата къ хану Чанибеку и, указывая ему на возрастающее могущество Москвы, брался низложить гордыню князя великаго Семена, если ханъ дастъ ему на то позволеніе и помощь. Но великій князь Семенъ легко парализовалъ замыселъ Ольгерда, пославъ сказать хану: «Смотри, царь, Ольгердъ уже опустошилъ твои улусы (юго-западныя русскія волости) и вывелъ ихъ въ плѣнъ; теперь то же хочетъ сдѣлать съ нами, твоими вѣрными улусами; если допустишь это, то онъ, разбогатѣвши и усилившись, вооружится на тебя». Ханъ согласился съ великимъ княземъ Московскимъ и даже выдалъ ему Ольгердова посла. Ольгердъ послалъ тогда посольство въ Москву, прося отпустить своего ордынскаго посланника. Великій князь исполнилъ просьбу, отпустилъ посла, и между Москвой и Литвой установились дружескія отношенія, скрѣпленныя бракомъ самого Ольгерда и его брата на родственницахъ великаго князя Московскаго, на княжнахъ Тверской и Ростовской. Этотъ бракъ Ольгерда съ Тверской княжной сблизилъ Литовскаго великаго князя не столько съ Москвой, сколько съ ея побѣжденной соперницей—Тверью, гдѣ родство съ сильнымъ Литовскимъ княземъ возбудило заглохнувшія было надежды на первенство передъ Москвой.

Великій князь Семенъ скончался въ 1353 г. среди всѣхъ этихъ назрѣвавшихъ событій, сраженный моровой язвой, посѣтившей русскую землю въ 1352 г. и загостившейся въ ея предѣлахъ нѣсколько лѣтъ. Наслѣдникомъ Семеновымъ былъ младшій братъ его Иванъ, за которымъ ханъ призналъ и великокняжеское достоинство, давъ ему еще при этомъ судебную власть надъ всѣми князьями сѣверной Руси. Уже великій князь Семенъ обладалъ этимъ правомъ съ дозволенія хана, теперь оно было закрѣплено за великимъ княземъ Иваномъ Ивановичемъ особой граматой, въ которой ханъ приказывалъ князьямъ русскимъ слушаться во всемъ великаго князя Ивана, судиться у него во всѣхъ своихъ спорахъ и взаимныхъ недоразумѣніяхъ, а за обиды со стороны великаго князя жаловаться хану. Великій князь Иванъ Ивановичъ прожилъ недолго и умеръ въ 1359 году, оставивъ двухъ малолѣтнихъ сыновей, Димитрія и Ивана, и малолѣтняго же племянника Владиміра Андреевича.

Казалось, что для соперниковъ Москвы создаются чрезвычайно выгодныя условія, дающія имъ возможность стереть рогъ московской гордыни и поставить этотъ младшій городъ на подобающее ему мѣсто. Кстати и въ Ордѣ происходили безпорядки, явилось два хана-соперника. Суздальскій князь Димитрій поспѣшилъ въ Орду и получилъ отъ одного изъ хановъ ярлыкъ на великое княженіе. Этотъ Суздальскій князь подыскался подъ великое княженіе даже мимо своего старшаго брата, и потому стали говорить, что онъ получилъ ярлыкъ «не по отчинѣ и не по дѣдинѣ». Чтобы удержать за собой великокняжеское достоинство, князь Димитрій Суздальскій переѣхалъ на житье во Владиміръ. Но недаромъ великокняжескій столъ почти полстолѣтія не выходилъ изъ рода князей Московскихъ. Политическая сила и значеніе Москвы привлекли за это время къ

ея князьямъ цѣлыя группы знатныхъ слугъ, старинныхъ наслѣдственныхъ сотрудниковъ и довѣренныхъ, которые вмѣстѣ съ князьями думали о строеніи земскомъ, о войнѣ и мирѣ, водили въ бой полки, держали судъ и управленіе въ мирное время. Эти старые бояре не могли равнодушно отнестись къ тому, что великокняжеское достоинство отходитъ отъ Московскаго князя. За пятьдесятъ лѣтъ они пустили глубокіе корни въ московскую почву, обзавелись имѣніями, домами, и все это не легко было покинуть, если ужъ помириться съ мыслью о потерѣ Москвой ея первенства и уйти на службу къ новому великому князю. Но какъ уйти? У новаго великаго князя первое мѣсто займутъ, конечно, его привычные старинные бояре, и пришельцу придется потратить много усилій, чтобы войти въ кругъ довѣренныхъ слугъ, если даже его и примутъ по пріѣздѣ съ большимъ почетомъ, только внѣшнимъ. Не уѣзжать, оставаться въ Москвѣ—значило перейти съ почетной и привычной степени бояръ старѣйшаго и сильнѣйшаго князя на степень бояръ князя молодшаго. Какъ можно думать, Иванъ Калита и его наслѣдникъ жили очень согласно со своими боярами; это обусловливалось выгодностью согласія для обѣихъ сторонъ. «Выгоды московской службы росли вмѣстѣ съ политическими успѣхами Москвы: отсюда дружное содѣйствіе, какое Московскій князь XIV в. находилъ въ своихъ и иногда даже въ чужихъ боярахъ. Это пріучало московскихъ бояръ дѣйствовать въ одномъ направленіи, воспитывало въ нихъ твердыя политическія привычки и сочувствія, политическое преданіе... У московскихъ бояръ создавалось, благодаря послѣдовательному и упорному дѣйствованію въ одномъ направленіи, больше сословной сплоченности и больше политической выправки, чѣмъ у бояръ въ другихъ княжествахъ. Сплотившись между собой и съ княземъ, московскіе бояре переставали быть случайными товарищами по службѣ, подвижными правительственными наемниками. Все это должно было отразиться на значеніи московскаго боярина, какъ совѣтника княжескаго. Въ думѣ съ княземъ онъ былъ нуженъ послѣднему не столько, какъ приказчикъ, завѣдующій извѣстной частью дворцоваго хозяйства, или какъ пріѣзжій вольный наемникъ, котораго надобно было связать словомъ въ пользу извѣстнаго предпріятія: здѣсь онъ былъ важенъ для князя больше, какъ хранитель мѣстной политической пошлины, какъ старый и вѣрный отцовскій слуга, радѣвшій княжескому дому и его отчинѣ, связанный съ нимъ одинаковыми постоянными интересами. Отсюда большое политическое вліяніе, съ какимъ является московское боярство при своемъ князѣ въ событіяхъ XIV и XV вв. Московскіе князья свято берегутъ основы этого сотрудничества и передаютъ ихъ своимъ наслѣдникамъ не безъ трогательнаго чувства любви къ своимъ сотрудникамъ, какое сквозитъ, напримѣръ, въ душевной граматѣ великаго князя Семена Гордаго: «А по отца нашего благословенію—писалъ Семенъ Гордый,—и то намъ приказалъ: жити за одинъ; тако же и азъ вамъ приказываю своей братіи жити за одинъ; а лихихъ бы есте людей не слушали, слушали бы отца нашего владыки Алексѣя, такоже старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ, а пишу вамъ се слово того дѣля, чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша, и свѣча бы (надъ гробомъ) не угасла»...

Сплоченное временемъ и личнымъ интересомъ около Москвы, московское боярство крѣпко стояло за своихъ князей. Такъ это было при малолѣтнемъ князѣ Димитріи. Десятилѣтняго Димитрія снарядили въ дальній путь въ Орду, куда онъ прибылъ въ сопровожденіи старѣйшихъ слугъ своего отца и дяди, хорошо вѣдомыхъ въ Ордѣ. Московскіе бояре обратились къ сильнѣйшему изъ двухъ соперничавшихъ тогда хановъ Мюриду, именемъ котораго правилъ сильный воевода-темникъ — Мамай. Мюридъ далъ малолѣтнему Димитрію ярлыкъ на великое княженіе. Вернувшись домой, бояре «посадили на конь» всѣхъ трехъ малолѣтнихъ князей и пошли противъ Димитрія Суздальскаго, засѣвшаго во Владимірѣ. Суздальскій князь не могъ противиться и бѣжалъ. Великій князь Димитрій Ивановичъ занялъ великое княженіе Владимірское и всея Руси, сталъ первымъ и старѣйшимъ среди всѣхъ сѣверно-русскихъ князей, несмотря на свои одиннадцать лѣтъ. Конечно, первымъ на дѣлѣ сталъ не малолѣтній князь, а сплоченный кругъ старыхъ московскихъ бояръ да владыка Алексѣй. Кто были эти бояре, мы не знаемъ, потому что историческое преданіе сохранило только кое-какія имена, не очертивъ характеровъ и физіономій, а вѣчно горѣвшая Русь потеряла въ пламени слишкомъ много памятниковъ, которые только и могли бы вскрыть передъ нами живыхъ людей и живыя чувствованія московскаго боярства тѣхъ временъ. Несомнѣнно только одно, что во главѣ этихъ бояръ въ описываемое время стоялъ «владыка митрополитъ Алексѣй», происходившій самъ изъ старѣйшихъ московскихъ бояръ. Его отецъ былъ при Даніилѣ правителемъ Москвы; воспріемникомъ отъ купели Алексѣя, въ міру Симеона, былъ самъ великій князь Иванъ Даниловичъ Калита, тогда еще совсѣмъ молодой человѣкъ. Двадцати лѣтъ отъ роду Симеонъ постригся въ монахи, получивъ иноческое имя Алексѣй; духовный подвигъ свой инокъ Алексѣй несъ въ московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, построенномъ Калитой. Здѣсь Алексѣй очень сошелся съ инокомъ Стефаномъ, роднымъ братомъ знаменитаго впослѣдствіи подвижника, троицкаго игумена Сергія, тоже не мало потрудившагося для возвышенія Москвы объ руку съ митрополитомъ Алексѣемъ. Митрополитомъ всея Руси Алексѣй сталъ съ 1354 года, т.-е. при великомъ князѣ Семенѣ Гордомъ. Близкій къ великокняжеской семьѣ, родичъ старѣйшихъ бояръ, митрополитъ Алексѣй занялъ высокое мѣсто при Московскомъ князѣ и весь свой духовный авторитетъ вложилъ въ дѣло возвышенія родного города. Великій князь Семенъ, лежа на смертномъ одрѣ, дѣйствительно не могъ дать своему болѣзненному брату и малолѣтнимъ племянникамъ лучшаго руководителя и наставника, нежели «владыка Алексѣй». Вмѣсто великаго князя митрополитъ Алексѣй не разъ ѣздилъ въ Орду и сумѣлъ тамъ такъ расположить къ себѣ хана Чанибека, что тотъ призывалъ даже митрополита всея Руси молиться о своей заболѣвшей женѣ Тайдулѣ. И когда эта Тайдула выздоровѣла послѣ молитвъ св. Алексѣя, ханъ одарилъ «главнаго попа русскаго» большими подарками и увеличилъ льготы русскому духовенству. Всѣ двадцать четыре года своего святительства (1354—1378 гг.) митрополитъ Алексѣй былъ твердымъ стоятелемъ за Москву и ея князя. Особенно много труда пришлось положить

святителю въ тяжелые годы послѣ смерти великаго князя Ивана Ивановича при его малолѣтнемъ преемникѣ Димитріи. Стараясь заранѣе предупредить возможность возникновенія распри среди самихъ московскихъ князей, митрополитъ заставилъ малолѣтняго великаго князя Димитрія и его двоюроднаго брата Владиміра цѣловать крестъ на томъ, что они будутъ жить мирно; Владиміръ обѣщался слушаться во всемъ великаго князя, а Димитрій клялся, что будетъ держать двоюроднаго брата въ любви и ласкѣ, не посягая на его Серпуховской удѣлъ. Чума, унесшая въ могилу Семена Гордаго, погубила многихъ другихъ князей; оставшіеся въ живыхъ подняли ссоры и распри за выморочные удѣлы, и владыка Алексѣй, чтобы прекратить смуты, не стѣснялся отлучать отъ церкви, закрывать храмы и прекращать священнослуженіе въ городахъ тѣхъ князей, которые были, по его мнѣнію, заводчики злу. Москва, ея дѣла и обстоятельства до такой степени заполняли время и досугъ святителя, что Литовскій князь Ольгердъ не безъ нѣкоторыхъ основаній могъ жаловаться на митрополита Алексѣя патріарху, что онъ, митрополитъ, «ни къ намъ (въ литовскія православныя области) не приходитъ, ни въ Кіевъ не наѣзжаетъ. И кто поцѣлуетъ крестъ ко мнѣ и убѣжитъ къ нимъ (т.-е. въ Москву), митрополитъ снимаетъ съ него крестное цѣлованіе».

Мало того, что митрополитъ снималъ крестное цѣлованіе съ бѣглецовъ отъ одного свѣтскаго владыки своей епархіи къ другому, онъ не стѣснялся нарушать слово, если то было въ интересахъ Москвы.

Въ 1368 г., когда шла большая распря среди Тверскихъ князей, митрополитъ Алексѣй именемъ малолѣтняго великаго князя Димитрія позвалъ въ Москву на третейскій великокняжескій судъ спорившихъ князей, особенно Михаила, на сестрѣ котораго былъ женатъ Ольгердъ. Митрополитъ «снялъ страхъ» съ князя Михаила, т.-е. обѣщалъ ему свободный пріѣздъ и выѣздъ изъ Москвы послѣ суда. Но во время суда князя Михаила схватили, посадили въ темницу, и выпустили только послѣ того, какъ онъ отказался отъ части своего удѣла въ пользу Москвы. Князь Михаилъ ушелъ къ Ольгерду разгнѣванный, съ ненавистью противъ Москвы и ея коварства. Надо было ожидать, что Ольгердъ заступится за брата своей жены, и митрополитъ Алексѣй благословляетъ спѣшную постройку каменныхъ стѣнъ московскаго Кремля вмѣсто воздвигнутыхъ Калитой дубовыхъ, сильно пострадавшихъ отъ огромнаго пожара, испепелившаго Москву. Еще въ 1366 г. стали готовить въ подмосковныхъ, Мячковскихъ и другихъ каменоломняхъ камень; зимой 1366—67 гг. возили заготовленный матеріалъ въ Москву, а весной 1367 г. были заложены и начаты постройкой первыя каменныя стѣны московскаго Кремля. Для стройки прежнихъ деревянныхъ не ломали, т. к. и на короткое время не хотѣли оставить Москву безъ крѣпости: каменныя стѣны возводили внѣ деревяннаго города, снаружи его, отступая мѣстами саженъ на 30 слишкомъ отъ деревянныхъ стѣнъ. Когда деревянныя стѣны отъ ветхости развалились, площадь московскаго Кремля оказалась значительно увеличившейся. Еле поспѣли каменныя стѣны, какъ имъ пришлось выдержать первое осадное крещеніе. Побужденный обиженнымъ въ Москвѣ родственни-

комъ, Литовскій великій князь Ольгердъ неожиданно напалъ въ 1368 г. на предѣлы Московскаго княжества. Въ Москвѣ бросились собирать войска, но пока собирали, Ольгердъ разбилъ передовой московскій отрядъ и явился подъ стѣнами Кремля. Вѣсть о нападеніи на его города нѣмецкихъ рыцарей заставила Ольгерда снять осаду черезъ три дня и поспѣшно удалиться во-свояси. Но онъ все же увелъ множество плѣнныхъ, весь скотъ, заставилъ Москву вернуть все, что она захватила у Михаила Тверского. Сорокъ лѣтъ Москва не знала вражескаго нашествія, и это первое нападеніе Ольгерда произвело сильное впечатлѣніе на москвичей. Горечь неудачи они старались смягчить разсужденіемъ, что каменная стѣна все же спасла ихъ отъ горшей участи: какъ ни какъ, а Кремля Ольгердъ не взялъ, и даже самъ заговорилъ о мирѣ. Въ 1370 г., т.-е. черезъ два года, Ольгердъ снова напалъ на Москву, но и на этотъ разъ всего 8 дней простоялъ подъ Кремлевскими стѣнами, затѣмъ послалъ въ крѣпость предложеніе заключить съ нимъ вѣчный миръ. Великій князь и его бояре согласились только на шестимѣсячное перемиріе. Постройка каменныхъ стѣнъ имѣла большое психологическое значеніе: свидѣтельствуя о силѣ и богатствѣ строителей, каменныя стѣны, говоритъ И. Е. Забѣлинъ,—подняли, возвысили у москвичей чувство независимости и стойкости въ борьбѣ съ врагами, укрѣпили вѣрованіе въ непобѣдимую силу Москвы и ея дѣла, породили естественное ощущеніе твердой опоры и безопасности, когда вокругъ стояла нескончаемая вражда и усобица. Это впечатлѣніе силы выразилось своеобразнымъ замѣчаніемъ лѣтописца, отмѣтившаго фактъ постройки каменныхъ стѣнъ: «князь Димитрій Ивановичъ заложи градъ Москву камену и начаша дѣлати безпрестани; и всѣхъ князей русскихъ привожаше подъ свою волю, а которые не повиновахуся волѣ его, и на тѣхъ нача посягати».

Посягнуло правительство великаго князя Димитрія и на остатки вѣчевого строя, мало вязавшіеся съ новымъ государскимъ значеніемъ, какое начинаетъ просвѣчивать въ поступкахъ и положеніи великаго князя. Остаткомъ вѣчевого строя была въ городѣ Москвѣ должность тысяцкаго, начальника городского полка. Давно ужъ эта должность перестала быть избирательной и замѣщалась по назначенію князя, но не по всей княжеской волѣ, а только изъ представителей тѣхъ фамилій, которыя издавна давали изъ своей среды лицъ, достойныхъ по общему признанію занимать эту важную и вліятельную должность — должность начальника военныхъ силъ города. Въ Москвѣ претендовали на исключительное право занимать должность тысяцкаго представители фамиліи Вельяминовыхъ. Когда великій князь Иванъ Ивановичъ назначилъ тысяцкимъ боярина Алексѣя Хвоста, то этотъ Хвостъ черезъ нѣкоторое время былъ найденъ убитымъ. Москва обвиняла Вельяминовыхъ, противъ которыхъ поднялся даже мятежъ, вслѣдствіе чего двое старшихъ Вельяминовыхъ должны были отъѣхать въ Рязань, но черезъ годъ они уже вернулись, и старшій Василій былъ облеченъ саномъ тысяцкаго. Въ 1374 г. этотъ Василій умеръ, и великій князь никого больше на эту должность не назначилъ. Тогда сынъ покойнаго, Иванъ, обидѣвшись, ушелъ въ Тверь и сталъ подговаривать Тверского

князя Михаила идти на Москву. Съ Иваномъ Вельяминовымъ прибѣжалъ въ Тверь и одинъ купецъ, торговавшій дорогими итальянскими и византійскими товарами черезъ генуэзскія колоніи въ Крыму. Тверской князь отправилъ ихъ къ хану, откуда эти послы скоро возвратились съ ярлыкомъ князю Михаилу на великое княженіе Владимірское, т.-е. на старшинство среди всѣхъ князей. Заручившись расположеніемъ хана, увѣренный въ помощи своего родственника Ольгерда, Михаилъ потребовалъ, чтобы Московскій великій князь подчинился ему, очистилъ бы Владиміръ, Торжокъ и всѣ занятыя имъ ранѣе Тверскія волости. Но Тверской князь ошибся въ разсчетахъ. Ольгердъ, занятый борьбой съ рыцарями, не могъ идти ему на помощь, а въ Ордѣ и не собирались этого сдѣлать. Межъ тѣмъ вѣсть, что Тверской князь призываетъ на помощь Литву, два раза опустошавшую русскую землю, и татаръ, которые, приходя ратью, грабили и разоряли землю тѣхъ, кому помогали такъ же, какъ и земли тѣхъ, противъ которыхъ шли, — эта вѣсть возбудила противъ Тверского князя многихъ русскихъ князей, и они всѣ почти отозвались на призывъ Московскаго великаго князя выступить въ походъ противъ Твери. Тверь была осаждена. Отрядъ литовцевъ, шедшій было на выручку, не рискнулъ напасть на соединенныя силы сѣверно-русскихъ князей и ушелъ обратно. Тверская область была вся занята московскимъ войскомъ, и тогда Михаилъ Тверской сталъ просить о мирѣ. Миръ былъ данъ ему, но на очень тяжкихъ условіяхъ. Михаилъ Тверской, не теряя права именовать себя великимъ княземъ по отношенію къ своимъ Тверскимъ удѣльнымъ князьямъ-родичамъ, обязывался признавать себя младшимъ братомъ Московскаго великаго князя, равнымъ младшему двоюродному брату Димитрія, Владиміру Серпуховскому. Это значило, что Тверской князь долженъ былъ во всемъ повиноваться Москвѣ. Когда великій князь Московскій или его братъ Владиміръ выступятъ въ походъ, то и Тверской князь обязанъ садиться на коня «всими своими полки»; если Московскій великій князь посылалъ въ походъ своихъ воеводъ, то и Тверской князь долженъ былъ присылать свои полки съ тверскими воеводами; Тверской князь долженъ былъ цѣловать крестъ честной на томъ, что не будетъ искать ни Москвы, ни Новгорода, при чемъ обязывался не только за себя, но и за дѣтей и всѣхъ родичей своихъ; Тверской князь обязывался дальше не искать великаго княженія, и если даже татары сами предложатъ ему Владимірскій столъ, то не принимать; Московскій великій князь обязывался взамѣнъ не принимать Твери, если ханъ предложитъ ему этотъ городъ. Тверской удѣльный городъ Кашинъ объявляется независимымъ отъ великаго князя Тверского и поступалъ подъ покровительство великаго князя Московскаго. Очень важны условія, заключенныя между Москвой и Тверью относительно татаръ. Тверской князь принялъ слѣдующія условія: «Будемъ ли мы (т.-е. Москва) въ мирѣ съ татарами, это зависитъ отъ насъ; дадимъ ли дань—это зависитъ отъ насъ; не захотимъ дать—это тоже зависитъ отъ насъ; если же татары пойдутъ на насъ или на тебя, то намъ биться вмѣстѣ; если же мы пойдемъ на нихъ, то и тебѣ идти съ нами вмѣстѣ».

Тверской князь отказывался далѣе отъ союза съ Литвой и обязывался воевать съ бывшими союзниками, если они нападутъ на Москву. Вольные слуги и бояре по старинѣ могли отъѣзжать отъ одного князя къ другому, удерживая владѣнія, пріобрѣтенныя въ разныхъ княжествахъ; имѣнія Вельяминова однако великій князь удержалъ за собой. Самъ Вельяминовъ бѣжалъ въ Орду, но въ 1398 году рѣшилъ вернуться. Въ Серпуховѣ его схватили и привели подъ стражей въ Москву. Великій князь приказалъ отрубить голову послѣднему претенденту на должность московскаго тысяцкаго. Казнь происходила на Кучковомъ полѣ, гдѣ теперь Срѣтенка, и произвела большое впечатлѣніе на тогдашнюю Москву, терявшую что то большое изъ своего стараго уклада, и московскій лѣтописецъ съ горечью повѣствуетъ, какъ при казни «бѣ множество народа стояща и мнози прослезишася о немъ и опечалишася о благородствѣ его и величествѣ его».

Литва и татары попробовали было послѣдовать призыву Тверского князя, и ужъ послѣ его договора съ Донскимъ напали на Москву, но эти нападенія не причинили большого вреда: Ольгердъ ограничился опустошеніемъ области князя Смоленскаго, союзника Москвы въ дѣлѣ съ Тверью, а татары пограбили область Нижняго-Новгорода. Въ 1377 г. Ольгердъ умеръ. Въ семьѣ его начались раздоры; великимъ княженіемъ овладѣлъ Ягайло, второй сынъ Ольгерда, а старшій бѣжалъ въ Псковъ. Псковитяне, съ согласія великаго князя Московскаго, оставили его у себя княжить. Пріѣхалъ въ Москву и другой Ольгердовичъ, Димитрій, недовольный Ягайло, «урядился съ великимъ княземъ и крѣпость взялъ», какъ говоритъ лѣтописецъ, т.-е. обязался служить великому князю Московскому. Смуты въ Литвѣ, гдѣ Ягайло пришлось выдерживать борьбу съ дядей Кейстутомъ, развязали руки Москвѣ, позволивъ ей обратить все вниманіе на востокъ въ сторону Орды. Внутри страны, у себя на Руси, опасная Тверь была смирена; еще въ 1371 г., т.-е. до послѣдней борьбы съ Тверью, великому князю Московскому удалось привести подъ свою руку другое сильное великое княженіе—Рязанское. Рязань давно ужъ съ большимъ недовѣріемъ относилась къ Москвѣ и всегда держала сторону ея противниковъ, но, отдѣленная отъ Твери московскими владѣніями, не могла принимать большого участія въ борьбѣ Московскаго великаго князя съ его соперниками. Въ Рязани княжили потомки Святослава, тѣ самые Олеговичи, которые въ XII в. вели большую прю съ Мономаховичами, тогда какъ на сѣверѣ всѣ княжескіе столы были заняты потомками Всеволода Большое Гнѣздо, правнука Мономахова. Старинная, наслѣдственная нелюбовь была, вѣроятно, одной изъ важныхъ причинъ того, что Рязанскіе князья жили въ замѣтной отчужденности отъ князей сѣверо-восточной Руси. Основавшись на краю степи, Рязанскіе князья больше были заняты борьбой съ мордовскими племенами, населявшими рязанско-муромскій край, чѣмъ «которами» съ сѣверными князьями. Они не очень отстаивали Коломну, занятую еще Даніиломъ Московскимъ, но усиленіе Москвы встрѣчали довольно недружелюбно и вредили росту ея значенія, чѣмъ могли. Это былъ сильный противникъ. Закаленные въ постоянной борьбѣ, большею частью успѣшной, съ Мордвой, рязанцы были опытными воинами, кичившимися своей силой. Противъ Москвы они пошли такъ же беззавѣтно, какъ ходили на

Мордву. «Не берите съ собой ни доспѣховъ, ни щитовъ, ни копій, ни сабель, ни стрѣлъ,—говорили они, по словамъ лѣтописцевъ, отправляясь на Москву, — берите только ремни да веревки, чѣмъ вязать москвичей, понеже суть слаби и страшливи и не крѣпци». Въ Москвѣ знали, какого мнѣнія о нихъ рязанцы, и характеризовали ихъ такъ: «рязанцы же люди сурови, сверѣпы, высокоумни, горди, чаятельни, вознесшіеся умомъ и возгордѣшеся величаніемъ... людища яко чудища»... Величаніе не помогло рязанцамъ: при первой же встрѣчѣ съ Москвой ихъ ополченіе было разбито, и самъ великій князь Олегъ «едва въ малѣ дружинѣ утече». Великій князь Московскій посадилъ тогда въ Рязани соперника Олега по старшинству, князя Владиміра Пронскаго, но Олегъ скоро вернулся, выгналъ князя Владиміра и снова сѣлъ въ Рязани великимъ княземъ Рязанскимъ, но уже не задиралъ Москвы и даже не впутался въ начавшуюся тогда же борьбу съ Тверью, окончившуюся, правда, очень скоро полнымъ пораженіемъ Твери.

Всѣ эти успѣхи, обезпечивавшіе гегемонію Москвы на сѣверо-востокѣ Россіи, позволяли московскому правительству обратить всѣ свои силы и все вниманіе въ сторону Орды, гдѣ за все десятилѣтіе съ 1370 г. назрѣвало большое недовольство Москвой и ея великимъ княземъ. Попытки хана передать великокняжеское достоинство съ Владиміромъ на Клязьмѣ Тверскому князю окончились ничѣмъ. Въ 1372 г. Московскій великій князь самъ побывалъ въ Ордѣ, роздалъ всѣмъ мурзамъ и князьямъ богатые подарки, заплатилъ всю дань, уплатилъ долги Тверского князя и тѣмъ наглядно показалъ Ордѣ, что онъ богаче всѣхъ князей русскихъ, и великое княженіе осталось твердо за Москвой. Но въ Ордѣ господствовали въ то время три хана. Москва держалась за того, который казался сильнѣе своихъ соперниковъ и при которомъ главнымъ правителемъ былъ Мамай. Отдѣлившись отъ главной Орды, кочевники плохо слушались хановъ и, не соблюдая никакихъ договоровъ, постоянно нападали на пограничныя русскія земли. Такъ, въ 1365 г. нѣкто Торгай, утвердившійся въ Мордвѣ, напалъ на Переяславль-Рязанскій, но былъ разбитъ великимъ княземъ Рязанскимъ Олегомъ; въ 1367 г. другой ордынскій владѣтель Булатъ напалъ на нижегородскія владѣнія, но съ большимъ урономъ былъ прогнанъ княземъ Нижегородскимъ. Сами ордынцы начинаютъ привлекать русскихъ князей къ своей междоусобной борьбѣ, и въ 1370 г. тотъ же Нижегородскій князь Димитрій Константиновичъ идетъ противъ сидѣвшаго въ болгарѣхъ на Камѣ и Волгѣ князя Асана, возмутившагося противъ Орды. Асанъ съ честью встрѣтилъ Нижегородскаго князя и бывшаго съ нимъ ханскаго посла, но все же былъ смѣщенъ и взятъ въ плѣнъ. Въ 1373 г. татары изъ самой Орды опустошали Рязанское княжество, и противъ нихъ выступилъ самъ великій князь Московскій, все лѣто простоявшій на Окѣ, оберегая свою границу. Въ 1374 г. новгородцы перебили у себя пословъ ордынскихъ съ какимъ то важнымъ мурзой Сарайкой во главѣ. Въ 1375 г. татары, посланные самимъ Мамаемъ, опустошали край по рѣкамъ Сурѣ и Пьяной. Это были татары, вышедшіе изъ новаго поселенія ихъ—Казани. Въ 1376 г. великій князь посылаетъ противъ Казани своего воеводу Димитрія Волынскаго. Казань была взята, и ея князья-мурзы били челомъ великому князю Московскому, заплатили пять

тысячъ рублей контрибуціи; въ обезпеченіе сбора въ Казани былъ посаженъ русскимъ великимъ княземъ чиновникъ-контролеръ таможенныхъ сборовъ. Въ 1377 г. на Суру опять набросились татары съ царевичемъ Арапшой. Упоенные прежними успѣхами, русскіе не очень испугались. Кто можетъ стать противъ насъ?—говорили они. Ѣздили и ходили, несмотря на военное время, въ простомъ платьѣ, а доспѣхи держали въ телѣгахъ и въ сумахъ, рогатины и копья были даже не насажены, щиты и шлемы не изготовлены; въ сильную іюльскую жару русскіе воины разъѣзжали, спустивши платье съ плечъ, разстегнувшись и растрепавшись, точно въ банѣ; если случалось гдѣ найти пиво и медъ, то напивались до-пьяна и хвастались, что одинъ изъ нихъ выйдетъ противъ сотни татаръ. Князья и воеводы тоже забыли всякую осторожность: пировали, ѣздили на охоту, «утѣшающесь и веселящесь, піюще и ковы дѣюще, мняшесь дома суще». Арапша неожиданно напалъ на всю эту распустившуюся орду, перебилъ и разсѣялъ все русское ополченіе, не оказавшее почти никакого сопротивленія. Случилось это несчастье на рѣкѣ Пьяной, на этотъ разъ оправдавшей свое прозванье. Не задерживаемый никѣмъ, Арапша прошелъ до самой Рязани, врасплохъ захватилъ и сжегъ этотъ городъ. За Арапшой возстала Мордва, но русскіе князья оправились и, несмотря на суровую зиму, пошли въ Мордовскую землю и «сотвориша ее пусту». Въ отвѣтъ на это весной 1378 г. татары Арапши явились неожиданно подъ Нижнимъ и сожгли его. Въ то же время большой отрядъ ордынскаго войска пошелъ на Москву. Великій князь узналъ объ этомъ заблаговременно и выступилъ съ войскомъ навстрѣчу татарамъ на Оку въ землю Рязанскую, гдѣ и нашелъ татаръ на берегахъ рѣки Вожи. Татары бросились на русское войско, но, встрѣченные хорошо расположенными отрядами русскихъ, охватившими ихъ съ боковъ и поведшихъ встрѣчное нападеніе, побросали оружіе послѣ хорошей схватки и бѣжали. Это уже было настоящее сраженіе съ большими силами ордынцевъ, высланныхъ самимъ Мамаемъ, сдѣлавшимся уже ханомъ.

Побѣды русскихъ надъ мелкими отрядами татаръ показали всему русскому обществу, что борьба съ татарами возможна. Эта увѣренность въ возможности побѣдить не угасла и тогда, когда въ Ордѣ спохватились и не только перестали благосклонно смотрѣть на гибель подъ ударами русскихъ отдѣльныхъ татарскихъ бандъ, неугодныхъ хану, но и стали посылать, за тяжкіе поступки, противъ русскихъ князей большіе экзекуціонные отряды. Но и эти отряды разбивались о стойкое сопротивленіе русскихъ. Тогда въ Ордѣ сильно задумались надъ создавшимся положеніемъ, тѣмъ болѣе, что выплата выхода прекратилась, и ханъ Мамай рѣшилъ повернуть русскія дѣла на старое, смирить зазнавшихся улусниковъ своихъ, князей русскихъ; учитывая выросшую силу, видя, что даже крупныя экспедиціи терпятъ пораженіе, Мамай, чтобы покончить навсегда съ возвышеніемъ Москвы и сѣверо-восточной Руси, рѣшилъ повторить Батыево нашестіе, всей Ордой пройти по русской землѣ, смиряя ее огнемъ и мечомъ. Но на Руси были уже не Батыевы времена. За сорокъ лѣтъ, которыя прошли со временъ Калиты, выросли два поколѣнія людей, не знавшихъ ужасовъ татарскаго нашествія и увѣренныхъ въ своей силѣ. Передъ Мамаемъ стояли

Шустовъ.—Іоаннъ III разрываетъ ханскую грамоту.

Шарлемань.—Дмитрій Донской на Куликовомъ полѣ.

MATTKUNSTDRUCK DER FIRMA F. BRUCKMANN A.-G., MÜNCHEN

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ

Библіотека Народнаго
Университета
№
Владимірскаго Губернскаго
Земства

не разрозненные отдѣльные князья, какъ въ Батыево время, а крѣпкій волей или неволей сплоченный союзъ князей, уже привыкшихъ дѣйствовать сообща; во главѣ этого союза стоялъ богатый и сильный князь, выросшій въ неповиновеніи хану, два раза отнимавшій великое княженіе у того князя, которому самъ ханъ давалъ это достоинство; у князей и народа былъ, слѣдовательно, вождь, который хорошо зналъ, что такое война и что такое борьба съ татарами; этотъ человѣкъ десятилѣтнимъ мальчикомъ ходилъ въ военные походы и до тридцатилѣтняго возраста не покладалъ оружія, выдерживая борьбу съ Литвой, Тверью, Рязанью. У страны былъ, наконецъ, центръ, который считали сердцемъ ея и враги и друзья—это была Москва: на Москву шелъ Мамай; въ Москвѣ стало собираться ополченіе князей, шедшихъ дать отпоръ ордынцамъ; въ предѣлахъ московскаго владѣнія, проникнутый идеей московскаго величія, какъ величія всей земли, жилъ тотъ подвижникъ духа, который въ это время объединялъ въ себѣ своей жизнью и подвигами, дѣятельными духовными трудами, всѣ лучшіе помыслы и стремленія народа; этотъ носитель народнаго духа въ тѣ времена, игуменъ троицкаго монастыря преп. Сергій, все свое огромное вліяніе вложилъ въ дѣло возвеличенія Москвы, соединяя съ ея силой и могуществомъ силу и могущество всей Руси. Такова была духовная и матеріальная обстановка, въ которой тогдашней русской землѣ пришлось встрѣчать Мамаево нашествіе. А Мамай готовилъ яростный походъ на сѣверо-восточную Русь, столь явно показавшую свое стремленіе къ независимости. Говорили, что онъ послалъ нанять крымскихъ генуэзцевъ, черкесовъ, ясовъ и другихъ кавказцевъ, заключилъ союзъ съ Литовскимъ княземъ Ягайло; даже одинъ русскій князь, Олегъ Рязанскій, воздержался отъ того, чтобы присоединиться къ ополченію сѣверныхъ русскихъ князей, и вошелъ въ переговоры съ Ягайло. Олегъ и Ягайло разсуждали будто бы такъ: «Вотъ услышитъ великій князь Димитрій о приближеніи Мамая и о нашемъ союзѣ противъ него, то уйдетъ изъ Москвы въ дальнія мѣста—въ Новгородъ или на Двину, а мы займемъ тогда Москву и Владиміръ, и когда ханъ придетъ, то мы его встрѣтимъ съ большими дарами, и упросимъ вернуться, откуда пришелъ, сами же, съ его согласія, подѣлимъ Московское княжество на двѣ части—одну къ Вильнѣ, другую къ Рязани, и возьмемъ на нихъ у хана ярлыки и для потомства нашего». Положеніе Олега Рязанскаго было довольно трудное: Мамай приближался къ его землямъ, которыя передъ тѣмъ только что были опустошены татарами; съ Московскимъ княземъ онъ давно не ладилъ, но, разбитый имъ, все же побаивался и московской силы, и потому подъ рукой далъ знать великому князю о движеніяхъ Мамая. Великій князь Димитрій, вмѣсто того, чтобы скрываться въ Новгородъ, пошелъ въ Коломну, куда приказалъ собираться ополченіямъ всѣхъ покорныхъ ему князей, и рѣшилъ идти навстрѣчу Мамаю, чтобы предупредить соединеніе его съ Ягайло. Къ 15-му августа 1380 г., какъ было назначено, полки собрались, и тогда же передовые отряды перешли черезъ Оку и пошли въ степь; 1-го сентября перешли черезъ Оку главныя силы, 6-го сентября войска подошли уже къ Дону. Здѣсь была получена грамата на имя великаго князя отъ игумена Сергія, у котораго онъ благословлялся отправиться на бой съ татарами;

въ граматѣ преподобный давалъ свое благословеніе идти впередъ и писалъ: «чтобъ еси, господине, таки пошелъ, а поможетъ ти Богъ и святая Богородица». Великій князь перешелъ черезъ Донъ, и 8-го сентября 1380 г. прогремѣла страшная Куликовская битва, разыгравшаяся на пространствѣ болѣе десяти верстъ, унесшая десятки тысячъ жертвъ, но окончившаяся полною побѣдою русскихъ.

Такой битвы, какъ Куликовская, еще не бывало на Руси. «Побоища подобнаго рода, — говоритъ С. М. Соловьевъ,—происходили въ Западной Европѣ въ началѣ такъ называемыхъ среднихъ вѣковъ, во время великаго переселенія народовъ, во время страшныхъ столкновеній между европейскими и азіатскими ополченіями: таково было побоище Каталонское, гдѣ полководецъ римскій спасъ Западную Европу отъ гунновъ; таково было побоище Турское, гдѣ вождь франкскій спасъ Западную Европу отъ аравитянъ. Куликовская побѣда имѣетъ въ исторіи Восточной Европы такое же значеніе, какое побѣды Каталонская и Турская имѣютъ въ исторіи Западной Европы, и носитъ одинаковый съ ними характеръ,—характеръ страшнаго кроваваго побоища, отчаяннаго столкновенія Европы съ Азіей, долженствовавшаго рѣшить великій въ исторіи человѣчества вопросъ: — которой изъ этихъ частей свѣта восторжествовать надъ другой?».

Въ русской исторіи Куликовская битва является яркимъ завершеніемъ невиднаго и подчасъ довольно мутнаго процесса объединенія сѣверо-восточной Руси около Москвы. На Куликовомъ полѣ вся сѣверо-восточная Русь стала противъ Орды, какъ одно цѣлое, и подъ руководствомъ Москвы одержала первую народную побѣду надъ «нечестивыми агаряны». Это сообщило Московскому князю значеніе національнаго вождя сѣверной Руси въ борьбѣ съ внѣшними врагами, а городу Москвѣ характеръ центра всей страны, изъ котораго исходитъ направленіе, указываются пути и средства объединенія для борьбы, вокругъ котораго видимымъ образомъ могутъ соединяться и группироваться національныя стремленія и желанія отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ сообществъ. Въ этомъ смыслѣ глубоко справедливо мѣткое замѣчаніе проф. В. О. Ключевскаго, сказавшаго, что Московское государство зародилось не въ скопидомномъ сундукѣ Ивана Калиты, а на полѣ Куликовѣ.

Но Куликовская побѣда еще далеко не покончила съ татарами. Для побѣдителей она была очень дорого стоившей побѣдой. Сказаніе о битвѣ Куликовской говоритъ, что изъ 400000 воиновъ осталось въ живыхъ всего 40000; радуясь побѣдѣ, оно скорбитъ въ великой жалости «о избіеніи отъ Мамая на Дону князей, и бояръ, и воеводъ, и слугъ, и много воинства христіанскаго; оскудѣ бо отнюдъ вся земля Русская воеводами и слугами и всѣми воинствы и о семъ велій страхъ бысть на всей землѣ Рустѣй». Этотъ страхъ имѣлъ свои основанія. Мамай собралъ въ Ордѣ опять большія силы и снова готовилъ походъ на Русь, но ему пришлось защищаться отъ хана Тохтамыша, напавшаго на него изъ-за Яика. Мамай погибъ въ этой борьбѣ, а Тохтамышъ воцарился въ Ордѣ. Онъ сейчасъ же извѣстилъ о своемъ воцареніи великаго князя Московскаго и потребовалъ присылки дани. Великій князь послалъ дары новому хану. Въ 1381 г. Тохтамышъ отпра-

Небесныя силы гонятъ татаръ.

Изъ лѣтописи.

о побѣгете мирь аксакацрѧ. и вскоре по
велѣ. всю силоу свою бесчисленоую. въ вра
тити вспѧ. и оустрѣмисѧ на бѣгъ со
всѣми своими тмочислеными вои. и ни
ким жегонимъ. а земли роустеи ѿ нюдъ

И паки въ злазѧще на градъ пьяни соуще
и шатахоусѧ и роугающесѧ татаромъ
образомъ безстоудными досаждаю
ще. и нѣкаѧ словеса износѧще и спо

Подъ стѣнами Москвы.

Изъ лѣтописи.

MEZZOTINTOGRAVÜRE BRUCKMANN, MÜNCHEN

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ

вилъ въ Москву посла съ семью стами татаръ. Отрядъ дошелъ только до Нижняго, а дальше идти не посмѣлъ: таково было впечатлѣніе Куликовскаго погрома. Тогда Тохтамышъ рѣшилъ разсѣять это впечатлѣніе. Въ 1382 г. онъ неожиданно напалъ на Русь, обошелъ, не тронувъ, покорную Рязанскую область и двинулся прямо на Москву. Великій князь Димитрій хотѣлъ было выйти навстрѣчу татарамъ, но подъ рукой не было войска, собирать воиновъ подъ Коломной было уже некогда, и потому мѣстомъ сбора была назначена отдаленная Кострома, а стѣнамъ московскаго Кремля предоставлялось задержать пока Тохтамыша упорнымъ сопротивленіемъ. Въ городѣ остались и митрополитъ, и семья великаго князя. Начальникомъ осажденнаго Кремля оказался почему то одинъ изъ Ольгердовичей, пришедшихъ на службу въ Москву, нѣкто Остѣй. Митрополитъ Кипріанъ и великая княгиня уѣхали изъ города, еле выпущенные народомъ. Повѣсть о Тохтамышевомъ нашествіи разсказываетъ, какъ среди осажденныхъ одни, готовясь къ смерти, постились и молились, другіе «недобрые человѣцы» гуляли и упивались виномъ и медомъ, котораго много было запасено въ подвалахъ боярскихъ домовъ, покинутыхъ хозяевами. Упивались до-пьяна, а къ шатанію и дерзость прилагали: «не устрашимся нашествія поганыхъ татаръ, — говорили эти «злые человѣцы», — твердъ городъ нашъ, стѣны каменные, врата желѣзные, не потерпятъ враги долго стоять подъ нашимъ крѣпкимъ городомъ; два страха надъ ними будетъ: изъ внутри города отъ насъ боятся, а отвнѣ града отъ князей нашихъ устремленія на нихъ боятся, и се сами тіи татарове вскорѣ убоятся и побѣжатъ въ поле во свояси». Но эти кичливыя ожиданія были напрасны. Большинство князей, застигнутыхъ врасплохъ, било челомъ Тохтамышу, да и среди московскихъ подручниковъ великому князю пришлось усмотрѣть «во князѣхъ и боярехъ своихъ и во всѣхъ воиньствахъ своихъ разньство и распрю, еще же и оскудѣніе воинства; оскудѣ бо вся Русская земля отъ Мамаева побоища за Дономъ и вси русстіи людіе въ велицѣ страсѣ и трепетѣ быша за оскудѣніе людей». Затворившіеся въ Кремлѣ межъ тѣмъ яростно отбивали нападенія татаръ. «Бѣ же приступъ ихъ ко граду яръ зѣло,—разсказываетъ лѣтописецъ,—и овіи отъ нихъ стояще стрѣляху, а друзіи скоро рищуще сѣмо и овамо, тако изучени быша, и стрѣляху безъ погрѣха... а друзіи отъ нихъ, сотворше лѣствицы и прислоняюще, лѣзяху на стѣну; гражане же воду въ котлѣхъ варяще, ліаху на нихъ варъ и тако возбраняху имъ. Отшедшимъ же симъ татарамъ, яко утомившимся, и паки инѣмъ приступившимъ, сверѣпѣйшимъ и лютѣйшимъ, гражане противу ихъ подвизахуся, стрѣляюще и каменіемъ побивающе и самострѣлы напрязающе и пороки; есть же нѣціи и самыя тыя пушки пущаху на нихъ»... Особенно отличался въ стрѣльбѣ одинъ москвичъ суконщикъ Адамъ, убившій изъ самострѣла съ Фроловскихъ воротъ знатнаго ордынскаго князя.

Кремлевскія стѣны оправдывали свое назначеніе и могли бы спасти и осажденныхъ и казну, но Тохтамышъ пошелъ на хитрость. На четвертый день осады, 26-го августа, подъѣхали къ стѣнамъ «по опасу», т.-е. парламентерами, большіе ордынскіе князья, а съ ними двое князей Суздальскихъ, сыновья тестя великаго князя Димитрія, и стали говорить осажден-

нымъ: «Царь васъ, своихъ людей и своего улуса, хощетъ жаловати, понеже неповинни есте; не на васъ бо прійде царь, но на князя Димитрія, вы же достойни есте милости, и ничто же требуетъ отъ васъ царь, точію срѣтите его съ честію, съ лехкими дары; хощетъ бо сей градъ видѣти и въ немъ быти, а вамъ всѣмъ даетъ миръ и любовь». Осажденные повѣрили, отворили ворота Фроловскія и вышли крестнымъ ходомъ, съ княземъ Остѣемъ и съ лучшими людьми во главѣ. Татары приняли сдавшихся, отвели князя Остѣя въ свой лагерь и тамъ его убили, а потомъ ворвались въ крѣпость «и начаша безъ милости сѣщи ... овыхъ изсѣкоша, а другихъ плѣниша, и церкви разграбиша, и книгъ множество... пожгоша, и богатство и имѣніе и казны княжескія взяша». Сломивъ сопротивленіе Москвы, Тохтамышъ разослалъ большіе отряды своего войска по городамъ Московскаго княжества съ наказомъ жечь, грабить, избивать сопротивляющихся, прочихъ брать въ плѣнъ. Пострадали только города московскіе, Тверь и суздальскіе города остались невредимы. Къ Тверскому князю Михаилу Тохтамышъ послалъ съ милостью и далъ ему ярлыкъ на великое княженіе. Межъ тѣмъ московскіе люди, ушедшіе съ великимъ княземъ на сѣверъ, начали собираться съ силами и нападать на отдѣльные татарскіе отряды. Герой Куликовской побѣды, князь Серпуховской Владиміръ Андреевичъ, удачнымъ нападеніемъ разбилъ подъ Волоколамскомъ очень значительный отрядъ Тохтамышева войска. Считая, что великій князь оправился, Тохтамышъ рѣшилъ уходить и, избѣгая дальнѣйшихъ столкновеній, двинулся во-свояси черезъ Коломну и рязанскія земли, гдѣ тоже велѣлъ грабить и разорять города, несмотря на то, что великій князь Рязанскій Олегъ показалъ ему броды на Окѣ и научалъ, какъ взять каменный градъ Москву, когда Тохтамышъ еще только шелъ на Московскаго великаго князя.

Опустошена Москва была страшно. «Бяше бо дотолѣ видѣти,—разсказываетъ лѣтопись,—градъ Москва великъ и чюденъ и много людей въ немъ, кипяше богатствомъ и славою, превзыде же вся грады въ Русстей земли честію многою... въ се же время измѣнися доброта его и отъиде слава его, и всея чести лишися, въ единомъ часѣ измѣнися. Егда взятъ бысть и пожженъ, не видѣти иного ничего же, развѣе дымъ и земля, и трупія мертвыхъ многыхъ лежаща, церкви святыя запалени быша и падошася, а каменніи стояше выгорѣвша внутрѣ и огорѣша внѣ... все бяше видѣти пусто, ни единаго же бѣ видѣти ходяща по пожару людій».

Итакъ, казалось, Москва погибла, сожжена, разграблена, москвичи изрублены, сгорѣли, потонули въ рѣкѣ, когда пытались спастись; цвѣтущій городъ превратился въ пустыню; казалось, что ему грозитъ участь многихъ городовъ прежней Руси, погубленныхъ татарами. «Но съ Москвой этого не случилось,—говоритъ И. Е. Забѣлинъ, потому что вокругъ Москвы-города уже существовала Москва-народъ, именно та сила, которая впослѣдствіи заставила именовать и все народившееся русское государство—Москвою, Московскимъ государствомъ... И вотъ теперь, когда городъ разоренъ до запустѣнія, его быстро возстановляетъ, обновляетъ и снова населяетъ Москва-народъ».

Въ годъ кончины великаго князя Димитрія Ивановича, прозваннаго Донскимъ (1389 г.), Москва выгорѣла чуть не вся, черезъ годъ она горѣла опять, и лѣтописецъ, говоря о числѣ сгорѣвшихъ дворовъ, насчитываетъ ихъ «нѣсколько тысячъ». Значитъ, черезъ восемь лѣтъ послѣ Тохтамыша въ Москвѣ дворы считаются уже тысячами—такъ велика притягательная сила мѣста, такъ крѣпки внутреннимъ смысломъ и полны матеріальнаго значенія для народа тѣ условія, которыя создали городъ Москву и заставляли ее существовать и возрождаться даже послѣ бѣдъ, не разъ стиравшихъ ее съ лица земли.

Черезъ 13 лѣтъ послѣ Тохтамышева разоренія на Москву надвинулась новая татарская туча. Пришла вѣсть, что знаменитый покоритель христіанскихъ и мусульманскихъ царствъ востока Темиръ-Аксакъ ханъ или Тамерланъ стоитъ ужъ на Дону въ предѣлахъ Рязанскаго княжества, около Ельца. Тохтамышево нашествіе оставило по себѣ такой страхъ, что при одной вѣсти о татарахъ люди забывали о сопротивленіи, о Куликовскомъ успѣхѣ, и всѣ надежды на спасеніе возлагали на милость Божію. Наслѣдникъ Донского, его сынъ Василій, все же собралъ большое войско и рѣшилъ дать отпоръ страшному завоевателю. Войско двинулось къ Коломнѣ. Въ Москвѣ все готовили къ осадѣ. Во Владиміръ послали за образомъ Пресвятой Богородицы, издавна считавшимся палладіумомъ и знаменемъ Суздальской земли, т.-е. всей сѣверо-восточной Руси, которую теперь именуютъ уже Московской землей. Въ самый день Успенія Пресв. Богородицы городъ Владиміръ проводилъ свою святыню, а 26-го августа вся Москва, все множество народа, искавшаго защиты за ея крѣпкими стѣнами, встрѣтили св. икону на Кучковомъ полѣ, въ районѣ нынѣшней Срѣтенской улицы, получившей самое названіе отъ этой встрѣчи. Въ тотъ самый день и часъ, когда Москва встрѣчала образъ Владимірской Божіей Матери, Тамерланъ, уже двѣ недѣли стоявшій на Окѣ противъ русскихъ, не подаваясь «ни сѣмо, ни овамо», повернулъ въ степь и ушелъ. Благочестивая мысль тогдашнихъ людей связала оба событія въ одно, какъ причину и слѣдствіе, и въ тогда же возникшей легендѣ стали повѣствовать о страшномъ видѣніи, бывшемъ Тамерлану, о явившейся ему высокой горѣ, съ которой шли на его войско святители съ златыми жезлами въ рукахъ, «претяще ему зѣло», а наверху горы стояла въ воздухѣ жена въ багряныхъ ризахъ, окруженная множествомъ вой небесныхъ.

Образъ Владимірской Божіей Матери остался съ тѣхъ поръ навсегда въ Москвѣ и былъ поставленъ въ Успенскомъ Соборѣ среди мѣстныхъ иконъ направо отъ царскихъ вратъ. Для Москвы св. икона стала такимъ же священнымъ знаменемъ, какимъ была для всей Суздальской земли. Перенесеніе ея въ Москву означало, что этотъ городъ, принявшій въ свои стѣны святыню всей земли, становился стольнымъ городомъ всей сѣверо-восточной Руси. Икона Владимірской Божіей Матери пребываніемъ въ Москвѣ освящала значеніе города, какъ политическаго центра страны, и перенесеніе ея—важный историческій моментъ въ жизни Москвы, торжествовавшей встрѣчу св. иконы не только какъ избавленіе отъ нечестивыхъ агарянъ, но и какъ символъ роста своего значенія въ странѣ.

Черезъ 13 лѣтъ послѣ Тамерланова прихода въ 1408 г. подъ Москвой опять явились татарскія силы, вышедшія на этотъ разъ изъ Золотой Орды, оправившейся отъ Тамерланова погрома. Во главѣ татаръ стоялъ нѣкто Эдигей, занимавшій при ханѣ то же мѣсто, какое нѣкогда принадлежало Мамаю. Какъ и Мамай въ свое время, Эдигей думалъ вернуть времена безусловной покорности русскаго улуса и заставить его князей снова платить дань; но времена были уже не тѣ: наслѣдникъ Донского не только не ѣздилъ въ Орду съ тѣхъ поръ, какъ былъ тамъ по приказу отца 12-лѣтнимъ мальчикомъ, но и не посылалъ никого съ дарами, а на требованія дани отвѣчалъ, что его земля обезлюдѣла и обнищала благодаря самимъ татарамъ, постоянно нападающимъ на окраины ея, благодаря нашествіямъ Тохтамыша и Тамерлана; межъ тѣмъ ордынскій выходъ аккуратно собирался по рублю съ двухъ сохъ, и шелъ весь полностью въ казну великаго князя.

Эдигей подошелъ къ Москвѣ совершенно неожиданно, зимой, въ декабрѣ. Великій князь успѣлъ уѣхать собирать полки. Въ осаду сѣлъ дядя его знаменитый Владиміръ Андреевичъ Серпуховской. Эдигей, не рѣшаясь на штурмъ крѣпости открытой силой, предпочиталъ взять ее изморомъ и объявилъ, что останется подъ Москвой. Кругомъ все было испепелено. Въ крѣпости готовились къ голодной смерти, какъ вдругъ Эдигей прислалъ просить откупа. Осажденные съ радостью уплатили не очень большую контрибуцію, и Эдигей спѣшно ушелъ прочь—его призывалъ въ Орду ханъ, потому что тамъ началось возстаніе противъ хана одного изъ вассальныхъ татарскихъ князей. Нашествіе Эдигея было собственно послѣднимъ изъ татарскихъ нападеній, имѣвшихъ цѣлью возстановленіе тѣхъ порядковъ въ отношеніяхъ Орды и Руси, которыя имѣли мѣсто при Батыѣ и его ближайшихъ преемникахъ. Разложеніе самой Орды повело къ созданію нѣсколькихъ обособленныхъ, часто враждовавшихъ одно съ другимъ татарскихъ ханствъ, и Москвѣ надо было только умѣло выбирать, съ кѣмъ дружить, чтобы силами такого вынужденнаго друга охранять свое спокойствіе отъ корыстныхъ покушеній явныхъ недруговъ. Вся первая половина XV в. въ смыслѣ татарскихъ отношеній и строится на этомъ раздѣленіи Орды и болѣе или менѣе удачномъ лавированіи Москвы между сильными соперниками. Въ случаяхъ неудачи Москва платится опять нападеніями и пожарами, какъ это было въ 1439 г., когда напалъ на нее ордынскій ханъ Махметъ, искавшій въ Москвѣ спасенія отъ соперника, но принятый недружелюбно; въ 1445 г. этотъ Махметъ взялъ даже въ плѣнъ великаго князя Василія Василіевича Темнаго, внука Донского, но за хорошій выкупъ отпустилъ его обратно:—въ сознаніи татаръ нѣтъ уже представленія о Московскомъ князѣ, какъ о непокорномъ улусникѣ, подлежащемъ казни; на плѣнъ его они смотрятъ не какъ на политическую удачу, а какъ на удобный случай, позволяющій сорвать съ богатой Москвы хорошій выкупъ—это взглядъ обыкновенныхъ разбойниковъ, а не политиковъ. Въ 1451 г. появился подъ Москвой какой то царевичъ Мазовша; онъ попробовалъ было напасть на Кремль, но только пожегъ посады и скрылся такъ же неожиданно, какъ появился. Въ 1459 г. татары пробовали снова напасть

на Москву, но во-время собравшееся войско покончило съ ними еще на Окѣ, разсѣявъ ихъ отряды. Наконецъ, въ 1480 г., ровно черезъ сто лѣтъ послѣ Куликовской битвы, ордынскій ханъ Ахматъ, послѣ долгихъ и тщетныхъ выпрашиваній дани, пошелъ на Москву, но встрѣтилъ русское ополченіе на берегахъ Угры. Оба войска долго простояли одно противъ другого, не рѣшаясь начать битвы. Взаимный страхъ кончился тѣмъ, что татары побѣжали во-свояси, а русскіе столь же стремительно къ Москвѣ. Это странное столкновеніе навсегда покончило съ зависимостью отъ татаръ сѣверо-восточной Руси, объединившейся около Москвы. Скоро и самая Золотая Орда перестала существовать. Но конецъ ея не былъ концомъ татарскихъ отношеній: Москвѣ пришлось потратить еще много силъ на борьбу съ осколками Золотой Орды — царствами Казанскимъ, Астраханскимъ и Крымскимъ. Съ первыми двумя Москва справилась уже въ XVI в., но послѣднее, отдавшееся подъ власть могущественной тогда Турціи, удалось сломить только во второй половинѣ XVIII в. Такъ поздно разрѣшилась въ нашей исторіи задача, выдвинутая еще XIV в. и занимавшая тогда Москву. Но уже въ XIV в. эта задача перестала быть важнѣйшей и существеннѣйшей въ исторіи складывавшейся Московской государственности. Наступившій XV в. принесъ свои задачи: Москвѣ пришлось переболѣть въ началѣ XV в. той болѣзнью, которою страдали всѣ удѣльныя княжества и отъ которой доселѣ хранили ее счастливо складывавшіяся обстоятельства. Эта болѣзнь—глубокая, внутренняя, вырастала во всѣхъ тогдашнихъ государственныхъ соединеніяхъ органически изъ обычаевъ наслѣдованія, господствовавшихъ въ тѣ времена у удѣльныхъ князей. Удѣльные князья считали свои княженія личной собственностью, а потому и распоряжались ими, какъ собственностью. Личная воля князя-собственника опредѣляла преемство владѣнія. Эта личная воля высказывалась каждымъ княземъ въ его душевной граматѣ—духовномъ завѣщаніи. Отъ Московскихъ князей дошло до насъ шестнадцать духовныхъ завѣщаній, и по нимъ можно дать себѣ очень отчетливое представленіе о порядкѣ наслѣдованія въ ихъ родѣ. Наслѣдниками по духовнымъ граматамъ Московскихъ князей прежде всего являются сыновья завѣщателя, за отсутствіемъ сыновей— его братья, потомъ жены и дочери. Вотчина завѣщателя не дѣлилась между наслѣдниками на опредѣленныя сплошныя пространства, а каждому наслѣднику выкраивалась отдѣльная доля изъ каждой части владѣнія, части же эти обозначались или постепенностью пріобрѣтенія, или доходностью. Въ духовномъ завѣщаніи великаго князя Димитрія Донского части, на которыя въ его представленіи распадалась его вотчина, обозначены въ такомъ порядкѣ: городъ Москва, дворцовыя подмосковныя села, дворцовыя села въ чужихъ, немосковскихъ удѣлахъ и въ великокняжеской области Владимірской, другія старинныя владѣнія московскія, пріобрѣтенія отца, дядей и дѣда и, наконецъ, позднѣйшія пріобрѣтенія самого завѣщателя и близкія по времени пріобрѣтенія его отца и дяди. Каждый наслѣдникъ получалъ особую долю въ каждомъ изъ этихъ разрядовъ московскихъ владѣній, особый жребій въ городѣ Псковѣ и въ подмосковныхъ селахъ, особый въ старинныхъ московскихъ владѣніяхъ и особый въ новыхъ примыслахъ.

Въ результатѣ такого раздѣленія получалась невѣроятная черезполосица княжескаго владѣнія, слѣдовательно, готовая почва для всякаго рода столкновеній, недоразумѣній, ссоръ и споровъ. Каждый князь-сонаслѣдникъ, вступивъ во владѣніе завѣщанными ему долями, становился полнымъ хозяиномъ доставшагося ему удѣла, которымъ и владѣлъ по смерть вполнѣ независимо, какъ владѣлъ завѣщавшій ему эту долю своего имущества отецъ. «Тебѣ знати моя отчина, а мнѣ знати своя отчина» — какъ говорили размежевавшіеся между собой наслѣдники. Между собой наслѣдники заключали договоры, опредѣляющіе ихъ взаимныя отношенія. Они обязывались не вмѣшиваться въ удѣльныя дѣла другъ друга, не могли безъ разрѣшенія владѣльца пріобрѣтать земли въ чужомъ удѣлѣ, не могли безъ позволенія владѣльца проѣхать черезъ его владѣнія «на свою утѣху», т.-е. на охоту. Если одинъ князь владѣлъ селами въ области другого, то могъ собирать съ такихъ селъ только хозяйственный оброкъ, а по суду и податямъ эти села тянули къ владѣльцу удѣла. Такимъ образомъ, удѣльные князья-сонаслѣдники, сыновья одного отца, получивъ каждый свою долю, становились самостоятельными, независимыми одинъ отъ другого владѣтелями. Но родственная связь устанавливала между ними невольную близость. Кругомъ было много враговъ, князей-владѣтелей, далекихъ по родству отъ данной группы, и князья-ближайшіе родичи должны были крѣпко держаться одинъ за другого, чтобы обезопасить себя и свои удѣлы отъ хищныхъ вожделѣній со стороны чужаковъ-сосѣдей. Подчиняясь этой родственной близости и чувству самосохраненія, князья, дѣти одного отца или отцовъ-братьевъ, родные и двоюродные братья, дяди и племянники держатся одинъ за другого и обѣщаютъ другъ другу въ договорахъ «быти всѣмъ за одинъ до живота». Повинуясь завѣту отца, приказывавшаго въ своей душевной граматѣ старшему сыну молодшую его братію, чтобы онъ былъ ея попечитель, младшіе удѣльные князья обязывались чтить старшаго вмѣсто отца, а старшій обязывался держать младшихъ братьевъ въ братствѣ, безъ обиды и заботиться объ ихъ дѣтяхъ, если они осиротѣютъ. Въ интересахъ внѣшней безопасности князья-родственники заключали тѣсный наступательный и оборонительный союзъ: «быть тебѣ съ нами, — говорили они старшему, — а намъ съ тобой». Великій князь обязывался не заключать договоровъ безъ вѣдома младшихъ и наоборотъ. Враги и друзья должны были быть общіе. «Пойду я въ походъ, — говорилось въ договорѣ отъ лица старшаго, — и вамъ садиться на коней; когда я самъ не пойду, а васъ пошлю, вамъ идти безъ ослушаній». Но всѣ эти договоры, какъ ни категоричны они казались, хранили силу до перваго столкновенія, до первой перемѣны въ наличномъ составѣ князей. Поводовъ къ нарушеніямъ договоровъ было довольно, перемѣны въ составѣ князей были часты, и договоры приходилось то и дѣло перезаключать, вслѣдствіе чего до насъ дошло ихъ очень много. Одно это обиліе можетъ свидѣтельствовать, какъ собственно непрочны были опредѣляемыя этими договорами рамки, несмотря на первенство старшаго наслѣдника, получавшаго значительно большую долю. Именно на этомъ основаніи выросла обособленность отдѣльныхъ великихъ княженій—Суздальскаго, Ярославскаго, Ниже-

Mezzotintogravure Bruckmann

Опочивальня Алексѣя Михайловича.

городскаго, Тверского, Рязанскаго, Московскаго, связывавшихся въ концѣ концовъ въ одно цѣлое только зависимостью отъ татаръ, назначавшихъ одного изъ этихъ великихъ князей старшимъ судьей и собирателемъ дани, какимъ со временъ Ивана Калиты и его сыновей являлся Московскій великій князь. Понятіе своей независимости другъ отъ друга внѣ обязательнаго отношенія къ татарамъ было настолько опредѣленно среди удѣльныхъ князей, что даже въ договорѣ младшаго Серпуховского князя Владиміра Андреевича съ старшимъ великимъ княземъ Димитріемъ Донскимъ стоитъ такое условіе: «еже ны Богъ избавитъ, ослободитъ отъ Орды, ино мнѣ два жеребья дани, а тобѣ треть», т.-е. великій князь будетъ удерживать свои двѣ трети ордынской дани въ своихъ рукахъ, а удѣльный свою треть въ своихъ. Но пока существуетъ зависимость отъ хана, великіе князья настойчиво берегутъ свое право собирать ордынскій выходъ съ младшихъ для передачи непосредственно въ Орду и стараются не допускать младшихъ родичей до непосредственныхъ сношеній съ татарами. Въ договорахъ это выражалось положеніемъ: «мнѣ знать Орду, а тобѣ Орды не знать».

Но въ силу обстоятельствъ, длящейся зависимости отъ Орды и экономической силы старшихъ князей, младшимъ родичамъ все меньше и меньше приходилось ощущать на дѣлѣ свою самостоятельность. Въ Москвѣ со временъ Ивана Калиты опредѣляется явное стремленіе князей-завѣщателей дѣлить свою вотчину такъ, чтобы размѣры долей соотвѣтствовали степени старшинства получавшаго данную долю наслѣдника. Чѣмъ старше былъ наслѣдникъ, тѣмъ большая часть наслѣдства доставалась ему. Получалось это изъ простого семейнаго соображенія: старшій братъ послѣ смерти отца становился въ отца мѣсто для своихъ младшихъ родичей, и, чтобы съ честью и властью нести свое старшинство, долженъ быть сильнѣе ихъ. Сначала этотъ излишекъ былъ невеликъ, но со временъ Донского получаетъ очень значительные размѣры. Димитрій Донской раздѣлилъ свою вотчину на пять частей по числу сыновей и, опредѣливъ доходность каждой части, указалъ, сколько долженъ вносить каждый изъ его наслѣдниковъ въ составъ каждой тысячи рублей ордынской дани. На долю старшаго сына, Василія Димитріевича, приходилось больше трети въ каждой тысячѣ дани. Послѣ Донского доля старшаго еще болѣе возрастаетъ, и внукъ его, Василій Василіевичъ Темный, тоже дѣля свою вотчину на пять частей, старшему сыну Ивану даетъ одному 14 городовъ съ уѣздами, притомъ самыхъ большихъ и богатыхъ, а остальнымъ всѣмъ вмѣстѣ всего 12 младшихъ городовъ. Его сынъ, Иванъ III, дѣлитъ свою вотчину (въ 1504 г.) тоже на пять частей и старшему сыну Василію отказываетъ 66 городовъ, младшимъ же всѣмъ вмѣстѣ только 30; великій князь получаетъ на свою долю 717 рублей съ тысячи дани, а остальные всѣ вмѣстѣ 283 рубля. Въ рукахъ старшаго наслѣдника сосредоточивалось въ результатѣ столько средствъ, а, слѣдовательно, и силы, что младшіе родичи оказывались всецѣло подъ рукой великаго князя и теряли всякую возможность выйти изъ-подъ его власти. Посредствомъ такого преобладанія въ силѣ и богатствѣ великій князь превращался въ государя не только для простыхъ людей, но и для самихъ удѣль-

ныхъ князей. Это превращеніе происходило постепенно, начинаясь съ тѣхъ условій, которыя заключались между старшими и младшими князьями и обязывали послѣднихъ служить первымъ. Удѣльный младшій князь, оставаясь независимымъ въ своемъ удѣлѣ, обязывался служить великому князю безъ ослушанія, а великій князь обязывался «кормить» младшаго, вознаграждать его, какъ слугу, за службу. Со временъ Калиты, богатый Московскій князь начинаетъ скупать цѣлые города и удѣлы у нуждавшихся удѣльныхъ князей. Въ условія покупки входило обыкновенно правило, по которому покупщикъ удѣла оставлялъ продавцу пользованіе проданной вотчиной, но обязывалъ продавца служить ему на всей его волѣ. Такъ поступилъ Калита съ князьями Бѣлозерскимъ и Галицкимъ. Когда продавшіе свои удѣлы князья умирали, и въ условіе продажи не входила передача обязательства отца сыну, или, если сыновей не было, другому наслѣднику, купленная великимъ княземъ вотчина включалась въ число другихъ его вотчинъ. Если великій князь отнималъ вотчину у какого-нибудь удѣльнаго князя и затѣмъ возвращалъ ее обратно, то обязывалъ такого князя служить ему, великому князю, безъ ослушанія и считать свою возвращенную вотчину пожалованіемъ великаго князя. Когда самостоятельные удѣлы стали совсѣмъ рѣдки, великій князь сталъ просто требовать у такихъ сохранившихъ свою независимость князей, чтобы они во всемъ подчинялись его волѣ, за что гарантировалъ имъ владѣніе ихъ вотчинами. Все это происходило на глазахъ татаръ, но Орда конца XIV и начала XV вв., выродившаяся въ простое разбойничье гнѣздо, удовлетворялась данью, которую ей платилъ великій князь Московскій, очень неаккуратно, впрочемъ, и не вмѣшивалась въ его поступки съ младшими князьями.

Въ результатѣ почти неоспоримо и безпрекословно росла власть Московскаго великаго князя надъ другими князьями. Одна счастливая случайность чрезвычайно благопріятствовала этому возвышенію Москвы и ея великаго князя. Съ Ивана Калиты въ продолженіе ста лѣтъ,—говоритъ проф. В. О. Ключевскій, — такимъ великимъ княземъ становится почти всегда старшій сынъ предшествовавшаго великаго князя, у котораго въ минуту смерти обыкновенно не оказывалось на лицо младшихъ братьевъ. Случилось такъ, что Московскій княжескій домъ не разрастался въ боковыя вѣтви, младшіе дяди во-время уходили со сцены, не становясь поперекъ дороги старшимъ племянникамъ. Потому переходъ великокняжескаго достоинства въ нисходящей линіи до смерти Калитина правнука, великаго князя Василія Димитріевича, не вызывалъ спора среди Московскихъ князей, а князьямъ другихъ линій, соперничавшихъ съ Московскими, ни Суздальскимъ, ни Тверскимъ, не удалось перебить у нихъ великаго княженія. Случайность, повторяясь, становится прецедентомъ, который, силою привычки, превращается въ обязательное требованіе, въ правило. Неоспариваемый переходъ великокняжеской власти отъ отца къ сыну, повторявшійся въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній, сталъ, по выраженію лѣтописи, «отчествомъ и дѣдствомъ», обычаемъ, освященнымъ примѣрами отцовъ и дѣдовъ, на который всѣ стали смотрѣть, какъ на правильный порядокъ, забывая о прежнемъ порядкѣ преемства по старшинству.

Первые признаки «нелюбья» у Московскихъ князей начались при сынѣ Донского Василіи. Василій Димитріевичъ обязалъ своихъ братьевъ признавать своего сына Василія же старшимъ и не искать подъ нимъ Московскаго стола. Два брата—старшій Юрій и Константинъ, самый младшій, родившійся за четыре дня до смерти отца, отказались признать старшинство племянника. Когда Василій Димитріевичъ скончался, сыну его Василію Васильевичу было только десять лѣтъ, но въ распоряженіи его опекуновъ—митрополита Фотія и матери Софіи Витовтовны, дочери великаго князя Литовскаго, были всѣ средства, накопленныя вѣковымъ первенствомъ Москвы, весь авторитетъ ея, создавшійся на почвѣ непререкаемаго первенства уже не только въ Московской области, но и во всей сѣверо-восточной Руси. Митрополитъ Фотій послалъ къ Юрію въ Звенигородъ своего боярина звать въ Москву звенигородскаго князя. Но Юрій уѣхалъ изъ Звенигорода въ отдаленный Галичъ и сталъ грозить оттуда племяннику, отказываясь признавать его старшинство. Въ Москвѣ собрали войско, и братъ Юрія, Константинъ, теперь признавшій старшинство племянника, повелъ его къ Нижнему, куда бѣжалъ изъ Галича Юрій. Юрій, собравъ кое-какія силы, пошелъ навстрѣчу. Братья постояли другъ противъ друга и разошлись: кажется, Константинъ опять раздумалъ признавать старшинство Василія Васильевича и не напалъ на брата. Юрій ушелъ въ Галичъ и послалъ въ Москву просить отсрочки для признанія племянника. Тогда митрополитъ Фотій по совѣту самого Витовта поѣхалъ уговаривать Юрія смириться и признать старшинство Василія. Юрій съ честью встрѣтилъ митрополита, но и слышать не хотѣлъ о подчиненіи. Митрополитъ разсердился и уѣхалъ, не благословивъ ни князя Юрія, ни городъ. Это такъ подѣйствовало на Юрія, что онъ поѣхалъ вслѣдъ за митрополитомъ и обѣщалъ не искать великаго княженія самъ собою, но ханомъ, т.-е. просилъ свою тяжбу съ племянникомъ предоставить на судъ въ Орду. Въ Москвѣ согласились. Но поѣздка въ Орду по доброй волѣ казалась уже все-таки до такой степени дѣломъ необычнымъ и нежеланнымъ, что ее стали откладывать и затянули на три года. Юрій, не находя себѣ союзниковъ, боясь могущественнаго Литовскаго князя, которому Василій Васильевичъ приходился по матери роднымъ внукомъ, пошелъ на уступки и въ 1428 г. призналъ себя младшимъ братомъ своего племянника по родству и обязался не искать подъ нимъ великаго княженія. Но въ 1431 г., когда умеръ Витовтъ, Юрій снова потребовалъ поѣздки въ Орду на судъ къ хану изъ-за старшинства. Съ молодымъ Московскимъ княземъ поѣхали его бояре, дорожившіе первенствомъ Василія, какъ основой своей силы и значенія въ великомъ княжествѣ: новый великій князь привелъ бы съ собой своихъ бояръ, которые и заняли бы мѣсто старыхъ московскихъ. Во главѣ московскихъ бояръ, отправившихся съ Василіемъ Васильевичемъ въ Орду, былъ бояринъ Иванъ Димитріевичъ Всеволожскій, хитрый, ловкій, находчивый, дѣлецъ чисто московскаго склада. Весной 1432 г. начался судъ между дядей и племянникомъ. Юрій доказывалъ свои права на старшинство лѣтописями, старыми обычаями, ссылался и на завѣщаніе Димитрія Донского, въ которомъ завѣщатель, разумѣя случай безпотом-

ственной смерти своего старшаго наслѣдника, опредѣлялъ великое княженіе старшему по немъ брату, какимъ являлся Юрій Димитріевичъ. Эти ссылки были отбиты словами Всеволожскаго, отстаивавшаго интересы своего молодого князя. Всеволожскій сказалъ хану: «Князь Юрій ищетъ великаго княженія по завѣщанію отца своего и по лѣтописцамъ, но то все мертвыя граматы. Князь же Василій основываетъ свои домогательства на твоей милости: ты далъ улусъ свой отцу его Василію Димитріевичу; тотъ, основываясь на твоей милости, передалъ его сыну своему, который уже столько лѣтъ княжитъ и не свергнутъ тобой, слѣдовательно, княжитъ по твоей же милости».

Нечего и говорить, что всѣ мурзы, совѣтники хана, получили богатые подарки отъ имени Василія и говорили хану тоже за Московскаго князя, за племянника противъ дяди. Слова Всеволожскаго склонили окончательно хана въ пользу Василія, и онъ объявилъ его великимъ княземъ и хотѣлъ

Великая княгиня Софья Витовтовна вырываетъ поясъ у кн. Василія Косого. Съ карт. Чистякова.

даже, чтобы при торжественномъ объявленіи Юрій велъ коня своего племянника, но Василій самъ отказался отъ этой чести, не желая оскорблять дядю, и уступилъ ему, для позолоты обиды, удѣлъ его брата Петра, умершаго въ 1428 г., городъ Дмитровъ. Какъ кажется, Юрія обязали жить вблизи отъ Москвы, въ Дмитровѣ, но онъ, согласившись сначала, уѣхалъ вдругъ въ Галичъ; тогда у него отобрали Дмитровъ обратно. За свои услуги въ Ордѣ бояринъ Всеволожскій разсчитывалъ породниться съ великимъ княземъ, выдавъ за него свою дочь. Но великая княгиня Софья Витовтовна, мать Василія Василіевича, настояла, чтобы онъ женился на внучкѣ Владиміра Андреевича Храбраго. Всеволожскій обидѣлся и отъѣхалъ отъ великаго князя. Конечно, онъ отправился къ Юрію Димитріевичу и сталъ уговаривать его возобновить свои притязанія на великое княженіе. Какъ разъ въ это время въ Москвѣ жестоко обидѣли сыновей

Юрія—Василія Косого и Димитрія Шемяку. Оба Юрьевича пировали на свадьбѣ великаго князя. Василій Косой пріѣхалъ на свадебный пиръ одѣтымъ очень богато. Вниманіе всѣхъ было обращено на его поясъ, прекрасной чеканной работы, усаженный драгоцѣнными камнями. Старый бояринъ Петръ Константиновичъ разсказалъ великой княгинѣ Софьѣ Витовтовнѣ исторію этого пояса, будто бы выкраденнаго изъ великокняжеской казны послѣднимъ тысяцкимъ Василіемъ Вельяминовымъ. Поясъ этотъ былъ данъ въ приданое Суздальскимъ княземъ Димитріемъ своей дочери Евдокіи, вышедшей замужъ за Димитрія Донского. Вельяминовъ отдалъ этотъ поясъ, подмѣнивъ его другимъ, менѣе цѣннымъ, своему сыну Николаю, женатому на другой дочери Суздальскаго князя. Николай Вельяминовъ далъ этотъ поясъ въ приданое своей дочери, вышедшей замужъ за Всеволожскаго; Всеволожскій же подарилъ этотъ поясъ Василію Юрьевичу Косому, своему будущему зятю, при обрученіи его съ той дочерью, которую онъ раньше прочилъ за великаго князя Василія Васильевича. Когда гордая и дерзкая на руку Софья Витовтовна узнала исторію пояса, она подошла къ Косому и при всѣхъ сорвала съ него поясъ, какъ незаконно присвоенный его владѣльцемъ. Оба князя Юрьевичи, смертельно оскорбленные, тотчасъ же оставили пиръ и уѣхали въ Галичъ къ отцу. Юрій собралъ большія силы, главнымъ образомъ, въ Вяткѣ, которая была тогда вольнымъ городомъ и не знала князей, и пошелъ на племянника. Онъ занялъ уже Троицкій монастырь, когда въ Москвѣ узнали о его движеніи.

Василій Васильевичъ выступилъ было противъ дяди съ наскоро собранными силами, но былъ разбитъ на Клязьмѣ, верстахъ въ 20 отъ Москвы. Юрій торжественно въѣхалъ въ Москву и объявилъ себя великимъ княземъ. Помня, какъ племянникъ пощадилъ его самолюбіе въ Ордѣ, да, кажется, и вообще несклонный къ крутымъ мѣрамъ, Юрій Димитріевичъ не только не преслѣдовалъ племянника, но далъ уговорить себя своему боярину Морозову, у котораго первое мѣсто отбилъ перебѣжчикъ Всеволожскій, на то, чтобы дать Василію Васильевичу особый удѣлъ и именно Коломну—городъ, который всегда отдавался старшему сыну вел. князя. Всеволожскій и сыновья Юрія были страшно противъ этого, но онъ настоялъ на своемъ, далъ богатый пиръ племяннику, одарилъ его и отпустилъ въ Коломну. Поборникъ стараго порядка наслѣдованія, Юрій, былъ, кажется, искреннимъ въ обоснованіяхъ своего права на великое княженіе; только этой искренностью и можно объяснить его поведеніе по отношенію къ Василію Васильевичу. Съ дальнѣйшимъ наслѣдованіемъ великаго княженія дѣло обстояло такъ. Со старой точки зрѣнія, раздѣляемой Юріемъ, наслѣдовать великое княженіе послѣ него долженъ былъ единственный остававшійся въ живыхъ братъ его Константинъ Димитріевичъ, а послѣ Константина старѣйшимъ наслѣдникомъ являлся все тотъ же Василій Васильевичъ, старшій сынъ старѣйшаго брата Юрьева и Константинова, великаго князя Василія Димитріевича. Признавая право Василія Васильевича, Юрій и далъ ему такой большой городъ, какъ Коломна, но сыновья Юрія этихъ старыхъ правъ признавать не хотѣли и, считая,

что сила и удача отдали въ ихъ руки Москву, такую богатую добычу, хотѣли наслѣдовать отцу, какъ Василій Васильевичъ наслѣдовалъ своему отцу. Въ Москвѣ тоже мало кто раздѣлялъ старозавѣтные взгляды Юрія, и всѣ были недовольны, что приходится повиноваться Галицкимъ князьямъ. Поэтому какъ только *свой* великій князь Василій основался въ Коломнѣ, къ нему потянулись изъ Москвы всѣ недовольные «галицкимъ» порядкомъ; этихъ недовольныхъ было такъ много, что положеніе Юрія въ Москвѣ стало непрочнымъ. Василій Косой и Димитрій Шемяка страшно разсердились на Морозова, совѣтовавшаго ихъ отцу отпустить Василія Васильевича въ Коломну, и убили старика въ самыхъ сѣняхъ отцовскаго дворца. Опасаясь гнѣва отца, оба убійцы бѣжали изъ Москвы. Юрій, дѣйствительно, разгнѣвался на дѣтей, убившихъ его друга, и, сознавая свое дѣло проиграннымъ, послалъ къ Василію въ Коломну звать его на великое княженіе, а самъ, сопровождаемый всего пятью человѣками, уѣхалъ въ Галичъ. Юрій по собственному почину отказался принимать къ себѣ Косого и Шемяку, призналъ племянника старшимъ братомъ, предоставилъ ему вѣдать Орду, выговорилъ себѣ только право не ходить въ походы по приказанію великаго князя и не ѣздить къ нему въ Москву. Всеволожскій былъ схваченъ Василіемъ Васильевичемъ и ослѣпленъ. Этимъ признаніемъ со стороны Юрія правъ младшаго на старшинство, переходящее къ нему по завѣщанію отца, окончился первый актъ междоусобицы Московскихъ князей, какъ ни какъ все же основанной на нѣкоторомъ забытомъ, но имѣвшемъ свой смыслъ идейномъ положеніи. Затѣмъ начался второй актъ, чисто хищническій въ своей основѣ и въ своихъ явленіяхъ опиравшійся только на силу и удачу дѣйствовавшихъ лицъ. Сыновья Юрія уговорили отца присоединиться къ нимъ и соединенными усиліями разбили посланный противъ нихъ московскій отрядъ. За это Василій Васильевичъ напалъ на Галичъ и разорилъ его. Юрій призвалъ тогда сыновей, поднялъ Вятку и пошелъ на Москву. Московское войско князя было разбито, и Василій Васильевичъ бѣжалъ въ Новгородъ. Москва была снова занята Юріемъ. Василій Васильевичъ сталъ собираться въ Орду, но узналъ, что Юрій умеръ, и старшій сынъ его, Василій Косой, занялъ Московскій столъ и объявилъ себя великимъ княземъ.

Но братья Косого—Шемяка и Красный, оба Димитрія, отказались признавать своего старшаго брата великимъ княземъ, считая, что ему въ Москвѣ, не любившей Галицкихъ князей, все равно не усидѣть, и послали за Василіемъ Васильевичемъ звать его на великое княженіе, разсчитывая получить съ него за это прибавку къ своимъ удѣламъ. Прибавка была дана обоимъ Димитріямъ Юрьевичамъ, великій князь обѣщалъ не наказывать вятичей, помогавшихъ все время Косому и Шемякѣ. Косой бѣжалъ въ Новгородъ и оттуда, собравъ небольшую дружину, началъ нападать на города великаго князя и грабить его села. Великій князь согласился тогда дать удѣлъ Косому и далъ ему Дмитровъ. Но Косой опять началъ смуту. Великій князь, подозрѣвая Шемяку въ пособничествѣ брату, задержалъ его у себя, когда онъ пріѣхалъ въ Москву звать его на свою свадьбу. Косой отъ этого не пострадалъ, а въ лицѣ Шемяки великій князь

пріобрѣлъ новаго врага. Наконецъ, великому князю удалось схватить Косого. Василій Васильевичъ велѣлъ его ослѣпить. Шемяку великій князь выпустилъ изъ заключенія и далъ ему новый удѣлъ. Съ 1440 г. по 1445 г. все обстояло мирно. Въ 1445 г. на Москву напали татары. Это было то самое нападеніе, когда великій князь Василій Васильевичъ попался въ плѣнъ. Отпущенный за огромный выкупъ, онъ сталъ довольно жестоко собирать деньги на выкупъ съ разореннаго татарскимъ нашествіемъ народа. Пошли слухи, что великій князь, кромѣ выкупа, обѣщалъ отдать татарамъ какія то земли, чуть ли не Москву даже, а самъ хотѣлъ удовольствоваться Тверью. Это были слухи, ни на чемъ не основанные, но правдой было то, что съ Василіемъ изъ Орды пріѣхало много татаръ, пожелавшихъ поступить къ нему на службу. Онъ всѣмъ этимъ выходцамъ давалъ большія земельныя пожалованія. Это такъ раздражило многихъ князей, что они вступили въ переговоры съ Шемякой о лишеніи Василія Васильевича великаго княженія. Въ самой Москвѣ было много недовольныхъ, и вотъ, когда великій князь отправился въ богомольный походъ къ Троицѣ, недовольные дали знать объ этомъ Шемякѣ. Шемяка неожиданно ночью вошелъ въ Москву, всѣ сторонники Василія были схвачены и ограблены, и за самимъ великимъ княземъ послали къ Троицѣ. Здѣсь его схватили, сказавъ, что онъ взятъ подъ стражу повелѣніемъ великаго князя Димитрія Юрьевича. Сначала Василія Васильевича утѣшали, говорили, что ему не сдѣлаютъ никакого зла, а что теперь схватили, такъ это только для прилику, «для христіанства и для твоего окупа. Татары, которые съ тобою пришли, когда увидятъ тебя въ плѣну, облегчатъ окупъ». Въ простыхъ саняхъ привезли Василія Васильевича въ Москву и посадили на дворѣ у Шемяки. Здѣсь ему стали говорить: «Зачѣмъ привелъ татаръ на русскую землю и города съ волостями отдалъ имъ въ кормленіе? Татаръ и языкъ ихъ любишь сверхъ мѣры, а христіанъ томишь безъ милости; золото и серебро и всякое имѣніе отдаешь татарамъ. Зачѣмъ ослѣпилъ князя Василія Юрьевича?» Допросъ кончился тѣмъ, что люди Шемяки ослѣпили Василія Васильевича, получившаго поэтому впослѣдствіи прозваніе Темный. Дѣти великаго князя были спасены княземъ Ряполовскимъ, который заперся съ ними въ Муромѣ. Ослѣпленнаго Василія Васильевича Шемяка послалъ въ Угличъ. Противъ Шемяки скоро поднялось большое движеніе. Старые московскіе бояре, которымъ грозила потеря ихъ значенія при новомъ великомъ князѣ, начали борьбу съ Шемякой, чтобы вернуть на великое княженіе Василія; въ обществѣ, которое было очень недовольно безсуднымъ поведеніемъ Шемякиныхъ бояръ и тіуновъ, спѣшившихъ нажиться и создавшихъ своими поступками матеріалъ для извѣстныхъ сказаній о Шемякиномъ судѣ, тоже поднялось волненіе за Василія. Шемяка черезъ посредство нареченнаго митрополита Іоны выманилъ у защитниковъ Васильевыхъ дѣтей обоихъ княжичей и отправилъ ихъ въ заточеніе къ отцу, хотя обѣщалъ святителю Іонѣ держать ихъ въ чести и освободить самого Василія. Нареченный митрополитъ каждый день твердилъ Шемякѣ: «сдѣлалъ ты неправду, а меня ввелъ въ грѣхъ и срамъ; ты обѣщалъ и князя великаго выпустить, а вмѣсто того и дѣтей его посадилъ съ нимъ; ты

мнѣ далъ слово на этомъ, и они меня послушали, пошли къ тебѣ, а теперь я лжецъ передъ ними. Выпусти великаго князя, сними грѣхъ со своей души и съ моей; что тебѣ можетъ сдѣлать слѣпой да малыя дѣти? Если боишься, укрѣпи его крестомъ честнымъ да нашей братіею владыками». Осенью 1446 г., т.-е. черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ослѣпленія Василія Васильевича, Шемяка освободилъ его съ дѣтьми, обязалъ крестнымъ цѣлованіемъ не искать великаго княженія и далъ ему въ удѣлъ богатую Вологду. Но какъ только Василій очутился на свободѣ, къ нему потянулись друзья, сочувствующіе, недовольные Шемякой, всѣ тѣ, кто былъ народомъ-Москвой и не хотѣлъ терпѣть, чтобы городъ Москва оставалась въ галицкихъ рукахъ. За Василія высказывались даже Тверскіе князья. Всѣми чтимый игуменъ Кириллъ Бѣлозерскаго монастыря снялъ съ великаго князя Василія клятвы, данныя Шемякѣ; пришли къ Василію всѣ, кто ушелъ въ Литву отъ Шемяки, пришли даже два татарскихъ царевича, помня добро и хлѣбъ-соль великаго князя, какъ сказали они встрѣтившимъ ихъ русскимъ сторонникамъ великаго князя. Шемяка почувствовалъ себя не въ силахъ бороться и уступилъ, признавъ Василія Васильевича Темнаго государемъ, великимъ княземъ, братомъ старѣйшимъ, обязался возвратить все взятое изъ казны великокняжеской и архива, отступался отъ нѣкоторыхъ волостей и просилъ только оставить за нимъ отчину, да ставилъ условіемъ, чтобы великій князь не вызывалъ его въ Москву, пока тамъ нѣтъ митрополита, указывая, что только при ручательствѣ митрополита онъ можетъ чувствовать себя въ Москвѣ безопасно. Клятвопреступленія, обманы, нечаянныя нападенія, ослѣпленія другъ друга создали, очевидно, среди князей тяжелую атмосферу недовѣрія, если условіемъ свиданія ставится ручательство отца митрополита. Шемяка ушелъ въ свои земли, но никакъ не могъ примириться съ положеніемъ побѣжденнаго и младшаго, побывавъ старшимъ. Онъ началъ безчисленныя интриги противъ Москвы, раздувая всякое недовольство, гдѣ бы оно ни возникало — въ Новгородѣ, въ Казанскомъ царствѣ, въ самой Москвѣ, гдѣ Шемяка владѣлъ жеребьемъ отца своего Юрія Димитріевича. Чиновники великаго князя перехватили граматы Шемяки къ его московскому управляющему-тіуну, въ которыхъ Шемяка приказывалъ своему довѣренному всячески склонять московскихъ горожанъ противъ великаго князя. Великій князь отдалъ тогда все свое дѣло съ Шемякой на судъ духовенству, митрополиту, архіереямъ и архимандритамъ. Духовенство строго осудило поступки Шемяки и отправило ему грозное посланіе. Это посланіе — замѣчательный памятникъ той эпохи, ярко рисующій господствовавшій тогда взглядъ на власть и ея значеніе въ государствѣ. Духовенство ясно и опредѣленно высказывается за единодержавіе. Поступокъ отца Шемяки Юрія сравнивается въ граматѣ съ поступкомъ праотца Адама, которому сатана вложилъ въ сердце желаніе быть подобнымъ Богу; сатана же вложилъ въ сердце князю Юрію пагубную мысль равняться съ великимъ княземъ. «Сколько трудовъ перенесъ отецъ твой,—говорилось въ граматѣ,—сколько истомы потерпѣло отъ него христіанство, но великаго княженія все-таки не получилъ: не дано ему было Богомъ и земскою изначальною пошлиной». Въ

А. ВАСНЕЦОВЪ—СТАРАЯ МОСКВА.

MEZZOTINTOGRAVÜRE BRUCKMANN, MÜNCHEN

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ

глазахъ духовенства новый, только въ Москвѣ утвердившійся порядокъ является ужъ настолько непоколебимымъ и привычнымъ, что авторы посланія, не обинуясь, называютъ его «земскою изначала пошлиною». Самъ Шемяка сравнивается съ Каиномъ и Святополкомъ Окаяннымъ, его домогательства называются безразсудными: «Самъ посуди,—спрашиваетъ грамата,—какое добро сдѣлалъ ты православному христіанству, или какую пользу получилъ самому себѣ: много ли нагосподарствовалъ, пожилъ ли въ тишинѣ? Не постоянно ли жилъ въ заботахъ, въ переѣздахъ съ мѣста на мѣсто, днемъ томился тяжелыми думами, ночью дурными снами? Ища и желая большаго, ты погубилъ и свое меньшее». Въ заключеніе соборъ духовенства предлагалъ Шемякѣ не губить души своей, искренно примириться съ великимъ княземъ и исполнять честно всѣ условія договора, въ противномъ же случаѣ отлучается онъ отъ Бога, отъ церкви Божіей, отъ православной христіанской вѣры и предаетъ себя вѣчной клятвѣ и неисходнымъ мукамъ въ будущемъ вѣцѣ ономъ.

Шемяка не послушался, и великій князь долженъ былъ выступить на него съ войскомъ. Тогда только Шемяка сталъ просить мира, обѣщая честно соблюдать условія прежнихъ договоровъ. Митрополитъ Іона, только что вступившій на митрополичій престолъ, извѣстилъ всѣхъ князей о подчиненіи Шемяки великому князю и въ этомъ своемъ извѣщеніи еще разъ, ярче и рѣшительнѣе прежняго, подчеркнулъ суть новаго отношенія удѣльныхъ князей къ великому князю всея Руси. Указавъ, сколько крови христіанской пролилъ князь Димитрій Юрьевичъ, сколько разъ крестъ цѣловалъ слушаться великаго князя, и столько же разъ измѣнялъ, митрополитъ Іона говоритъ: «пишу къ вамъ, чтобы вы пощадили себя не только тѣлесно, но и духовно и посылали бить челомъ къ *своему господарю* великому князю о жалованіи, какъ ему Богъ положитъ на сердце. Если же не станете бить челомъ своему господарю, и прольется отъ того кровь христіанская, то вся эта кровь взыщется отъ Бога на васъ, за ваше окаменѣніе и неразуміе; будете чужды милости Божіей, своего христіанства, благословенія и молитвы нашего смиренія, да и всего великаго священства; Божіяго благословенія не будетъ на васъ; въ землѣ вашей никто больше не будетъ называться христіаниномъ, ни одинъ священникъ не будетъ священствовать, но всѣ Божіи церкви затворятся отъ нашего смиренія». Такимъ образомъ страшное церковное отлученіе, пускавшееся прежде въ ходъ только въ очень рѣдкихъ случаяхъ, теперь объявляется естественнымъ слѣдствіемъ взякаго неповиновенія московскому господарю со стороны удѣльныхъ князей. Москва и ея государь явно вырастаютъ въ размѣры, покрывающіе всѣ остальныя государственныя величины, существующія въ странѣ.

Въ 1448 г. писалъ митрополитъ Іона свое посланіе, а въ 1449 г. Шемяка въ самое Свѣтлое воскресеніе, нарушая и крестное свое цѣлованіе, и данныя имъ на себя проклятыя граматы и покой всего христіанства въ Великій день, напалъ на великокняжескій городъ Кострому. Взять городъ Шемяка не смогъ, кинулся на другія волости и началъ мелкую войну, избѣгая встрѣчъ съ большими силами великокняжескаго войска и нападая на села и мелкіе отряды. 27-го сентября 1450 г. воевода великаго

князя князь Василій Оболенскій напалъ на Шемяку, стоявшаго съ большими силами подъ Галичемъ. Битва была жестокая. Шемякѣ надо было драться за свою жизнь, и онъ мужественно защищался, но былъ все-таки разбитъ и бѣжалъ въ Новгородъ. Галицкая битва—послѣднее столкновеніе въ усобицѣ московскихъ князей, длившейся съ 1425 г.; это было и вообще послѣднее крупное побоище, возникшее на почвѣ удѣльныхъ счетовъ; наступало господство новыхъ порядковъ, когда перестала существовать самая почва, на которой могли возникать подобныя столкновенія; послѣ галицкой битвы пролилось еще не мало крови при объединеніи около Москвы отдѣльныхъ областей Великороссіи, но въ этихъ дальнѣйшихъ столкновеніяхъ Москва выступаетъ, какъ сила, покоряющая себѣ возмутившихся и бунтовщиковъ, а не какъ считающаяся со своими противниками въ правахъ, равная имъ величина.

Послѣ галицкой битвы Шемяка не смогъ оправиться. Помириться онъ отказался и сталъ предпринимать рядъ уже чисто разбойныхъ нападеній на владѣнія великаго князя, организуя эти нападенія въ Новгородѣ. Здѣсь въ 1453 г. дьякъ Степанъ Бородатый, пріѣхавшій изъ Москвы, поговорилъ съ Шемякинымъ бояриномъ Котовымъ, а этотъ Котовъ имѣлъ большой разговоръ съ поваромъ князя Димитрія. Князь Димитрій скончался, попробовавъ курицы, зажаренной этимъ поваромъ. 23-го іюня пригналъ изъ Новгорода съ этой вѣстью въ Москву подьячій Бѣда, получившій за привезенное имъ извѣстіе званіе дьяка.

Среди другихъ Московскихъ удѣльныхъ князей ни одинъ не отличался такой энергіей, какъ Шемяка. Тѣ изъ Московскихъ удѣльныхъ, которые помогали Шемякѣ, бѣжали въ Литву, какъ Можайскій князь Иванъ и Серпуховской Василій, другіе покорились и безпрекословно исполняли волю государя великаго князя, не считаясь съ нимъ родствомъ и братствомъ, а только величаясь этимъ, какъ особой честью себѣ. Въ результатѣ московской усобицы слѣпой плѣнникъ Шемяки восторжествовалъ не въ силу какихъ-либо особыхъ талантовъ—Василій Васильевичъ, какъ и его отецъ Василій Димитріевичъ,—самыя блѣдныя фигуры въ ряду Московскихъ князей,—а въ силу того, что за нихъ стояли опредѣленно сложившійся порядокъ, опредѣленныя общественныя группы, раздѣлявшія съ митрополитомъ Іоной убѣжденіе, что и наслѣдованіе отъ отца къ сыну—изначальная земская пошлина, и безусловное повиновеніе *государю* великому князю удѣльныхъ князей тоже изначальная земская пошлина [1]).

Невольно возникаетъ вопросъ, какъ же не воспользовались московскими усобицами старинные соперники Москвы, великіе князя Тверской и Рязанскій? Такой былъ благопріятный моментъ овладѣть положеніемъ и стать во главѣ всея Руси, какъ стоялъ Московскій великій князь. Положеніе казалось выгоднымъ для соперниковъ Москвы, но у нихъ ужъ не было силъ воспользоваться выгоднымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Да и не было уже больше на Руси сильныхъ княжествъ. Бояре сына Донского еще въ первую поѣздку его въ Орду купили у хана ярлыкъ на великое

---

[1]) *Пошлина*—то, что *пошло* отъ предковъ, обычай, традиція.

княжество Нижегородское, составлявшее силу и основаніе Суздальскихъ княженій. Законный князь былъ выгнанъ изъ города; его наслѣдники вынуждены были отказаться отъ своихъ правъ, и съ тѣхъ поръ, съ 1392 г., Нижній-Новгородъ—отчина Московскихъ великихъ князей, а слабые, мелкопомѣстные Суздальскіе и Ростовскіе князья не въ силахъ были въ чемъ-либо противиться Москвѣ.

Крутая расправа Донского съ Рязанью и Тверью очень обезсилила эти княжества; постоянная угроза Рязани отъ татаръ и мордвы, Твери отъ Новгорода и Литвы держала въ постоянномъ напряженіи подрѣзанныя Москвой силы этихъ княжествъ и не позволяла имъ оправиться. Лавируя вѣчно между Москвой и Литвой, эти княженія все время ставили себя подъ упрекъ въ отсутствіи патріотизма, въ склонности продавать за свои личныя выгоды явно ужъ тогда окрѣпшую, особенно послѣ Куликова, идею самостоятельной національности. Благодаря этому, около нихъ не собиралась общественная симпатія, и Москва, боровшаяся съ Литвой и татарами, несмотря на всѣ темныя и тяжелыя свои стороны, иногда больно задѣвавшія другихъ, властно приковывала къ себѣ общественныя симпатіи, на ней сосредоточивало тогдашнее общество свои надежды на освобожденіе отъ татаръ и на національное объединеніе. Вотъ почему великіе князья Тверской и Рязанскій за все время московской усобицы держатся за великаго князя Василія Васильевича, точно предвидя его конечное торжество, и рѣдко, несмѣло позволяютъ себѣ, въ случаяхъ торжества Галицкихъ князей, воздержаться отъ явной помощи неудачливому Василію Темному.

Во время первыхъ обостреній московскихъ усобицъ Рязанскій великій князь отдалъ себя и свое княженіе (въ 1427 г.) подъ покровительство великаго князя Литовскаго Витовта, который въ то время былъ всецѣло на сторонѣ своего внука великаго князя Московскаго. Но когда Витовтъ умеръ, въ Литвѣ начались свои усобицы среди его наслѣдниковъ, Москва къ этому времени оправилась, великій князь Рязанскій сталъ держаться за Москву и, умирая, въ 1456 г. отдалъ своего малолѣтняго сына на руки великаго князя Василія Васильевича. Темный перевезъ малолѣтняго рязанскаго наслѣдника въ Москву, а въ Рязани посадилъ своихъ намѣстниковъ. Въ 1454 г. Василій Темный заключилъ договоръ и съ Тверскимъ княземъ, при чемъ оба условливались быть за одно на татаръ, на ляховъ, на Литву и на нѣмцевъ, не принимать къ себѣ враговъ другъ друга, и въ случаѣ смерти одного изъ договаривающихся оставшійся въ живыхъ долженъ былъ заботиться о женѣ и дѣтяхъ умершихъ.

Въ конечномъ результатѣ Василій Темный могъ сказать про себя, что всѣ князья русскіе подвластны ему и творятъ только его государеву великаго князя волю. И на всемъ пространствѣ сѣверно-восточной Руси только одинъ Новгородъ съ Псковомъ и Вяткой сохраняли самостоятельность. Привести же ихъ къ своей волѣ сдѣлалось задачей наслѣдника Василія Темнаго—Ивана III Васильевича. Но и Новгородъ самъ по себѣ былъ не въ силахъ противодѣйствовать Москвѣ и искалъ помощи въ Литвѣ, а это такъ же, какъ въ Твери и Рязани, очень походило на измѣну національному чувству и вызывало протестъ во всей странѣ, почему

Москва всегда находила достаточную опору, когда шла на Новгородъ, чтобы отмстить ему за укрывательство Шемяки, за поддержку вятичамъ, которые много помогли Косому и Шемякѣ въ ихъ борьбѣ съ Василіемъ Темнымъ. Что касается Пскова, то соперничество съ Новгородомъ дѣлало его невольнымъ союзникомъ Москвы, и псковское вѣче даже въ минуты тяжелаго положенія Василія Темнаго высказывалось за него и у него искало утвержденія тѣхъ князей, которыхъ принимало къ себѣ. Въ Литвѣ такіе успѣхи Москвы вызывали большое недовольство. Но постоянныя усобицы въ средѣ Литовскихъ князей и борьба съ Ливонскимъ орденомъ и Польшей не позволяли имъ обратить всѣ свои силы на Москву. Положеніе измѣнилось, когда стало назрѣвать соединеніе Литвы и Польши въ одно государство. Но пока Русь сѣверо-восточная и юго-западная, составлявшія большую часть Литовскаго великаго княженія, занятыя каждая своими внутренними дѣлами, мало и случайно входили во враждебныя соприкосновенія другъ съ другомъ.

Въ 1462 г. скончался великій князь Василій Васильевичъ Темный. Еще при жизни онъ назвалъ старшаго своего сына Ивана великимъ княземъ и объявилъ его соправителемъ; всѣ граматы и распоряженія писались и исходили отъ имени обоихъ великихъ князей. Еще дѣдъ Темнаго Димитрій Донской благословилъ своего сына Владимірскимъ столомъ, не видя соперниковъ сыну въ достоинствѣ великаго князя; Василій Темный благословляетъ своего сына Владимірскимъ княженіемъ и считаетъ это княженіе неразрывно связаннымъ съ Московскимъ, какъ свою отчину. Остальнымъ четверымъ сыновьямъ Темный завѣщалъ совсѣмъ небольшіе удѣлы, назначая ихъ по преимуществу на сѣверѣ, западѣ, частью на югѣ, враздробь съ удѣлами старшаго, земли котораго сосредоточилъ большой компактной массой на востокѣ; въ результатѣ въ рукахъ старшаго наслѣдника очутились самые богатые, самые населенные и наиболѣе удаленные отъ границъ города; все это вмѣстѣ взятое давало наслѣднику Темнаго огромныя матеріальныя средства для того, чтобы держать въ полной покорности младшихъ братьевъ.

«Счастливый потомокъ цѣлаго ряда умныхъ, трудолюбивыхъ предковъ,—говоритъ С. М. Соловьевъ,—Іоаннъ III вступилъ на Московскій престолъ, когда дѣло собиранія сѣверо-восточной Руси могло почитаться уже оконченнымъ; старое зданіе было совершенно расшатано въ своихъ основаніяхъ, и нуженъ былъ послѣдній, уже легкій ударъ, чтобы дорушить его. Отношенія всѣхъ частей народонаселенія къ власти княжеской издавна уже опредѣлились въ пользу послѣдней: надлежало только воспользоваться обстоятельствами, чтобы выказать яснѣе эти отношенія, дать имъ точнѣйшее опредѣленіе. Новгородъ, Тверь, удѣлы княжества Московскаго ждали не послѣдняго удара, но, можно сказать, только перваго движенія со стороны Москвы, чтобы присоединиться, приравняться къ ней. Орда падала сама собою отъ раздѣленія и усобицъ, и стоило только воспользоваться этимъ раздѣленіемъ и усобицами, чтобы такъ называемое татарское иго исчезло безъ большихъ усилій со стороны Москвы». Все это были задачи, почти уже рѣшенныя предшественниками Ивана III,—ему на долю оставалось

только подвести итоги, и онъ подвелъ ихъ осторожно, отчетливо, правда, не очень эффектно съ внѣшней стороны, но, можетъ быть, тѣмъ прочнѣе и крѣпче были достигнутые имъ результаты. Человѣкъ несомнѣнно выдающихся умственныхъ способностей, хладнокровный и вдумчивый, никогда не хватавшійся за разрѣшеніе скороспѣлыхъ задачъ, умѣвшій хладнокровно и терпѣливо выжидать естественнаго созрѣванія всякаго дѣла и никогда не терявшій этой способности ждать, и ждать, не отступая отъ принятаго рѣшенія, всегда стойко доводя до конца все, что бы ни предпринималъ, предпринимая все послѣ строгаго учета всѣхъ шансовъ успѣха, Иванъ III былъ человѣкомъ успѣха, господиномъ всегда ясно и отчетливо сознанныхъ цѣлей, къ которымъ шелъ, и путей, которыми онъ къ этимъ цѣлямъ шелъ.

«Въ теченіе всей своей дѣятельности,—говоритъ біографъ Ивана III,—онъ не испыталъ ни одной крупной неудачи; но нельзя сказать, чтобы успѣхами своими онъ былъ обязанъ исключительно счастью или благопріятнымъ обстоятельствамъ; всякій успѣхъ доставался Ивану Васильевичу съ бою и объясняется несомнѣнно тѣмъ, что онъ приступалъ къ рѣшенію всякаго важнаго серьезнаго вопроса съ осторожностью, послѣ внимательной и глубокой умственной работы; конечно, именно благодаря такой работѣ, онъ, дѣйствительно, всегда господствовалъ надъ обстоятельствами».

Осторожность, соединенная съ умной разсчетливостью—основная черта характера Ивана III. Это дѣлало его человѣкомъ, не только никогда не идущимъ на рискъ, но и не понимающимъ, какъ это вообще можно рисковать въ дѣлахъ. Иванъ Васильевичъ предпочиталъ, чтобы медленно созрѣвавшій, предвидимый имъ успѣхъ самъ вытекалъ изъ цѣпи имъ учитываемыхъ, а частью и подготовляемыхъ обстоятельствъ, попадалъ бы въ его распоряженіе, какъ зрѣлый плодъ попадаетъ въ заботливо подставленную кошницу садовника, падая туда отъ собственной тяжести.

Въ такой манерѣ дѣйствовать всегда мало эффектовъ, красивыхъ внѣшне поступковъ, но всегда заключена гарантія прочности владѣнія добытымъ результатомъ. Да такіе люди и не гонятся за тѣмъ, чтобы красиво выступать, и Иванъ Васильевичъ, доводя подчасъ свою осторожность до крайности, навлекалъ на себя укоры въ трусости. Это бывало, когда обстоятельства ставили его въ такое сплетеніе событій, при которомъ некогда было думать, а надо было дѣйствовать сразу. Картина его стоянія на Угрѣ противъ Ахмата, потомъ ничѣмъ не вызванное отступленіе, дѣйствительно, заставляютъ думать, что храбрость героя, человѣка смѣлыхъ поступковъ, не была ему вообще свойственна. И вотъ онъ, человѣкъ вдумчивый и умный, когда обстоятельства властно заставляли его рисковать, больше склонялся слушать не тѣхъ, кто звалъ биться, рискуя все потерять или все выиграть, а тѣхъ «злыхъ человѣкъ сребролюбцевъ богатыхъ и брюхатыхъ, предателей христіанскихъ и норовниковъ бесерменскихъ», которые на Угрѣ въ виду татарскихъ полчищъ твердили Ивану Васильевичу: «Побѣжи, не можеши съ ними стати на бой» и совѣтовали ему держаться не впереди войска, какъ дѣлалъ прадѣдъ его на Дону, а далеко позади.

Высокій, худощавый, красивый мужчина, темный волосомъ и смугловатый, онъ нѣсколько горбился, и за это отецъ называлъ его «горбатымъ».

Современники разсказывали, что Иванъ III имѣлъ величавую осанку и такой грозный взглядъ, что его рѣдко кто могъ выдержать, а женщины падали въ обморокъ. Всякое дѣло онъ любилъ дѣлать самъ, и лѣтопись разсказываетъ, что онъ принималъ обыкновенно дѣятельное участіе въ тушеніи всякаго большого пожара въ Москвѣ. Молчаливый и замкнутый, онъ любилъ слушать сужденія другихъ, какъ бы обтачивая ими свое собственное, всегда мѣткое и цѣлесообразное намѣреніе. Этотъ человѣкъ дѣломъ своей жизни не только доканчивалъ старое, но и ставилъ на очередь новое. Въ этомъ смыслѣ Иванъ III—несомнѣнно крупная творческая личность, и не даромъ историки сравниваютъ его съ Иваномъ Грознымъ и Петромъ Великимъ, рѣшавшими задачи, поставленныя имъ Иваномъ III. «Спокойный, единовластный внутри, Московскій князь пользуется своими средствами, пользуется собраніемъ сѣверо-восточной Руси, совершеннымъ его предками, пользуется счастливыми внѣшними обстоятельствами, затруднительнымъ положеніемъ сосѣдей, чтобы начать наступательное движеніе на востокъ, на племена финскія, на царства татарскія; относительно юго-запада припоминаетъ, что Кіевъ, Смоленскъ, Витебскъ и Полоцкъ издавна его предковъ отчины» [1]). Онъ настойчиво требовалъ дѣйствительнаго признанія своего титула «государь и великій князь *всея Руси*», всегда подчеркивая, что подъ всею Русью онъ разумѣетъ не одну сѣверо-восточную, а всѣ земли, гдѣ господствуетъ русскій языкъ и православная вѣра. Національное объединеніе православной Руси онъ поставилъ завершеніемъ задачи объединенія Великороссіи, а объединенную Великороссію, ставя ей задачей объединеніе всея Руси, тѣмъ самымъ ставилъ въ рядъ національныхъ государствъ, какъ совершенно опредѣленную величину съ опредѣленнымъ государственнымъ содержаніемъ. Сдѣлавшись независимымъ государемъ независимой отъ чужеземцевъ земли, Иванъ III учитываетъ въ свою пользу паденіе Византійской имперіи; оставшись единственнымъ въ тогдашней Европѣ независимымъ православнымъ владѣтелемъ, онъ вступаетъ въ бракъ съ византійской принцессой, племянницей послѣдняго императора ромеевъ, чѣмъ подкрѣпляетъ свои притязанія на Византійское наслѣдство, и этимъ самымъ задачу національнаго объединенія Руси распространяетъ до задачи верховенства во всемъ православномъ мірѣ, до того верховенства, которое занималъ павшій подъ ударами турокъ святѣйшій византійскій престолъ. Это сознаніе влечетъ его къ общенію съ Европой, и онъ начинаетъ серьезно интересоваться западными отношеніями, пробуетъ войти въ Европу на равныхъ со всѣми другими государями правахъ, какъ независимый государь національно объединяющейся страны, какъ наслѣдникъ силы и значенія въ православномъ мірѣ задавленной османами Византіи.

Изъ Москвы отправляются посольства въ Италію, Данію, Германію. Въ Москву начинаютъ пріѣзжать послы иноземныхъ государей съ цѣлью

---

[1]) С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. V, стр. 1350.

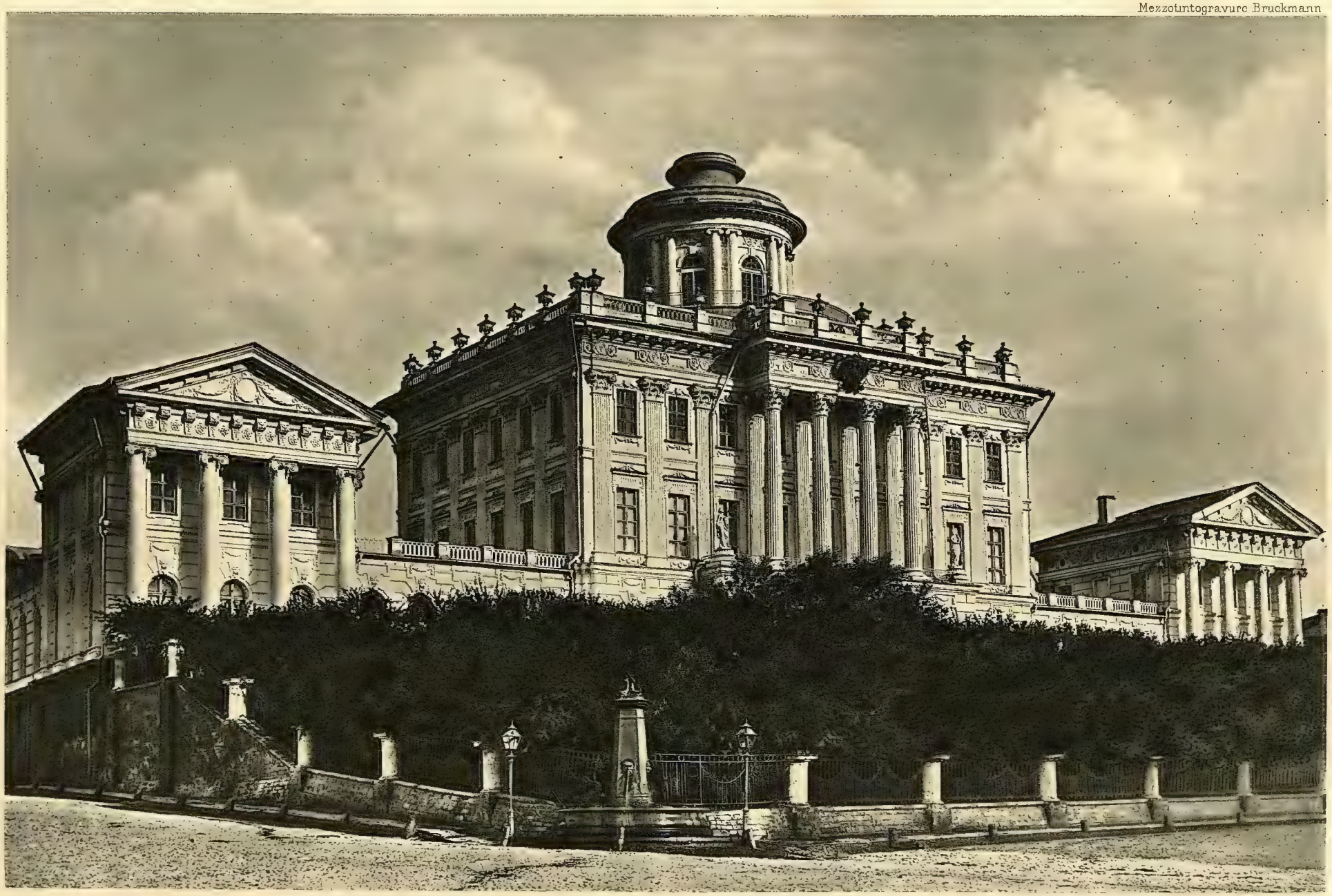
попытаться, нельзя ли средства новаго, народившагося на крайнемъ востокѣ Европы государства направить на осуществленіе общихъ европейскихъ цѣлей. Слѣдствіемъ начавшихся сношеній съ Западомъ является усиленное появленіе западныхъ художниковъ и мастеровъ всякаго дѣла въ Москвѣ, что сейчасъ же отражается на внѣшнемъ видѣ столицы новаго государства. Иванъ III, такимъ образомъ, не первый изъ русскихъ государей вступилъ на тотъ путь, которымъ послѣ него шли его внукъ Грозный царь, Алексѣй Михайловичъ и, наконецъ, Петръ Великій. Въ этомъ смыслѣ Иванъ III былъ дѣйствительно основателемъ государства, выросшаго въ имперію Всероссійскую, и въ его дѣятельности, въ обстоятельствахъ его времени надо искать началъ, легшихъ въ основу современной намъ Россіи.

Кругъ дѣлъ, въ центрѣ которыхъ пришлось стать наслѣднику Темнаго, опредѣляется тѣми внутренними и внѣшними соотношеніями, среди которыхъ онъ уже жилъ и дѣйствовалъ въ качествѣ соправителя своего отца. Это были внутреннія удѣльныя отношенія въ самомъ Московскимъ княжествѣ, дѣло дальнѣйшаго собиранія сѣверо-восточной Руси, отношенія къ татарамъ и Литвѣ. Что касается внутреннихъ московскихъ дѣлъ, то тутъ все было предрѣшено исходомъ борьбы съ Шемякой. Единственнымъ удѣльнымъ владѣтелемъ въ предѣлахъ Московскаго княжества оставался младшій двоюродный братъ Темнаго Михаилъ Андреевичъ, княжившій въ Вереѣ. Темный, оставивъ удѣлы младшимъ сыновьямъ, создалъ четыре новыхъ удѣльныхъ княженія. Верейскаго князя обязали считать себя моложе всѣхъ братьевъ великаго князя. Когда сынъ старика Михаила Андреевича, оскорбленный высокомѣрнымъ и дерзкимъ отношеніемъ къ нему въ Москвѣ, отъѣхалъ въ Литву, великій князь отобралъ у Михаила его удѣлъ и вернулъ уже въ качествѣ пожалованія, обязавъ старика-отца не принимать сына, если онъ вернется, и считать Верею отчиной великаго князя, которая по смерти Михаила должна отойти къ великому князю или его сыну: «мнѣ же великому князю и моему сыну, которому дамъ эту свою вотчину,— гласилъ договоръ,—поминать намъ твою душу». Въ 1485 г. Верейскій князь умеръ и особой духовной граматой передалъ Верею великому князю, именуя его господиномъ и государемъ. Это первый случай, когда удѣльный князь именуетъ великаго князя своимъ государемъ.

Съ родными братьями Иванъ Васильевичъ жилъ мирно до 1472 г., когда умеръ старшій изъ братьевъ, Юрій, княжившій въ Дмитровѣ. Этотъ Юрій былъ бездѣтенъ, и вотъ въ своей духовной онъ «приказываетъ душу» «господарынѣ», матери своей, да господину своему великому князю; заботливо дѣлитъ между родственниками все движимое имущество, а объ удѣлѣ своемъ—Дмитровѣ, Можайскѣ и Серпуховѣ—молчитъ, и понятно почему: завѣщать все поровну братьямъ—боится великаго князя, отказать все великому князю—не хочетъ обижать братьевъ. Великій князь взялъ весь удѣлъ на себя. Братья заволновались, тогда великій князь далъ имъ очень небольшіе прирѣзки къ ихъ владѣніямъ и обязалъ ихъ считать своего старшаго сына старшимъ братомъ, повиноваться ему и не искать подъ нимъ великаго княженія, но должны были подчиниться силѣ. Этимъ случаемъ устанавливалось право великаго князя считать всякій выморочный удѣлъ своимъ.

Въ 1479 г. отъѣхалъ отъ великаго князя къ его брату Борису Волоцкому обиженный въ Москвѣ князь Иванъ Оболенскій-Лыко. Это былъ поступокъ совершенно правомѣрный по удѣльнымъ понятіямъ, когда переходъ вольныхъ слугъ отъ одного князя къ другому считался естественнымъ, и право перехода оговаривалось, какъ нерушимое право вольныхъ слугъ во всѣхъ княжескихъ договорахъ. Но теперь, къ концу XV вѣка, измѣнилась самая основа этого права: вольные слуги переставали быть вольными на дѣлѣ, потому что не существовало болѣе ни одного самостоятельнаго, дѣйствительно независимаго на дѣлѣ отъ Москвы княжества; переходъ изъ удѣльныхъ княженій въ Москву былъ естественное дѣло, но изъ Москвы—куда уйти, чтобы остаться внѣ вліянія и силы Московскаго великаго князя? И вотъ, когда Оболенскій-Лыко отъѣхалъ, великій князь велѣлъ его просто схватить и привезти обратно въ Москву. Тогда князь Борисъ Волоцкой послалъ сказать своему брату Андрею Углицкому, жалуясь на старшаго брата, великаго князя: «Вотъ, какъ онъ съ нами поступаетъ! нельзя ужъ никому отъѣхать къ намъ. Мы все ему смолчали: братъ Юрій умеръ—князю великому все досталось, а намъ ничего; Новгородъ вмѣстѣ воевалъ—ему все досталось, а намъ ничего; теперь кто отъѣдетъ отъ него къ намъ, беретъ безъ суда, а кто отъ насъ отъѣдетъ, тѣхъ принимаетъ; считаетъ насъ, братію свою, ниже бояръ своихъ, и духовную отца своего забылъ, какъ въ ней приказано намъ жить; забылъ и всѣ договоры съ нами». Братья рѣшили защищать свои права оружіемъ, и въ началѣ 1480 г. пошли на великаго князя, собравъ около 20000 войска. Великій князь послалъ ростовскаго владыку Вассіана уговаривать братьевъ смириться, тѣ было послушались, но потомъ отказались вести переговоры и послали бить челомъ польскому королю, чтобы онъ помогъ имъ въ ихъ обидахъ отъ великаго князя, но король отказалъ имъ въ помощи, пріютивъ только ихъ семьи. Нападеніе на Москву Ахмата дало князьямъ Борису и Андрею поводъ не только просить позволенія вернуться въ свои удѣлы, но и потребовать прибавокъ. Великій князь согласился, и оба князя привели свои полки къ нему на Угру. Но отношенія между великимъ княземъ и его братьями, князьями удѣльными, все время оставались очень натянуты. Въ 1484 г. умерла мать Московскихъ князей, иногда заступавшаяся передъ старшимъ сыномъ за младшихъ. Великій князь далъ братьямъ кое-что изъ материнскаго наслѣдства, но по особому договору прямо поставилъ обоихъ братьевъ въ служебное положеніе. Недовольные этимъ, они стали думать, какъ бы избавиться отъ унизительнаго положенія. Это въ свою очередь заставляло великаго князя зорко присматривать за братьями, не довѣряя имъ ни въ чемъ. Въ 1491 г. одинъ изъ братьевъ, Андрей, замедлилъ послать свой отрядъ по приказу великаго князя. Это въ Москвѣ поставили ему въ большую вину. Когда князь Андрей пріѣхалъ въ Москву, ему пришлось горько покаяться въ медлительности исполненія приказовъ великаго князя. Онъ былъ встрѣченъ въ Москвѣ съ большимъ почетомъ. На другой день его пригласили на торжественный обѣдъ. Когда Андрей пріѣхалъ, старшій братъ встрѣтилъ его въ комнатѣ, называвшейся западней, посидѣлъ съ нимъ, поговорилъ немного,

Mezzotintogravure Bruckmann



Румянцевскій музей.

Бис... ...наго
Уни...ситета
№
Владимір...го Губернскаго
Земства

а потомъ вышелъ въ другую комнату, сказавъ Андрею, чробы онъ подождалъ его здѣсь, а Андреевы бояре въ столовой; какъ только бояре удѣльнаго князя вошли въ столовую, ихъ сейчасъ же всѣхъ перехватали. Къ князю Андрею вошелъ «многолюдствомъ» Семенъ Ряполовскій, тоже потомокъ удѣльныхъ князей, и со слезами, едва выговаривая отъ великой печали слова, сказалъ: «государь князь Андрей Васильевичъ! пойманъ ты Богомъ да государемъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Руси, братомъ твоимъ старшимъ!»—«Воленъ Богъ да государь братъ мой старшій,—отвѣтилъ князь Андрей,—а судъ мнѣ съ нимъ передъ Богомъ, что беретъ меня неповинно». Схватили въ Угличѣ и сыновей Андрея, Ивана и Димитрія. Разсказываютъ, что когда митрополитъ сталъ просить великаго князя за узника, Иванъ Васильевичъ сказалъ владыкѣ: «Жаль мнѣ очень брата, и я не хочу губить его, а на себя класть упрекъ; но и освободить его не могу я, потому что не разъ умышлялъ онъ зло на меня; потомъ каялся, а теперь опять зло умышляетъ и людей моихъ къ себѣ перезываетъ. Да это бы еще ничего; но когда я умру, то онъ будетъ искать великаго княженія надъ наслѣдникомъ моимъ, и если самъ не добудетъ, то смутитъ дѣтей моихъ, и станутъ они воевать другъ съ другомъ, а татары будутъ землю губить, жечь и плѣнять, и дань опять наложатъ, и кровь христіанская опять будетъ литься, какъ прежде, и всѣ мои труды останутся напрасны, и вы будете рабами татаръ!» Въ 1491 г. князь Андрей умеръ въ заключеніи.

Другого брата, Бориса, Иванъ Васильевичъ не трогалъ. Князь Борисъ умеръ въ 1497 г., оставя свой удѣлъ дѣтямъ своимъ, меньшой изъ которыхъ скончался въ 1503 г., завѣщавъ брату всего нѣсколько селъ, а весь удѣлъ—городъ Рузу и половину Ржева—великому князю, котораго именуетъ въ своей граматѣ душевной государемъ. Существовавшія еще великія княженія Рязанское, Тверское и княжества Ярославскія и Ростовскія были нѣмы и безпомощны передъ Москвой. Подчиненіе Рязани было уже фактомъ при Василіи Темномъ; Рязанскій княжичъ воспитывался въ Москвѣ, гдѣ его и женили на сестрѣ великаго князя. Сынъ этого московскаго воспитанника, умершаго въ 1483 г., обязывается считать себя младшимъ братомъ великаго князя и его наслѣдника, чѣмъ приравнивается къ Московскимъ удѣльнымъ князьямъ, и быть заодно съ Москвой противъ всѣхъ ея враговъ; въ случаѣ бездѣтной кончины онъ долженъ былъ всѣ свои отчины «не отдать никакою хитростью мимо великаго князя всея Руси». Связавъ Рязанскаго великаго князя «малолѣтня суща» по рукамъ и ногамъ договорами, Иванъ Васильевичъ оставилъ въ покоѣ Рязань—все равно онъ распоряжался въ рязанскихъ городахъ, какъ у себя на Москвѣ.

Не такъ легко и просто устраивались у Ивана Васильевича дѣла со старымъ соперникомъ Москвы—Тверью. Хотя Тверской князь былъ по первой женѣ и близкій родственникъ Московскому великому князю, но очень смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы не поступиться чѣмъ-нибудь въ своей великокняжеской чести передъ Московскимъ великимъ княземъ, а когда почувствовалъ, что Москва нажимаетъ на него, обратился за помощью въ Литву, къ Литовскому великому князю, на дочери котораго женился. Тверь и Литва

заключили договоръ на то, чтобы быть вмѣстѣ въ нападеніи и защитѣ. Въ Москвѣ на это посмотрѣли, какъ на нарушеніе договора съ великимъ княземъ Московскимъ и стали собирать полки, которые не замедлили вступить въ тверскія области, и стали опустошать ихъ. Помощь изъ Литвы не шла, и великій князь Тверской сталъ просить о мирѣ. Иванъ III пошелъ на миръ, но съ условіемъ, чтобы быть Тверскому князю, какъ Рязанскому, на одной степени съ Московскими удѣльными князьями, считать Ивана Васильевича и его наслѣдника старшими своими братьями; далѣе Тверской князь обязывался порвать союзъ съ Литвой, не сноситься съ ней мимо Москвы, а если Литва пришлетъ пословъ въ Тверь, то сообщать объ этомъ въ Москву. Послѣ такого униженія Тверского князя множество тверскихъ бояръ и служилыхъ удѣльныхъ князей покинули своего великаго князя и отъѣхали на службу къ великому князю Московскому. Тверской князь не стерпѣлъ своего положенія и снова началъ ссылаться съ Литвой. Гонцы были перехвачены, и московское войско снова вступило въ тверскія волости. Въ августѣ 1485 г. Иванъ Васильевичъ самъ выступилъ подъ Тверь, которая была осаждена. Въ сентябрѣ Тверь сдалась, и послѣдній великій князь ея Михаилъ Борисовичъ бѣжалъ въ Литву, гдѣ и умеръ. Въ 1463 г. были присоединены къ Москвѣ княжества Ярославскія; въ 1474 г.—Ростовскія. Отъ ихъ былой самостоятельности не оставалось и тѣни; одни изъ этихъ князей продали свои волости великому князю за деньги, другіе просто перешли на положеніе служилыхъ князей, выговоривъ себѣ на правѣ пожалованія большія земли въ своихъ бывшихъ владѣніяхъ и сохранивъ кое-какія верховныя права по суду въ бывшихъ своихъ волостяхъ.

Какъ видимъ, вся эта интеграція крупныхъ и мелкихъ владѣній происходила необычайно легко, завершаясь, какъ естественно созрѣвшее дѣло. Труднѣе далась и стоила большихъ усилій Москвѣ временъ Ивана Васильевича борьба съ государемъ Великимъ Новгородомъ. Московскіе князья еще со временъ Калиты часто находились въ большихъ «которахъ» съ Новгородомъ, доходившихъ до вооруженныхъ столкновеній, кончавшихся чуть ли не всегда торжествомъ Москвы, неукоснительно бравшей съ богатаго Новгорода «черный боръ», т.-е. большой поголовный сборъ. Во второй половинѣ XIV в. Новгородъ—опредѣленный врагъ Москвы, всегда радостно и охотно подающій руку всякому ея сопернику: нелюбимому Тверскому князю, старинному врагу Новгорода, Василію Косому, Шемякѣ и даже Литвѣ. Къ концу жизни Василія Темнаго отношенія между Москвою и Новгородомъ такъ обострились, что только мольбы всѣми уважаемаго архіепископа Іоны да болѣзнь заставили Темнаго отказаться отъ рѣшительнаго похода на Новгородъ. Ослабленіе и паденіе самостоятельности великихъ удѣльныхъ княженій невольно ставили на очередь для Москвы и вопросъ о Новгородѣ. Это была коренная русская область, всѣми своими основами тяготѣвшая къ сѣверо-восточной Руси, съ которой, правда, добрую часть своей жизни воевала, но и которою существовала въ самомъ простомъ матеріальномъ смыслѣ слова: съ низовой земли, какъ новгородцы величали суздальскую Русь, они возили хлѣбъ, котораго мало родила болотистая

почва новгородской области. Когда къ половинѣ XV в. вся сѣверо-восточная Русь составляла одно національное цѣлое и довершала свое политическое объединеніе, Новгородъ никакъ не могъ остаться внѣ втягивающихъ силъ этого историческаго процесса, какъ естественная часть объединявшагося цѣлаго. Но Новгородъ по своему политическому устройству представлялъ изъ себя явную противоположность тому строю, какой создавался въ Москвѣ. Московскій государственный строй въ тотъ моментъ его существованія отвѣчалъ вполнѣ задачамъ сосредоточенія вокругъ Москвы всей Великороссіи, какъ единообразно устроеннаго національнаго государства. Политическій строй Новгорода даннаго времени не могъ держаться даже внутри самого города безъ иноземной помощи или вообще помощи со стороны. Столкновеніе неминуемо должно было привести къ гибели устарѣвшаго и слабѣйшаго. Но Новгородъ, полный славныхъ воспоминаній о быломъ величіи, не хотѣлъ сдаваться безъ боя. Намѣренія Темнаго, конечно, тайной для новгородцевъ не были, и отъ наслѣдника его они ждали только продолженія политики отца. Насторожившееся чувство самосохраненія стало, съ одной стороны, видѣть во всякомъ движеніи Москвы, въ простой справкѣ великаго князя у новгородскаго посла о томъ, что дѣлается въ Новгородѣ, покушеніе на самостоятельность родного города, а, съ другой стороны, заставляло думать о союзникахъ. Вѣчно всѣмъ противъ Москвы помогавшій Новгородъ къ половинѣ XV в. очутился безъ помощниковъ на Руси, связанныхъ Москвой, и долженъ былъ искать союза и поддержки противъ великаго князя на сторонѣ, и именно въ Литвѣ. Сторонники этого соглашенія, богатая вліятельная семья Борецкихъ съ ея присными, рѣшили воспользоваться смертью архіепископа Іоны, чтобы сдѣлать первый шагъ къ освобожденію отъ Москвы, отдѣливъ отъ вѣдѣнія митрополита московскаго и всея Руси новгородскую архіепископію. По смерти Іоны рѣшено было не посылать никого ставиться въ Москву, а просить юго-западнаго митрополита, подвластнаго Литвѣ, поставить архіепископа въ Новгородъ. Великій князь отвѣтилъ на эти слухи серьезными военными приготовленіями, приказавъ и псковичамъ готовиться въ походъ. Новгородцы, не склонные къ общенію съ Литвой, уговорили все же вѣче послать архіепископа ставиться въ Москву. Но вѣсть о военныхъ приготовленіяхъ Ивана Васильевича всполошила снова новгородцевъ. На вѣчѣ стали кричать: «вольны есмы люди Великій Новгородъ; а Московскій князь великій многія обиды и неправду надъ нами чинитъ; хотимъ за короля польскаго». Къ королю Казиміру, который былъ одновременно и великимъ княземъ Литовскимъ, было отправлено посольство, которое и заключило съ нимъ договоръ о подчиненіи Литвѣ Великаго Новгорода. Вѣсть объ этомъ произвела сильное впечатлѣніе въ Москвѣ. Лѣтописецъ московскій, повѣствуя объ этомъ событіи, съ ненавистью говоритъ о новгородцахъ, какъ о людяхъ, которые хуже язычниковъ, потому что язычники искони не знаютъ Бога, а новгородцы знали и отступили отъ истинной вѣры, предавшись иновѣрному польскому королю. Это чувство религіозно-національнаго недовольства Новгородомъ, господствовавшее во всей Московской Руси, Иванъ Васильевичъ учелъ очень ловко. Отправля-

ясь въ походъ противъ новгородцевъ, онъ молился у гробовъ своихъ предковъ, у мощей св. угодниковъ, съѣздилъ къ Троицѣ. 23 мая 1471 года состоялось объявленіе войны Новгороду. Ровно черезъ мѣсяцъ московскій воевода князь Данило Холмскій разбилъ отрядъ новгородцевъ на берегу Ильменя, а 14-го іюля сорокатысячное новгородское ополченіе не выдержало натиска четырехтысячнаго отряда того же Холмскаго на берегу рѣки Шелони и бѣжало, потерявъ болѣе 12000 человѣкъ убитыми. Въ плѣнъ попали посадникъ Борецкій и другіе сторонники Литвы, въ обозѣ была захвачена и подлинная договорная грамата новгородцевъ съ Казимиромъ. 24-го іюля знатные плѣнники были казнены по приказу Ивана Васильевича, а 27-го онъ принималъ новгородское посольство, просившее о мирѣ. 11-го августа 1471 г. былъ заключенъ договоръ между Москвой и Новгородомъ. Новгородцы обязывались возвратить захваченныя ими земли великаго князя, уплатить «черный боръ» и, кромѣ того, выплатить великому князю 15000 рублей, на наши деньги около полутора милліона, военныхъ расходовъ. Въ Заволочьи, въ Двинской землѣ московскіе воеводы одержали рѣшительныя побѣды надъ новгородскими отрядами — «вездѣ бо помогаше Богъ государю великому князю за его правду» — говоритъ московская лѣтопись, повѣствуя о новгородскомъ походѣ. Въ самый Новый годъ — 1-го сентября — Иванъ Васильевичъ торжественно въѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ держалъ себя очень милостиво по отношенію къ побѣжденнымъ и обѣщалъ освободить знатныхъ плѣнниковъ, что и исполнилъ въ декабрѣ. Въ октябрѣ 1475 г. Иванъ Васильевичъ снова посѣтилъ Новгородъ «миромъ», ради «суда и управы», разбиралъ здѣсь жалобы новгородцевъ другъ на друга, виновныхъ сажалъ подъ стражу, правымъ давалъ правыя граматы. Въ Новгородъ пріѣхали въ то время шведскіе послы. Иванъ Васильевичъ принялъ ихъ съ большимъ почетомъ, но договоръ съ ними велѣлъ заключать, по старинѣ, новгородцамъ, посаднику и владыкѣ, отъ имени государя Великаго Новгорода. Давая скорый и правый судъ, Иванъ Васильевичъ пріучалъ тѣмъ самымъ новгородцевъ обращаться къ нему за разрѣшеніемъ ихъ домашнихъ дѣлъ. За шесть лѣтъ онъ успѣлъ въ этомъ настолько, что новгородцы стали ѣздить къ нему за судомъ въ Москву, не ожидая, когда онъ пріѣдетъ въ Новгородъ. А это было нарушеніе старинной новгородской привилегіи — не ѣздить за судомъ, а ждать судью къ себѣ. «Не бывало того отъ начала, говоритъ новгородскій лѣтописецъ, — какъ земля стала и какъ великіе князья отъ Рюрика на Кіевѣ и на Владимірѣ»; одинъ только великій князь Иванъ Васильевичъ довелъ ихъ до этого. За шесть лѣтъ Иванъ Васильевичъ привелъ дѣло къ тому, что сторонники Литвы въ Новгородѣ, обезсиленные казнью своихъ вождей, молчали, а народъ сталъ смотрѣть на Московскаго великаго князя, какъ на своего верховнаго судью. Рѣшительный шагъ Москвы по отношенію къ Новгороду долженъ былъ осуществиться самъ собой. Въ февралѣ 1477 г. пріѣхали въ Москву по какимъ то незначительнымъ дѣламъ двое пословъ новгородскихъ. Въ челобитьи по дѣлу, за которымъ послы пріѣхали, они называли Московскаго великаго князя государемъ, а не господиномъ, какъ это издавна было принято въ сношеніяхъ Новго-

рода съ великими князьями. Великій князь, какъ будто удивленный неожиданной честью, пожелалъ имѣть подтвержденіе ея и послалъ спросить владыку и весь Великій Новгородъ: «Какого они хотятъ государства? хотятъ ли, чтобы въ Новгородѣ былъ одинъ судъ государя, чтобы тіуны его сидѣли по всѣмъ улицамъ, хотятъ ли дворъ Ярославовъ очистить для великаго князя?» На вѣчѣ, когда были прочитаны эти московскіе вопросы, зашумѣли. Толпа набросилась на виновныхъ въ постановкѣ Москвой такихъ вопросовъ и растерзала ихъ, а въ Москву послали сказать: «Вамъ, своимъ господамъ (т.-е. великому князю и его сыну), челомъ бьемъ, но государями васъ не зовемъ, судъ вашимъ намѣстникамъ на Городищѣ по старинѣ, а тіунамъ вашимъ у насъ не быть, и двора Ярославова не даемъ; хотимъ съ вами жить, какъ договорились въ послѣдній разъ на Коростыни; кто же взялся безъ нашего вѣдома иначе дѣлать, тѣхъ казните, какъ сами знаете, и мы здѣсь будемъ ихъ также казнить, кого поймаемъ; а вамъ, своимъ господамъ, челомъ бьемъ, чтобы держали насъ въ старинѣ по крестному цѣлованію».

Въ Москвѣ сдѣлали видъ, что чрезвычайно непріятно поражены такимъ отвѣтомъ. Великій князь пошелъ къ митрополиту и говорилъ ему о новгородцахъ, какъ о клятвопреступникахъ: «Я не хотѣлъ у нихъ государства, сами присылали, а теперь запираются и на насъ ложь положили». Близкимъ своимъ Иванъ Васильевичъ говорилъ, что вотъ де новгородцы клятвопреступники, какъ его оскорбили—сами предложили ему «государство», а теперь «снимаютъ». Рѣшено было идти на Новгородъ войной, и 23 ноября 1477 г. великій князь стоялъ уже подъ Новгородомъ въ селѣ Сытинѣ. Новгородцы пошли на уступки. Новгородскихъ пословъ не допустили до самаго великаго князя, и его бояре «вычитали» вины новгородцевъ передъ великимъ княземъ, требованій никакихъ не предъявили, новгородскихъ предложеній и слушать не стали, а только сказали посламъ: «князь великій говоритъ: захочетъ Новгородъ Великій намъ бить челомъ, и онъ знаетъ, какъ ему намъ бить челомъ». Это уже походило на недостойную игру сильнаго со слабымъ. Новгородцы вернулись къ себѣ ни съ чѣмъ, а между тѣмъ московское войско жгло и грабило окрестности и дальнія волости Новгородской земли. Снова послалъ Новгородъ посольство, которое смиренно било челомъ, называло Ивана Васильевича государемъ и, по настоянію московскихъ бояръ, признало, что и въ первый разъ новгородскіе послы Назаръ и Захаръ именовали Ивана Васильевича государемъ по приказу всего Новгорода. Добившись этого признанія, московскіе дипломаты сказали новгородскимъ посламъ: «А если такъ, то вы всѣ, отвергая послѣ свое же наименованіе, провинились передъ великимъ княземъ, и вотъ его воля: онъ хочетъ государствовать въ Новгородѣ, какъ въ Москвѣ». Въ Новгородѣ никакъ не умѣли, а, можетъ, и не хотѣли понять, что это значитъ государствовать, какъ въ Москвѣ, и стали предлагать разныя условія, выясняющія и опредѣляющія размѣры того значенія власти великаго князя, которые провели бы раздѣльную линію между новымъ государствованіемъ и прежнимъ господствомъ. Но московскіе бояре сказали на это, что они не понимаютъ государствованія на условіяхъ.

Библіотека Нар... Университ...

Новгородцы были поставлены въ необходимость заявить, что не знаютъ московскаго обычая, не понимаютъ, что разумѣетъ Москва подъ словами «государствованіе». На это они получили опредѣленный отвѣтъ: «государство наше таково: вѣчу не быть, посаднику не быть, все государство намъ, великому князю, держать, имѣть намъ въ Новгородской области села и земли, судъ сохранимъ по старинѣ». Черезъ десять дней послѣ этого заявленія новгородцы прислали сказать, что согласны, но просили великаго князя, чтобы онъ крестъ цѣловалъ на томъ, что все такъ будетъ — судъ по старинѣ, и никто изъ новгородцевъ не будетъ выселенъ изъ Новгорода. Но на это получили короткій отвѣтъ: «Не быть моему цѣлованію». Тогда новгородцы стали просить, чтобы хоть воеводы и бояре великаго князя цѣловали крестъ на томъ, но и на это получили отказъ. Новгородцамъ пришлось отдаться на безусловную волю великаго князя, и они цѣловали крестъ исполнить все, чего потребуетъ государь великій князь. Въ крестоцѣловальной граматѣ было прописано, что великій князь привелъ Новгородъ во всю свою волю и учинился на немъ государемъ, какъ и на Москвѣ. Намѣстники государя великаго князя поселились на Ярославовомъ дворѣ; вѣчевой колоколъ былъ снятъ и отвезенъ въ Москву, гдѣ его подняли на соборную колокольню звонить вмѣстѣ съ другими колоколами. Такъ кончилась самостоятельная жизнь Великаго Новгорода, и онъ наряду съ Тверью и Рязанью сталъ городомъ Московскаго государства. Во время Ахматова нашествія новгородцы рѣшили было попытаться вернуть свою вольность и вошли въ переговоры съ Казимиромъ, но жестоко поплатились за это. Новгородъ былъ обстрѣленъ московскими пушками, заплатилъ большую дань; лучшіе новгородцы, заподозрѣнные и уличенные въ сношеніяхъ съ польскимъ королемъ, схвачены, лишены имущества, частью казнены, частью разосланы по московскимъ городамъ. Съ этихъ поръ, съ 1478 г., великій князь время отъ времени приказывалъ забирать десятками отдѣльныя новгородскія семьи и выселять ихъ въ московскіе города, а на ихъ мѣсто посылалъ селиться людей изъ московскихъ городовъ. Въ 1488 г. выселили такимъ образомъ изъ Новгорода болѣе семи тысячъ семей и тѣмъ навсегда прекратили самую возможность возникновенія смутъ въ славномъ и независимомъ съ Рюриковыхъ временъ городѣ. Еще въ 1471 г. московскій воевода князь Ѳедоръ Пестрый повоевалъ и привелъ въ зависимость отъ Москвы всю Пермскую землю, признававшую до того зависимость отъ Новгорода. Въ 1489 г., окончивши удачно походъ на Казань, великій князь велѣлъ своимъ воеводамъ захватить Вятку, что и было исполнено. Псковъ все это время не выходилъ изъ повиновенія великому князю и потому сохранялъ свою призрачную независимость.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ пріобрѣтеній территорія объединенныхъ Москвой земель разрослась до огромныхъ размѣровъ сравнительно съ тѣмъ небольшимъ клочкомъ земли, который не охватывалъ даже предѣловъ теперешней Московской губерніи, съ обладанія которымъ началась собирательная дѣятельность Калиты. Къ вокняженію Ивана III московская территорія заключала въ себѣ не болѣе 15000 кв. миль. Иванъ III увеличилъ московскія владѣнія самое меньшее тысячъ на сорокъ квадр. миль.

Но важно въ историческомъ смыслѣ было не это распространеніе московской территоріи: гораздо важнѣе было то, что вмѣстѣ съ территоріей собралась около Москвы и образовала съ ней одно цѣлое вся великорусская народность, разбивавшаяся до того на нѣсколько самостоятельныхъ и разнообразно устроенныхъ политическихъ міровъ; до Ивана III «единство національное,—говоритъ проф. В. О. Ключевскій,—не выражалось въ единствѣ государственномъ. Теперь вся эта народность соединяется подъ одной государственной властью, вся покрывается одной политической формой. Это сообщаетъ новый характеръ Московскому княжеству. До сихъ поръ оно было однимъ изъ нѣсколькихъ великихъ княжествъ сѣверной Руси; теперь оно остается здѣсь единственнымъ и потому становится національнымъ: его границы совпадаютъ съ предѣлами великорусской народности, и завершеніе территоріальнаго собиранія сѣверо-восточной Руси Москвой превратило Московское княжество въ національное великорусское государство и такимъ образомъ сообщило великому князю Московскому значеніе національнаго великорусскаго государя». Таковъ былъ результатъ московской исторіи за полтора вѣка ея существованія, протекшихъ со временъ начала княженія Калиты.

Этотъ результатъ сейчасъ же отразился на всей «поступи» великаго князя, на его манерѣ держаться, въ прямомъ и переносномъ смыслѣ этого слова, и на всей окружающей его обстановкѣ, на Москвѣ-городѣ прежде всего. Конечно, онъ сильно повліялъ и на чувствованія и самосознаніе Москвы-народа. Въ этомъ смыслѣ особенное значеніе имѣли два событія временъ Ивана III: сверженіе татарскаго ига и взятіе Константинополя турками. Паденіе татарскаго ига дѣлало Московскаго и всея Руси великаго князя независимымъ ни отъ кого, или, какъ тогда говорили, «вольнымъ» владѣтелемъ, а паденіе Константинополя ставило новаго «вольнаго» владѣтеля въ положеніе единственнаго на свѣтѣ независимаго православнаго государя. Византія издавна была въ глазахъ русскихъ людей колыбелью и опорой православія. Русская церковь была только митрополіей церкви греческой, константинопольскій патріархъ былъ главой всего русскаго духовенства. Русскій митрополитъ еще такъ недавно (до 1448 г.) назначался въ Константинополѣ. Византійскій императоръ считался главой и охранителемъ всего православія. Другіе православные государи именовались въ Византіи слугами и помощниками императора. Русскихъ князей византійскіе императоры тоже считали достоинствомъ ниже своей «царской святости» и въ знакъ особаго расположенія именовали нѣкоторыхъ изъ нихъ «сродниками». Византійскіе писатели утверждаютъ, что великій князь всея Руси носилъ званіе стольника императора ромеевъ и всѣхъ христіанъ, и среди титуловъ византійскаго императора далеко не первое мѣсто занималъ титулъ царя руссовъ. Нельзя сказать, чтобы Московскіе великіе князья, особенно со временъ Донского, были довольны такимъ положеніемъ и мирились съ нимъ. Москва въ общемъ подчинялась въ церковномъ отношеніи Византіи, но не любила подчиняться безусловно и старалась всегда проводить на митрополію своихъ кандидатовъ, очень недружелюбно встрѣчая грековъ, когда московская кандидатура проваливалась. При сынѣ

Донского, великомъ князѣ Василіи, произошла одна такая размолвка, и великій князь сталъ запрещать митрополиту Кипріану, греку по происхожденію, поминать на ектеніяхъ имя священнаго величества:—«Мы имѣемъ церковь, а царя не имѣемъ и знать не хотимъ»,—говорилъ великій князь. Патріархъ, когда ему передали этотъ отзывъ князя руссовъ, послалъ ему увѣщевательное посланіе, въ которомъ очень полно и подробно развивалъ идею вселенскаго значенія императора. «Святой царь занимаетъ высокое мѣсто въ церкви,—писалъ патріархъ:—онъ не то, что другіе помѣстные князья и государи. Цари вначалѣ упрочили и утвердили благочестіе во всей вселенной; цари собирали вселенскіе соборы, они же подтвердили своими законами соблюденіе того, что говорятъ божественные и священные каноны о правыхъ догматахъ и о благоустройствѣ христіанской жизни, и много подвизались противъ ересей. За все это они имѣютъ великую честь и занимаютъ высокое мѣсто въ церкви. И если, по Божію попущенію, язычники окружили владѣнія и земли царя, все же до настоящаго дня царь получаетъ то же самое поставленіе отъ церкви, по тому же чину и съ тѣми же молитвами помазуется великимъ мѵромъ и поставляется царемъ и самодержцемъ ромеевъ, т.-е. всѣхъ христіанъ. На всякомъ мѣстѣ, гдѣ только именуются христіане, имя царя поминается всѣми патріархами, митрополитами и епископами, и этого преимущества не имѣетъ никто изъ прочихъ князей или мѣстныхъ властителей. Власть его, въ сравненіи со всѣми прочими, такова, что и самые латиняне, не имѣющіе никакого общенія съ нашею церковью, и тѣ оказываютъ ему такую же покорность, какую оказывали въ прежнія времена, когда находились въ единеніи съ нами. Тѣмъ болѣе обязаны къ этому православные христіане». На слова великаго князя о томъ, что «мы имѣемъ церковь, а не царя», патріахъ писалъ: «Невозможно христіанамъ имѣть церковь, но не имѣть царя, ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ союзѣ и общеніи между собой, и невозможно отдѣлять ихъ другъ отъ друга. Тѣхъ только царей отвергаютъ христіане, которые были еретиками, неистовствовали противъ церкви и вводили развращенные догматы... Послушай верховнаго апостола Петра, говорящаго въ первомъ соборномъ посланіи: «Бога бойтесь, царя чтите», не сказалъ царей, чтобы кто не сталъ подразумѣвать именующихся царями у разныхъ народовъ, но царя, указывая на то, что одинъ только царь во вселенной. И какой царь? Тогда еще нечестивый гонитель христіанъ! И святой апостолъ, предвидя въ будущемъ, что и христіане будутъ имѣть одного царя, поучаетъ чтить царя нечестиваго, дабы отсюда поняли, какъ должно чтить благочестиваго и православнаго, ибо если и нѣкоторые другіе изъ христіанскихъ владѣтелей присваивали себѣ имя царя, то всѣ эти примѣры суть нѣчто противоестественное, противозаконное, дѣло тиранніи и насилія. Въ самомъ дѣлѣ, какіе отцы, какіе соборы, какіе каноны говорятъ о тѣхъ царяхъ? Но все и сверху и снизу гласитъ о царѣ природномъ, котораго законоположенія, постановленія и приказы исполняются во всей вселенной, и его только имя поминаютъ повсюду христіане, а не чье-либо другое».

Но вотъ не стало царя, защитника православія, не стало «святого царствія единаго» во всей вселенной. Московскому великому князю уже разъ

пришлось выступить защитникомъ и поборникомъ православія, на очень широкой аренѣ. «Святое царствіе, цесарь всѣхъ ромеевъ» въ поискахъ за помощью противъ тѣснившихъ его турокъ обратился къ папѣ, пообѣщавъ ему соединеніе церквей. Во Флоренціи въ 1439 г. состоялся соборъ восточныхъ и западныхъ іерарховъ. На этомъ соборѣ было рѣшено соединеніе обѣихъ церквей, восточной и западной. Участники собора выработали и самыя условія соединенія. Это соглашеніе извѣстно въ исторіи подъ именемъ Флорентійской уніи. Русскій митрополитъ Исидоръ, грекъ по происхожденію, тоже былъ на этомъ соборѣ и принялъ унію. Великій князь Василій Темный очень уговаривалъ митрополита Исидора не ѣздить на соборъ, а когда тотъ все же поѣхалъ, великій князь молилъ его много, говоря: «Смотри же, приноси къ нимъ древнее благочестіе, какое мы приняли отъ прародителя нашего Владиміра, а новаго, чужого, не приноси; если же принесешь что-нибудь чужое и новое, то мы не примемъ». Исидоръ принесъ унію и, возвратившись въ Москву, сталъ именовать себя легатомъ папинымъ, велѣлъ носить передъ собой крыжъ латинскій, на литургіи сталъ поминать папу вмѣсто патріарховъ и съ амвона въ Успенскомъ соборѣ прочелъ грамату о соединеніи церквей. За это великій князь назвалъ Исидора «ереснымъ прелестникомъ», велѣлъ схватить его и посадить подъ стражу. Исидору удалось бѣжать. Великій князь не велѣлъ его преслѣдовать. Исидоръ бѣжалъ въ Римъ и тамъ кончилъ жизнь въ санѣ кардинала.

Къ патріарху въ Царь-градъ отправили изъ Москвы грамату. Указывая на происшествіе съ Исидоромъ, принявшимъ унію, Москва отмѣчала все неудобство имѣть у себя митрополитовъ иностранцевъ и просила прислать «честнѣйшую грамату» на то, чтобы митрополитамъ всея Руси ставиться впредь соборомъ русскихъ іерарховъ. Вскорѣ послѣ этого собрался такой соборъ и выбралъ на митрополичій столъ рязанскаго владыку Іону. Съ этихъ поръ митрополиты всея Руси перестали ѣздить на поставленіе въ Царь-градъ. Великаго князя Василія за борьбу его съ латинскимъ прелестникомъ Исидоромъ стали славить, какъ «всея русскія земли утвержденіе, а греческія вѣры подтвержденіе и поддержателя». Московскіе книжники стали величать великаго князя «господаремъ, царемъ русскимъ, благороднымъ и благочестивымъ великимъ княземъ» или «истинныя вѣры православія боговѣнчаннымъ царемъ всея Руси», обозначая этимъ, что титулъ царя, т.-е. цесаря, императора, прилагается къ Василію Васильевичу, какъ единственному православному государю.

Паденіе Константинополя, погибшаго подъ ударами мусульманъ въ то время, когда русская земля сбросила съ себя мусульманское иго, невольно наводило русскихъ на мысль, что случилось это все такъ потому, что Византія въ лицѣ царя и патріарха отступила отъ православія, а великая Русь осталась ему вѣрна. Митрополитъ Іона въ посланіи литовскимъ епископамъ, отказывавшимся признавать своимъ главой этого перваго митрополита, поставленнаго соборомъ русскихъ епископовъ, первый объяснилъ паденіе Византіи ея отступленіемъ отъ православія: «сами вѣсте, сынове,—писалъ Іона (въ 1458 г.)—колику прежде бѣду подъялъ царствующій градъ отъ болгаръ, отъ персовъ, яко въ мрежахъ держали его враги семь лѣтъ, но

пока держались тамъ люди за благочестіе, не пострадалъ городъ ничего; когда же отступили тамъ люди отъ благочестія, то, знаете сами, какъ пострадали, какому плѣненію и смерти подверглись, о душахъ же ихъ Богъ одинъ вѣдаетъ». Потомъ и въ просторѣчіи стали говорить, что Константинополь палъ потому, что «греки предаша греческую вѣру въ латынство». Если Византія погибла оттого, что не соблюла православія, а Русь избавилась отъ агарянскаго ига потому, что крѣпка была въ вѣрѣ, то, значитъ, на нее теперь падаетъ великая задача охраны православія, которое она уже отстаивала и отъ мусульманства, татаръ, и отъ латынства, Литвы, и отъ «прелестника Сидора митрополита сущаго волка». Авторъ составленнаго тогда сказанія о паденіи Царя-града въ этомъ смыслѣ и заканчиваетъ свою повѣсть: «сія убо вся благочестивыя царствія греческое и сербское грѣхъ ради нашихъ Божіимъ попущеніемъ безбожніи турци поплѣниша, въ запустѣніе положиша и покориша подъ свою власть. Наше же россійское, Божіею милостію, Пречистыя Богородицы и всѣхъ св. чудотворецъ молитвами растетъ и молодѣетъ и возвышается. Ей же Христе милостивый даждь рости и младѣти и расширятися и до скончанія вѣка». Къ 1492 г. мысль о первенствѣ въ православномъ мірѣ Москвы и ея государя уже настолько вошла въ общее сознаніе, что митрополитъ Зосима пишетъ о великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ, какъ его «нынѣ Богъ прославилъ», «вь православіи просіявшаго, благовѣрнаго и христолюбиваго... новаго царя Константина новому граду Константина Москвѣ и всей Русской землѣ и инымъ многимъ землямъ государя». Въ самомъ концѣ XV и въ началѣ XVI вв. эта мысль—любимый предметъ для варіаціи у московскихъ книжниковъ, и они развиваютъ ее до крайнихъ выводовъ. Особенно ярко выходило это у старца псковскаго Елеазарова монастыря Филоѳея. Въ своемъ посланіи великому князю Филоѳей обращается къ нему такъ: «тебѣ пресвѣтлѣйшему и высокостольнѣйшему государю и великому князю, православному христіанскому царю и владыкѣ всѣхъ, браздодержателю святыхъ Божіихъ престолъ святыя вселенскія и апостольскія церкви Пресв. Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія, иже вмѣсто римскія и константинопольскія просіявшу. Стараго убо Рима церкви падеся нечестіемъ аполлинаріевы ереси; второго же Рима, Константинова града, церкви агаряны внуци сѣкирами и оскордами разсѣкоша двери; сія же нынѣ третіяго новаго Рима державнаго твоего царствія святая соборная апостольская церковь, иже въ концахъ вселенныя въ православной христіанской вѣрѣ во всей поднебесной паче солнца свѣтится. И да вѣсть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христіанскія вѣры снидошася въ твое едино царство, единъ ты во всей поднебесной христіаномъ царь»... Призывая далѣе великаго князя хранить православіе, какъ оно передано на Русь отъ св. Константина царя и предковъ Московскаго государя блаженнаго Владиміра и великаго богоизбраннаго Ярослава, Филоѳей продолжаетъ: «блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христіанскія царства снидошася въ твое едино, яко два Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти: уже твое христіанское царство инымъ не достанется»...

Такъ отчетливо и ярко выразили московскіе книжники идею о замѣщеніи великаго значенія въ христіанствѣ двухъ Римовъ, не сохранившихъ православія, третьимъ, Москвой, а погибшей императорской власти и ея вселенскаго православнаго значенія—властью московскаго государя. Эти представленія были впослѣдствіи еще болѣе развиты и даже находили себѣ мѣсто въ актахъ высокой оффиціальности. Приведенныя слова Филоѳея цѣликомъ были занесены въ государственную лѣтопись, въ Степенную книгу, и приведены въ граматѣ объ учрежденіи патріаршаго престола въ Россіи. Уже во времена Ивана III послѣ того, какъ онъ женился на Софіи Палеологъ и тѣмъ какъ бы по праву родства съ послѣднимъ византійскимъ императоромъ принялъ его наслѣдіе, византійскій гербъ, двухглавый орелъ, начинаетъ появляться на печатяхъ, скрѣплявшихъ государственные акты, становится, слѣдовательно, гербомъ новаго царствія, подъявшаго павшій въ Византіи стягъ вселенскаго православія. Тогда же стали появляться въ русской книжности сказанія, стремившіяся доказать, что и родъ московскихъ государей столь же древній, какъ и византійскихъ, что христіанская вѣра явилась на Руси по крайней мѣрѣ одновременно съ Греціей. Стали доказывать, что родъ Рюрика идетъ отъ римскаго цесаря Августа, у котораго былъ будто бы младшій братъ Прусъ, получившій въ удѣлъ Пруссію, отъ этого то Пруса и произошелъ будто бы Рюрикъ. Вѣра же православная пришла на Русь не изъ Византіи, а установлена Первозваннымъ апостоломъ Андреемъ, онъ «первее благословивый землю нашу русскую и прообразивый намъ святое крещеніе истиннаго благочестія», воздвигнулъ крестъ на горахъ кіевскихъ, знаменуя тѣмъ священное чиноначаліе русской земли въ будущемъ православіи. Установивъ непосредственно преемство отъ цесаря Августа рода русскихъ государей, а отъ ап. Андрея православіе своей церкви, московскіе книжники стали утверждать, что и царство русское тоже «изначала бѣ», что еще Владиміру Мономаху, великому князю кіевскому, дѣдъ его родной царь Константинъ Мономахъ прислалъ «діадиму и вѣнецъ и крестъ животворящаго древа», какъ бы передавая тѣмъ славу греческаго царствія и вселенское значеніе императорской власти на Русь ея государямъ, «вѣнчанъ же бысть тогда въ Кіевѣ Владиміръ тѣмъ царскимъ вѣнцомъ... и оттолѣ боговѣнчанный царь нарицается въ россійскомъ царствіи». Другія сказанія, сложившіяся тогда же или переработанныя по новому старыя, стремились доказать, что послѣ паденія Византіи перешли въ Русь и символы высшаго церковно-іерархическаго величія, и даже самая святыня стала съ востока чудодѣйственно переходить въ православную Русь. Сказаніе о бѣломъ клобукѣ повѣствуетъ, что этотъ клобукъ былъ будто бы врученъ самимъ равноапостольнымъ царемъ Константиномъ Великимъ папѣ римскому Сильвестру, но потомъ, вслѣдствіе нечестія папъ, чудодѣйственно былъ перенесенъ въ Константиновъ градъ, новый Римъ, и возлежалъ на главѣ святѣйшихъ патріарховъ; когда второму Риму стали угрожать нечестивые агаряне-турки, бѣлый клобукъ чуднымъ образомъ перенесся на Русь, какъ еще прорекъ будто бы самъ папа Сильвестръ, явившійся въ откровеніи цареградскому патріарху: «яко же бо отъ Рима благодать, слава и честь

отнята бысть, тако же и отъ царствующаго града благодать Духа Святаго отымется въ плѣненіе агарянское и вся святая предана будутъ отъ Бога велицѣй рустѣй землѣ». Византійскую святыню стали чудеснымъ образомъ обрѣтать въ Русской землѣ. Сказаніе о Тихвинской иконѣ Божіей Матери повѣствуетъ о чудномъ шествіи св. иконы по воздуху въ глухіе предѣлы новгородскаго края, гдѣ святыня стремилась найти достойное для себя и безопасное отъ агарянъ и ихъ несноснаго поганства убѣжище. Такъ, событіе всемірной важности—паденіе Византіи—въ связи со своими мѣстными національными успѣхами возводило въ сознаніи русскихъ людей ихъ новое царство въ роль вселенскаго защитника православія, преемственно пріявшаго эту великую и славную обязанность отъ впавшаго въ безбожіе стараго Рима, отъ павшаго за невѣріе подъ ударами турокъ новаго Рима; теперь въ умахъ и сознаніи русскихъ людей ихъ царство стало носителемъ идеи вселенскаго православія, ихъ городъ, столица новаго царства — Москва — стала третьимъ Римомъ. Отсюда вытекала новая гражданская и политическая обязанность русскихъ людей московскаго—третьяго Рима—царствія. «Ветхій Римъ палъ именно за утерю правой вѣры, новый Римъ тоже за утерю истиннаго благочестія, за союзъ съ латинами. Понятно, что и третій Римъ—Москва—несомнѣнно падетъ и все Московское царство рушится, если русскіе люди не уберегутъ преданнаго имъ на сохраненіе Божественнымъ Промысломъ православія; только послѣдствія ихъ небреженія будутъ болѣе ужасны и гибельны. У ветхаго Рима былъ наслѣдникъ въ православіи второй Римъ—Константинополь; преемникомъ новаго Рима въ благочестіи сдѣлалась Москва, которая уже не будетъ имѣть по себѣ наслѣдниковъ, такъ какъ четвертому Риму не быть,—значитъ, если погибнетъ Москва, то погибнетъ православіе въ цѣломъ мірѣ, и русскіе люди одни будутъ неисходно виноваты въ этой гибели»... [1]) Прямымъ выводомъ изъ такого убѣжденія было то, что русскіе люди начали ставить себѣ въ обязанность строго и бдительно охранять все то, что служило съ ихъ точки зрѣнія залогомъ и ихъ вѣчнаго спасенія, и крѣпости, силы и процвѣтанія ихъ царства. Съ большой подозрительностью начинаютъ они относиться ко всякой попыткѣ что-либо измѣнять въ своей старинѣ, не допускаютъ у себя никакихъ нововведеній въ церковномъ быту и съ этой цѣлью начинаютъ заботливо приводить въ извѣстность и охранять то, что скопила вѣковая исторія въ ихъ церковномъ и общественномъ укладѣ. У новаго государства оказывается не только «своя собственная политическая, но и своя собственная церковная исторія, свои религіозно-церковныя традиціи, обычаи, своя собственная обильная и славная святыня, цѣлый сонмъ великихъ угодниковъ Божіихъ, богатая и вполнѣ достаточная для благочестивой жизни литература». Тогда уже возбуждаются большіе споры о сугубой аллилуйѣ, хожденіи посолонь—все то, что въ XVII в. привело къ расколу въ русской церкви. Начинала складываться та особая манера отношеній къ своему и чужому, та нелишенная извѣстнаго величія

---

1) Н. Каптеревъ. Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII вв., стр. 17.

увѣренность въ себѣ, въ своей правотѣ, которыя сообщали очень своеобразный характеръ русской жизни XVI и XVII вв. и по справедливости могутъ быть названы московскимъ укладомъ, такъ какъ онѣ среди Москвы-народа складывались и въ Москвѣ-городѣ нашли наиболѣе яркое и характерное выраженіе.

Этотъ новый укладъ тогда же, во второй половинѣ XV вѣка, начинаетъ сказываться въ «поступи» государя великаго князя, въ характерѣ проявленія имъ своего достоинства, въ той обстановкѣ, которою онъ себя окружаетъ. Предшественники Ивана III, великіе князья московскіе, просто «садились на великокняжескій столъ отцовъ и дѣдовъ». Иванъ Васильевичъ вѣнчаетъ своего преемника на великое княженіе торжественнымъ церковнымъ обрядомъ, возлагая на него вѣнецъ и бармы Мономаха, искусно сдѣланныя, какъ теперь можно считать установленнымъ, по восточнымъ азіатскимъ образцамъ мастерами московской Оружейной палаты [1]). Наименованіе великаго князя царемъ и самодержцемъ становится все чаще и чаще, проскользываетъ даже въ правительственные документы. Уже про Василія Темнаго московскіе книжники утверждали, что онъ только по своей великой скромности не принимаетъ пышнаго титула царя и именуется только государемъ всея Руси. Иванъ III тоже оффиціально не называетъ себя царемъ, но держится, какъ царь. Когда германскій императоръ просилъ у Ивана III руки его дочери для одного изъ своихъ племянниковъ и предлагалъ Московскому великому князю королевскій титулъ, то въ Москвѣ, поблагодаривъ за предложеніе, велѣли передать императору: «А что ты намъ говоришь о королевствѣ, то мы, Божіей милостью, государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы. Просимъ Бога, чтобы намъ и дѣтямъ нашимъ всегда далъ быть такъ, какъ мы теперь государи на своей землѣ; а постановленія какъ и прежде ни отъ кого не хотѣли, такъ не хотимъ и теперь». Предшественники Ивана Васильевича скромно писались въ граматахъ и печатяхъ своими именами въ ихъ обычномъ произношеніи—Иванъ, Семенъ, Дмитрей. Правнукъ Донского уже смотритъ за тѣмъ, чтобы имя его было написано не по-просту «Иванъ», а «Іоаннъ» и въ оффиціальныхъ бумагахъ величается пышнымъ титуломъ: «Мы, Іоаннъ, Божію милостію господарь всея Руси и великій князь Владимирскій и Московскій и Новгородскій и Псковскій и Тверскій и Угорскій и Вятскій и Пермскій и Болгарскій и иныхъ». Вторая супруга Ивана Васильевича, византійская принцесса, несомнѣнно внесла много изъ пышной и церемоніальной обстановки византійскаго двора въ скромный до того обиходъ Московскаго великаго князя. Бояре XVI в., потомки удѣльныхъ князей, потерявшихъ свою независимость при Иванѣ Васильевичѣ и его отцѣ, именно Софіи Ѳоминишнѣ приписывали всѣ непріятныя имъ нововведенія, которыя появились тогда при московскомъ дворѣ.

Посолъ германскаго императора Герберштейнъ, бывшій въ Россіи при преемникѣ Ивана III, со словъ московскихъ бояръ говоритъ о великой

[1]) А. А. Спицынъ—Бухарскій кладъ и «Мономахова шапка» (Извѣстія Импер. Археологич. Коммисіи кн. 29-ая).

княгинѣ Софіи, что она была женщина необыкновенно хитрая, имѣла большое вліяніе на своего супруга, во многомъ поступавшаго по ея наущенію; про нее говорили, что это она настояла на томъ, чтобы покончить тѣнь зависимости отъ Орды. Очень можетъ быть, что гордая византійская принцесса не мирилась со своимъ положеніемъ жены татарскаго данника и толкала мужа покончить съ этой зависимостью; не мирилась она, конечно, и съ простотой московской обстановки и рекомендовала обычаи болѣе ей знакомые. Въ дворцовой показной жизни она играла не малую роль; какъ царевна, она пользовалась правомъ принимать иноземныя посольства, и въ Москвѣ охотно шли на это, потому что этимъ путемъ такъ наглядно демонстрировалась мысль, что царевна, выйдя замужъ за Московскаго великаго князя, дѣлаетъ московскихъ государей преемниками византійскихъ императоровъ въ ихъ міровомъ значеніи охранителей и защитниковъ всего православнаго христіанства. И великая княгиня Софья до конца жизни величаетъ себя царевною царегородскою чаще и охотнѣе, чѣмъ великою княгинею Московскою. Вольные слуги, бояре и потомки удѣльныхъ князей, сородичи великаго князя по Рюрику и Александру Невскому, ставшіе въ рядъ служилыхъ людей великаго князя, принуждаемые отвѣшивать ему и женѣ его низкіе земные поклоны, цѣловать руки, смиренно ждать въ передней его выхода и стоять съ обнаженными головами, пока великій князь не позволитъ надѣть шапки, очень не жаловали автора этихъ обычаевъ, великую княгиню Софью. «Какъ пришла сюда великая княгиня Софья со своими греками—говорили они,—такъ наша земля и замѣшалась и пришли нестроенія многія, какъ и въ Цареградѣ при греческихъ царяхъ». Недовольнымъ греки указывали, что великая княгиня Софья съ обѣихъ сторонъ рода великаго: «по отцѣ царскаго рода константиноградскаго, а по матери отъ великаго дуксуса феррарійскаго италійскія страны», но въ Москвѣ холодно замѣчали на эту пышность происхожденія: «какова бы она ни была, да къ нашему нестроенію пришла». Несомнѣнно можно утверждать, что великій князь, вообще очень легко сносившій всякое противорѣчіе и «встрѣчу», сталъ къ концу жизни не жаловать спорщиковъ и круто обходиться съ тѣми, которые шли ему навстрѣчу не только словомъ, но и дѣломъ. Иванъ Васильевичъ начинаетъ подвергать казни первѣйшихъ князей, рубить головы тѣхъ, въ рукахъ которыхъ еще такъ недавно было такое же право жизни и смерти подвластныхъ, подъ какое они теперь подпадали сами, ставъ слугами великаго князя Московскаго.

«Почувствовавъ себя въ новомъ положеніи да еще рядомъ съ такой знатной женой, наслѣдницей византійскихъ императоровъ, Иванъ нашелъ тѣсной и некрасивой прежнюю кремлевскую обстановку, въ какой жили его невзыскательные предки» [1]).

Столица, новый, третій Римъ, представляла изъ себя не очень красивое сочетаніе деревянныхъ построекъ, образовывавшихъ своимъ направленіемъ кривыя и косыя улицы, переулки, тупики, пыльные лѣтомъ, невылазно грязные весной и осенью, занесенные сугробами снѣга зимой. Вся

---

1) В. О. Ключевскій, Курсъ русской исторіи, часть II, стр. 150.

эта деревянная стройка довольно несуразною кучею тѣснилась къ каменнымъ стѣнамъ Кремля, и самый Кремль, за исключеніемъ пяти или шести церквей, очень грубо построенныхъ изъ камня, представлялъ изъ себя такое же скопленіе деревянныхъ зданій, какое было за его стѣнами. Москва горѣла часто, и умѣла, благодаря своей стройкѣ, выгорать до-тла, но каждый разъ необычайно быстро возникала изъ пепла, благодаря обилію кругомъ лѣсовъ. Быстрота, съ какой воздвигались эти постройки, не позволяетъ думать, что эти скороспѣлыя зданія отличались особой красотой; вѣроятно, это были неуклюжіе срубы изъ толстыхъ бревенъ съ маленькими окошечками, кое-гдѣ украшенные очень незатѣйливой рѣзьбой, съ соломенными или дерновыми кровлями, по большей части съ черной топкой. Зданія были двухъ-этажныя, въ верхнемъ помѣщалось жилье, а внизу кладовыя. Сплошныя нагроможденія домовъ людей небольшого достатка прерывались огромными владѣніями богачей, бояръ и князей, церковными погостами, просто полями и огородами. Огороды были, надо думать, при каждомъ домѣ. Большія пустыя пространства служили выгонами для скота обывателей. Тогдашняя Москва была, собственно, большой деревней въ нашемъ смыслѣ слова, а княжескій дворецъ былъ господарской усадьбой этой огромной деревни, большая часть которой находилась въ прямой зависимости отъ дворца, доставляя туда различный столовый и обиходный запасъ. Великокняжескій дворецъ представлялъ изъ себя обычный срубъ, только большихъ размѣровъ; къ нему примыкали десятки другихъ большихъ или меньшихъ построекъ, пристроенныхъ вплотную или соединенныхъ съ главной частью затѣйливыми переходами, сѣнями, галлереями. Все это могло быть пестро раскрашено и разубрано рѣзьбой болѣе тонкой, чѣмъ обычная, работы.

«Москва начала усиливаться,—говоритъ С. М. Соловьевъ,—не въ такое время, когда можно было думать объ ея украшеніи, и потому до временъ Іоанна III представляла очень бѣдный видъ. Но теперь обстоятельства перемѣнились: Москва сдѣлалась столицею обширнаго государства, средства великаго князя увеличились, и главное — онъ получилъ возможность въ тишинѣ, безпрепятственно употреблять эти средства для украшенія своего стольнаго города». Насколько Московскимъ князьямъ было некогда заниматься украшеніемъ своей столицы, показываетъ слѣдующее обстоятельство. Въ Кремлѣ въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ находили себѣ вѣчный покой Московскія великія княгини, въ первые годы правленія Ивана III виднѣлась недостроенная каменная церковь, начатая постройкой въ 1407 г. вдовой Донского, Евдокіей Суздальской; продолжала стройку жена сына Донского Софья Витовтовна, но и ей не пришлось закончить храмъ, и только мать Ивана III, великая княгиня Марья, довела созданіе храма въ 1467 г. до конца. Ровно шестьдесятъ лѣтъ понадобилось, чтобы довести до конца совсѣмъ небольшую каменную постройку. Соборный храмъ Москвы, эта первая гордость и украшеніе всякаго города въ тѣ времена, построенный при Калитѣ, не отличался ни особой красотой, ни достойной столицы обширностью и высотой. Отъ древности, плохой постройки и многихъ пожаровъ этотъ неказистый храмъ уже разваливался,

и своды его были подперты «древами толстыми». Въ 1471 г. митрополитъ Филиппъ рѣшилъ, что надо поновить соборный храмъ, и сталъ собирать деньги на новое построеніе: «сотвори тягиню велику со всѣхъ поповъ и монастырей сбирати серебро на церковное созданіе сильно; а бояре и гости своею волею давали отъ своего имѣнія. По всей митрополіи онъ посылалъ съ добромъ Преч. Богородицы торговати, чтобы что прибыло церкви Божіе въ подможеніе», т.-е. митрополитъ устроилъ широкую торговлю обычными тогда пожертвованіями разнымъ добромъ въ соборный храмъ отъ христолюбцевъ, и выручку опредѣлилъ въ строительный фондъ. Къ этому времени великій князь, получившій богатую контрибуцію съ Новгорода, могъ внести не малыя деньги со своей стороны. Готовымъ образцомъ для новаго соборнаго храма рѣшили взять Владимірскій соборъ, построенный Андреемъ Боголюбскимъ. Во Владиміръ послали двухъ мастеровъ каменосѣчцевъ, Ивашку Кривцова да Мышкина, осмотрѣть соборъ и снять съ него мѣру въ широту, долготу и высоту. Митрополитъ Филиппъ межъ тѣмъ заготовлялъ матеріалъ: камень, известь, кирпичъ и даже покупалъ хорошихъ мастеровъ по строительной части, вѣроятно, изъ плѣнныхъ. Въ апрѣлѣ 1472 г. мастера обмѣрили планъ или окладъ новаго храма вокругъ стараго, намѣчая новый на полторы сажени обширнѣе Владимірскаго, разсчитывая сдѣлать его соотвѣтственно выше. По намѣченной чертѣ выкопали рвы, набили въ ихъ подошву сваи, стали класть каменный фундаментъ. 30-го апрѣля митрополитъ съ духовенствомъ и великій князь со всей свитой вышли крестнымъ ходомъ на стройку и здѣсь совершили торжественную закладку храма. При пѣніи соотвѣтствующихъ молитвъ митрополитъ положилъ своими руками камни тамъ, гдѣ надлежало быть алтарю, а также по сторонамъ и по угламъ. Во главѣ всего дѣла постройки были поставлены мастера Василій Ермолинъ и Иванъ Голова. Скоро оба строителя поссорились. Ермолинъ отказался продолжать стройку, и весь распорядокъ перешелъ въ руки одного Головы, которому помогалъ его отецъ Владиміръ Ховринъ.

Когда стѣны зданія были выведены въ ростъ человѣка, приступили къ разборкѣ прежняго собора и снесли стѣны его до уровня митрополичьихъ гробницъ. 29-го мая гробы святителей были торжественно перенесены въ особыя ниши, или кіоты, устроенныя въ стѣнахъ новаго храма. Торжество перенесенія сопровождалось открытіемъ св. мощей Іоны митрополита, св. Петра митрополита и другихъ святителей. Мощи св. Іоны митрополита, по словамъ лѣтописца, «явились всѣ цѣлы и нерушимы, прильпе бо плоть кости его и не двинушася составы его». У митрополита Фотія обрѣли въ тѣлѣ едины только ноги; митрополита Кипріана нашли всего истлѣвша, оставались едины кости. Ночью съ 14-го на 15-ое іюня митрополитъ Филиппъ, «со страхомъ и обливаясь многими слезами», вскрылъ гробницу св. Петра митрополита, первоздателя Успенскаго собора, и увидѣлъ гробъ, весь распавшійся отъ бывшаго огня. Въ Тохтамышево нашествіе татары вскрывали гробницу святого, думая, что тамъ скрыты сокровища; потомъ при пожарѣ гробъ обгорѣлъ, но мощей огонь не коснулся; ризы сверху погорѣли, а подъ мощами оставались цѣлы. Мощи

Общій видъ Кремля отъ храма Христа Спасителя.

MEZZOTINTOGRAVÜRE BRUCKMANN, MÜNCHEN

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ

св. Петра митрополита не были явлены народу, а собраны въ ларецъ, который закрытымъ поставили временно у гроба св. Іоны митрополита. Обрѣтены были кости, какъ кажется, и ихъ потому и не явили, что въ народѣ было такое мнѣніе: «кой только не въ тѣлѣ лежитъ, тотъ у нихъ не святъ, а того не помянутъ, яко кости наги источаютъ исцѣленіе». Но при торжественномъ перенесеніи св. мощей Петра митрополита, происходившемъ 1-го іюня, мощи были открыты и всѣмъ видимы.

Постройка собора двигалась довольно успѣшно для того времени, и къ веснѣ 1474 г. церковь обозначилась уже «чудна вельми и превысока зело», была выведена до сводовъ, которые оставалось только замкнуть, чтобы на нихъ соорудить «верхъ большой», т.-е. среднюю главу. Но тутъ произошло несчастье. «Мая 20,—пишетъ лѣтописецъ,—бысть трусъ (землетрясеніе) во градѣ Москвѣ и церковь св. Богородицы, сдѣлана бысть до верхнихъ каморъ, падеся въ 1 часъ ночи, и храми вси потрясошася, яко и земли поколебатися». Упала вся сѣверная стѣна, наполовину разрушилась и западная, рушились всѣ столпы и своды, уцѣлѣвшія стѣны еле держались. Кажется, что главной причиной паденія недостроеннаго храма было не землетрясеніе, а плохое умѣнье въ каменностроительномъ дѣлѣ русскихъ мастеровъ. Изъ Пскова были вызваны мастера каменнаго строенія, навыкшіе этому дѣлу отъ нѣмцевъ. Они осмотрѣли строеніе, похвалили работу, говоря, что гладко дѣлали, но не одобрили известь, потому что она жидко растворялась и была не клеевита. Продолжать московскую работу псковичи, однако, не взялись. Тогда, кажется, по настоянію великой княгини Софіи, Иванъ Васильевичъ рѣшилъ послать за мастерами каменносѣчнаго дѣла въ Италію. Люди италійской страны давно уже были хорошо извѣстными и радушно принимаемыми въ Москвѣ гостями. Первое появленіе ихъ въ Москвѣ относится ко временамъ Калиты и Семена Гордаго. Гости сурожане—купцы изъ генуэзскихъ поселеній въ Крыму и въ устьяхъ Дона, изъ Каѳы и Сурожа—очень дружили съ татарами, черезъ посредство которыхъ вели очень оживленную торговлю съ дальнимъ Востокомъ и среднею Азіею; конечно, ихъ торговый нюхъ не могъ оставить безъ вниманія и русскій улусъ великаго хана. Въ Москвѣ образовалась даже, какъ можно предполагать, колонія постоянно жившихъ здѣсь купцовъ-сурожанъ, торговавшихъ тѣми товарами, которые до сихъ поръ сохранили въ нашемъ языкѣ названіе суровскихъ. Эти сурожане, въ число которыхъ входили и греческіе выходцы, образовали довольно живую связь первоначальной Москвы съ передовыми тогда странами, Византіей и Италіей, и дали изъ своей среды первыхъ русскихъ пословъ на Западъ, когда при Иванѣ III начались дипломатическія сношенія съ западной Европой. Итальянцы Иванъ и Антоній фрязины (фрязины значило тогда итальянцы, вообще романцы, отъ испорченнаго слова франки) и грекъ Траханіотъ устроили самое бракосочетаніе Ивана III съ Софіей Палеологъ. Отъ нихъ въ Москвѣ знали объ искусствѣ въ строительномъ дѣлѣ итальянцевъ, и Иванъ III подъ ихъ вліяніемъ послалъ за мастерами на Западъ и именно въ Венецію, гдѣ тогда происходили большія строительныя работы. Русскій посолъ Семенъ Толбузинъ, благодаря помощи московскихъ итальянцевъ,

договорилъ въ Венеціи одного мастера, болонскаго уроженца Фіоравенти, прозваннаго за свое искусство и многостороннія познанія Аристотелемъ. Этого Аристотеля, разсказывалъ Толбузинъ, звалъ къ себѣ и турецкій царь, что въ Цареградѣ нынѣ сидитъ, но Аристотель не захотѣлъ служить невѣрному царю и согласился ѣхать въ Москву на службу за плату по 10 рублей въ мѣсяцъ. По тогдашнему счету это были очень большія деньги, потому что тогдашній рубль стоилъ не менѣе ста нынѣшнихъ.

«Церковь въ Венеціи св. Марка вельми чудна и хороша,—повѣствовалъ Семенъ Толбузинъ—да ворота Венецейскія, сказываютъ, его же Аристотелева дѣла вельми хитры и хороши». Венецейскій дука не хотѣлъ отпускать Аристотеля и отпустилъ его, яко нѣкій драгоцѣнный даръ, только въ особую дружбу и любовь къ Московскому великому князю. Въ 1475 г. Аристотель прибылъ въ Москву съ сыномъ Андреемъ да привезъ еще съ собой паробка, Петрушею зовутъ; быть можетъ, это былъ Петръ фрязинъ, строившій потомъ, въ 1490 г., башни и стѣны Кремля.

Знатный муроль, т.-е. знаменитый архитекторъ Аристотель Фіоравенти, осмотрѣлъ разрушившіяся стѣны Успенскаго собора, похвалилъ кладку, но очень не одобрилъ известь и камень, по всѣмъ вѣроятіямъ, песчаникъ изъ Мячкова. Плита, т.-е. кирпичъ, тверже камня, — сказалъ онъ, — а потому своды надо дѣлать плитою. Аристотель разбилъ оставшіяся стѣны собора и столпы. Разбивалъ онъ стѣны особой машиной, въ родѣ той, которою, какъ пишутъ въ книгахъ, царь Титъ Ерусалимъ разбивалъ, — говорили московскіе книжники. Вся Москва живо интересовалась работами итальянца и дивилась быстротѣ, съ какой Аристотель разрушалъ дѣло московскихъ мастеровъ. «Чудно было видѣть, — говоритъ лѣтописецъ, — что три года дѣлали, а онъ въ одну недѣлю, и даже меньше, все развалилъ, такъ что не поспѣвали выносить камень, а то бы въ три дня хотѣлъ все развалить». Такъ какъ и Аристотелю ставили условіемъ воздвигнуть храмъ, похожій на Владимірскій соборъ, то онъ съѣздилъ посмотрѣть его, очень хвалилъ красивое зданіе храма и сказалъ: «Это работа какихъ-нибудь нашихъ мастеровъ». Печь для обжиганія кирпичей Аристотель устроилъ въ богатой глиной мѣстности подъ Андроніевымъ монастыремъ, гдѣ и по сейчасъ видны ямы и рвы этого Аристотелева кирпичнаго завода. Кирпичи Аристотель велѣлъ дѣлать уже и продолговатѣе московскихъ, а известь замѣшивать возможно гуще.

Подготовивъ все для постройки, онъ началъ самую кладку и на первый годъ вывелъ стѣны изъ земли. На другой годъ (1476) стѣны были уже выведены по кивоты, которые идутъ снаружи стѣнъ въ видѣ пояса и представляютъ собой рядъ колоннокъ, соединенныхъ круглыми перемычками. Всѣ скрѣпы и связи Аристотель дѣлалъ изъ кованаго желѣза. На третій годъ (1477) зданіе было достроено до подсводной части. «Чудно было видать,—разсказываетъ лѣтописецъ,—какъ хитрый муроль на столпы (четыре колонны внутри храма) положилъ по четыре камени великихъ и совокупилъ кружало (сводъ) и истесалъ на нихъ по 4 конца на четырехъ сторонахъ, одно противъ другого, точно на каменныхъ деревьяхъ, насквозь каменье то сбито». Въ 1478 г. постройка вчернѣ была вся готова. Вокругъ

шеи средней главы Аристотель устроилъ потаенную казну, помостъ намостилъ мелкимъ камнемъ въ узоръ; въ алтарѣ надъ митрополичьимъ мѣстомъ за престоломъ истесалъ онъ «крыжъ ляшскій» изъ камня, но митрополитъ велѣлъ потомъ эту ересь стесать. Крышу надъ храмомъ дѣлали мастера-новгородцы. Сначала они покрыли все зданіе деревомъ, плотно подгоняя одну доску къ другой, а по дереву крыли бѣлымъ нѣмецкимъ желѣзомъ. Въ 1479 г. Успенскій соборъ былъ совсѣмъ готовъ, «и была та церковь,—пишетъ лѣтописецъ,—чудна вельми величествомъ и высотою и свѣтлостью и звонностью и пространствомъ; таковой прежде не бывало на Руси кромѣ Владимірской». Такъ третій Римъ получилъ достойный его храмъ-палладіумъ, который пробужденное національное самосознаніе уже ставило выше св. Петра въ старомъ Римѣ и св. Премудрости Божіей въ новомъ Римѣ, Константинополѣ. Въ 1482 г. Успенскій соборъ былъ украшенъ стѣнописью, надъ которой работали русскіе мастера-иконники Денисій, попъ Тимофей и другіе, написавшіе «чудно вельми Деисусъ и съ праздники и съ пророки».

Черезъ семь лѣтъ послѣ окончанія постройки Успенскаго собора великій князь велѣлъ мастеру Марку изъ Венеціи построить большую палату на своемъ дворѣ. Въ 1491 г. она была готова. Это была такъ называемая Грановитая палата, назначавшаяся для торжественныхъ пріемовъ и пышныхъ дворцовыхъ церемоній. Въ 1499 г. Иванъ Васильевичъ приказываетъ мастеру Алевизу медіоланцу построить дворецъ каменный. Этотъ дворецъ былъ оконченъ стройкой въ 1508 г. черезъ два съ лишкомъ года по кончинѣ своего основателя. До нашего времени сохранились отъ него три нижнихъ этажа нынѣ существующаго, такъ называемаго Теремного дворца. Еще раньше начато было постепенное обновленіе стѣнъ и укрѣпленій самого Кремля. «Старыя стѣны,—говоритъ И. Е. Забѣлинъ,—значительно обветшавшія и отъ времени, и отъ многихъ пожаровъ, теперь уже не удовлетворяли новымъ требованіямъ и могуществу государственнаго гнѣзда, какимъ являлся этотъ ветхій Кремль. А величественный соборъ Успенскій какъ бы указывалъ на необходимость окружить его достойнымъ вѣнкомъ новыхъ сооруженій»... Это сооруженіе до сихъ поръ существующихъ стѣнъ Кремля началось въ 1485 г., когда 19-го іюля мастеръ Антонъ фрязинъ на мѣстѣ старыхъ Четковыхъ воротъ заложилъ новыя; подъ этими воротами онъ устроилъ тайникъ, тайный подземный ходъ къ рѣкѣ, чтобы дать гарнизону возможность въ случаѣ тѣсной осады добывать себѣ воду. Впослѣдствіи эти ворота по тайнику получили названіе Тайницкихъ. Въ 1487 г. Марко фрязинъ построилъ наугольную башню внизъ по Москвѣ-рѣкѣ, названной Беклемишевской, по двору боярина Беклемишева, стоявшаго возлѣ нея. Въ слѣдующемъ году Антонъ фрязинъ строитъ наугольную башню въ верху теченія рѣки, названную Свибловской, тоже по двору боярина Свиблова. Зимой 1490 г. пріѣхали въ Москву по вызову великаго князя изъ Милана мастера крѣпостного строенія Петръ-Антоній и Замъ-Антоній. Въ теченіе перваго года своего пребыванія въ Москвѣ Петръ-Антоній построилъ двѣ башни или стрѣльницы со стѣной, одну у Боровицкихъ воротъ, а другую подъ Константино-

Еленскими воротами, называвшимися Нижними, потому что находились внизу Кремлевскаго холма. Въ 1491 г. Петръ-Антоній медіоланецъ и Марко венеціанецъ строятъ Фроловскія, нынѣ Спасскія, и Никольскія ворота. На Спасскихъ воротахъ до сихъ поръ существуетъ сдѣланная тогда надпись, что строены они повелѣніемъ Іоанна Васильевича, государя и самодержца всея Россіи, въ 30-ое лѣто государства его, а дѣлалъ Петръ-Антоніе отъ града Медіолана. Съ внутренней стороны надпись сдѣлана по-русски, а съ внѣшней, отъ посада, по-латыни. Тогда же начали постройку и стѣны между Спасскими и Никольскими воротами. Общій архитектурный характеръ всѣхъ этихъ проѣздныхъ и глухихъ наугольныхъ башенъ не оставляетъ сомнѣній, откуда мастера-строители брали образцы для своихъ построекъ. Кто бывалъ въ Миланѣ, не можетъ не подмѣтить близкаго архитектурнаго родства стѣнъ и башенъ замка Сфорца съ укрѣпленіями московскаго Кремля. Въ 1493 г. началось укрѣпленіе Кремля по теченію рѣки Неглинной, тамъ, гдѣ теперь Александровскій садъ. Такъ какъ Неглинная на этомъ мѣстѣ довольно значительно удалялась отъ Кремлевской стѣны, то здѣсь вырыли глубокій ровъ, дно котораго и занимаетъ теперь Александровскій садъ. Полное устройство Кремлевской стѣны окончилось въ 1508 г., когда фрязинъ Алевизъ продолжилъ ровъ со стороны Неглинной по Красной площади и торгу. Этотъ ровъ, глубиной въ 4 сажени, а шириной до 17, былъ выложенъ бѣлымъ камнемъ; передъ нимъ возвышались стѣны «забрала»—несуществующія теперь, какъ и ровъ, передовыя укрѣпленія рва и главныхъ стѣнъ. По рвамъ была пущена вода, накопленная изъ Неглинной въ особыхъ прудахъ. Такимъ образомъ московская крѣпость со всѣхъ сторонъ была окружена водою, и Кремль сдѣлался какъ бы островомъ. По правиламъ тогдашняго фортификаціоннаго искусства всѣ дома и строенія на разстояніи ста-стапятидесяти саженъ отъ стѣнъ были снесены, при чемъ не пощадили ни церквей, ни кладбищъ, на что очень жаловались тогдашніе люди; по Замоскворѣчью тоже была очищена мѣстность противъ стѣнъ Кремля, а на образовавшемся пустырѣ развели государевъ садъ, существовавшій тамъ подъ названіемъ Царицына луга до конца XVII в. Въ этой мѣстности пришлось тоже снести и уничтожить много церквей. Благочестивая мысль тогдашнихъ москвичей очень возмущалась этимъ обстоятельствомъ; вспоминали слова Моисея Боговидца во Второзаконіи: «Да не насадиши садовъ, ни древа подлѣ требника Господа Бога твоего». Пустоту вокругъ Кремля находили некрасивой и говорили: «вотъ дворы отодвинуты отъ града, а развѣ это въ лѣпоту? а церкви стояли бъ вокругъ града, еще бы и честь граду большая была. Пусть бы и въ государевомъ саду стояли церкви, поднять бы ихъ на подклѣти, да сѣни порядити, да переходы, и коли случится великому князю или великой княгинѣ саду посмотрѣти, и онъ посидѣлъ бы у церкви, ино лѣпо видѣти. А теперь порушили храмы, а колико лѣтъ они стояли! гдѣ престолъ стоялъ и жертвенникъ, то мѣсто непроходно, а нынѣ тѣ мѣста не огорожены, ино и собаки на то мѣсто ходятъ и всякій скотъ». Но эти московскіе толки не повернули дѣла на старое, и остались для насъ только памятью того живого и непосредственнаго участія, съ которымъ Москва-народъ относилась къ увеличенію и

украшенію Москвы-города. Въ этомъ смыслѣ необыкновенно трогательна та подчасъ скрупулезная внимательность, съ которою московскій-лѣтописецъ слѣдитъ за мелочами строенія соборовъ, отмѣчая заботливо всѣ событія постройки. На лѣсахъ Успенскаго собора, когда онъ строился, многіе трудились добровольно, изъ усердія къ святому дѣлу, и среди такихъ христолюбцевъ были и простые, и знатные.

Въ то время, когда шла постройка Кремлевскихъ стѣнъ, въ самомъ Кремлѣ и на посадѣ въ многочисленныхъ погостахъ и монастыряхъ сооружались новые каменные храмы подъ смотрѣніемъ и заѣзжихъ итальянскихъ мастеровъ, работавшихъ по кружалу (циркулю) и линейкѣ, и своихъ, какъ выучившихся у иноземцевъ, такъ и самоучекъ, руководствовавшися навыкомъ и смѣткой. Изъ Кремлевскихъ построекъ тѣхъ временъ, кромѣ упомянутыхъ выше, особенно замѣчательны Благовѣщенскій соборъ и Архангельскій, воздвигавшіеся на мѣстѣ старыхъ храмовъ того же имени. Архангельскій соборъ, въ которомъ были погребены предки великаго князя, Иванъ Васильевичъ началъ строить въ 1505 г., въ годъ своей кончины; погребенъ онъ былъ въ недостроенномъ храмѣ, кончать который пришлось его наслѣднику. Нѣтъ возможности перечислить всѣ каменныя постройки, задуманныя и совершенныя при Иванѣ III въ Кремлѣ и самомъ посадѣ: такъ ихъ было много. Для насъ важенъ общій результатъ: строительство Ивана III совсѣмъ измѣнило обликъ стараго Кремля, который теперь сталъ больше походить на европейскій замокъ, чѣмъ на то скопленіе деревянныхъ зданій за первобытной каменной стѣной митрополита Алексѣя, какимъ засталъ свой стольный городъ Иванъ Васильевичъ, когда сдѣлался государемъ и великимъ княземъ всея Руси. Итальянецъ Павелъ Іовій, писавшій о Москвѣ въ 1535 г., показываетъ Кремль весьма красивымъ замкомъ съ башнями и бойницами, построенными итальянскими архитекторами.

Итакъ, въ начало новаго XVI в. третій Римъ вступалъ обновленнымъ, украшеннымъ, укрѣпленнымъ, готовымъ выносить всѣ тѣ бѣдствія, которыя пошлетъ ему судьба, богатымъ своими мѣстными святынями, постепенно получавшими обще-русское значеніе. Мѣстныя святыни были у всѣхъ краевъ великорусской земли, жившихъ сколько-нибудь самостоятельной жизнью. Это были «свои» мѣстныя иконы, «свои» угодники, носители мѣстнаго народнаго духа, духовнымъ подвигомъ являвшіе примѣръ жизни, освѣщенный лучшими идеалами, какъ эти идеалы тогда понимались. Край, имѣвшій такую святыню, считалъ себя подъ ея особымъ покровительствомъ, и имѣть свою святыню было завѣтной мечтой каждаго новаго складывавшагося государственнаго организма. Когда въ Ростовѣ были открыты мощи св. Лаврентія, перваго святого въ этой области, то князь Андрей такъ высказалъ свою благочестивую радость: «Теперь,—говорилъ онъ,—я уже ничѣмъ не охужденъ передъ прочими землями». Покидая тайно безпокойный югъ и отправляясь на любимый имъ сѣверъ, князь Андрей увезъ съ юга великую святыню—образъ Пресв. Богородицы, писанный по преданію самимъ ап. Лукой. Москва по мѣрѣ роста своего получала свою святыню: мощи основателя ея всероссійскаго значенія, митрополита Петра, устроителя порядка и твердаго поборника первенства Москвы св. Алексѣя митрополита,

его сподвижника преп. Сергія, имя котораго неразрывно связано съ Куликовскимъ торжествомъ. Объединеніе вокругъ Москвы всей Великороссіи вело къ сосредоточенію въ Москвѣ всѣхъ мѣстныхъ святынь, что дѣлало ихъ святынями всероссійскими. Собирая удѣлы, Московскіе князья не стѣснялись захватывать въ забираемыхъ городахъ важнѣйшія святыни и перевозить ихъ въ Москву. Почти весь первый ярусъ иконостаса въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ состоитъ изъ чтимыхъ чудотворныхъ иконъ, собранныхъ по разнымъ городамъ: образъ св. Спаса—изъ Новгорода, икона Благовѣщенія—изъ Устюга, образъ Божіей Матери Одигитріи,—изъ Смоленска, образъ Божіей Матери—изъ Владиміра, икона Псково-Печерская—изъ Пскова и мн. др. Вся эта святыня, водворяемая въ новомъ городѣ Москвѣ, должна была оживить его новые храмы своей древней святостью, должна была живо свидѣтельствовать, — какъ выражается авторъ одного житія,—что русская церковь, хотя и явилась въ одиннадцатый часъ, но сдѣлала не меньше тѣхъ дѣлателей въ вертоградѣ Господнемъ, которые работали съ перваго часа; что сѣмена пали здѣсь не въ терніе и не на камень, а въ добрую, тучную землю и принесли жатву сторицею. Надо было показать всему православному міру, что новое государство и его церковь, получившія послѣ паденія Царя-града вселенское значеніе, достойны его. Въ Москвѣ начинаютъ серьезно думать о необходимости привести въ извѣстность всѣхъ мѣстно-чествуемыхъ русскихъ угодниковъ и о признаніи ихъ всероссійскими святыми. Когда Москва стала царствомъ, то этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ, какъ вполнѣ подготовленный. Въ первый годъ царствованія Грознаго (1547 г.) соборъ русскихъ іерарховъ канонизовалъ 22 угодника. Къ 1549 г. собрали свѣдѣнія отъ духовенства и богобоязненныхъ людей о знаменіяхъ и чудесахъ, являвшихся у мощей святыхъ людей, и на основаніи добытыхъ результатовъ канонизовали еще 17 угодниковъ. «Такимъ образомъ, въ два-три года,—замѣчаетъ историкъ этихъ канонизацій, — у насъ въ русской церкви канонизуется столько святыхъ, сколько не было канонизовано во всѣ предыдущіе пять вѣковъ, протекшихъ со времени основанія нашей церкви до 1547—49 гг.». Одинъ изъ «списателей» житій новыхъ угодниковъ выразилъ очень отчетливо все значеніе совершавшагося событія. «Теперь,—говоритъ онъ,—церковь Божія въ русской землѣ не вдовствуетъ памятью святыхъ», и Русь дѣйствительно сіяетъ благочестіемъ, «якоже второй Римъ и царствующій градъ». Теперь нечего превозносить первенство Царя-града,—«тамъ бо вѣра православная испроказилась Махметовою ересью отъ безбожныхъ турокъ, теперь же въ русской землѣ паче просіяла святость отецъ *нашихъ* ученіемъ».

Для Москвы все это имѣло огромное значеніе. Части вновь открываемыхъ мощей приносились въ Москву и торжественно водворялись въ Кремлевскихъ соборахъ. Изъ Византіи, съ Аѳона, изъ греческихъ монастырей, изъ Палестины, изъ православной Грузіи привлекали въ Москву, не жалѣя и не разбирая средствъ, всю древнюю святыню, какую можно было привлечь, и Москва обогащалась ею все болѣе и болѣе. А это дѣлало ее крупнымъ религіознымъ центромъ, влекло къ ней сердца и умы тогдашнихъ людей, какъ къ средоточію большой святыни, съ другой же

стороны, средоточіе святынь освящало всякій шагъ Москвы въ глазахъ тогдашнихъ людей.

Къ началу XVI в. Москва—несомнѣнный центръ всей политической, церковной и, что можетъ быть всего важнѣе для тѣхъ временъ, религіозной жизни Великороссіи, и въ этомъ смыслѣ Москва тѣхъ временъ—несомнѣнная единая столица великорусской національности, престолъ великаго россійскаго царствія, какъ говорили тогдашніе книжники. Не даромъ чужестранцы все это царствіе начинаютъ называть Москвой, Московіей или Московскимъ государствомъ.

Изъ Псалтыря съ Четвероевангеліемъ и Уставомъ, писан. около 1500 г.

Оглавленіе перваго выпуска.

Стр.

Отъ редакціи 1

Проф. Д. Н. Анучинъ, Геологическое прошлое и географическое настоящее Москвы 9

Проф. Д. Н. Анучинъ, Доисторическое прошлое Москвы . . 26

Д. И. Успенскій, Сказанія о началѣ Москвы 54

Проф. М. К. Любавскій, Возвышеніе Москвы 66

С. А. Князьковъ, Москва-городъ и Москва-народъ въ XIV и XV вв. 75

29100